4
К-90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

Тезисы
I Всесоюзной научной конференции
(Звенигород, 19-21 марта 1990 г.)

МОСКВА 1990

Р.Л. Культура речи
Норма.

Редакционная коллегия
Е.Н.Ширяев (отв. редактор), О.Л.Дмитриева,
Е.М.Лазуткина, Н.В.Новикова, Б.С.Шарикоф

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

1 бил ж.

Ф.Л.Агеенко

ПРОБЛЕМА ПРАВИЛЬНОСТИ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ НА РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИИ /НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ/

На данном этапе развития радио и телевидения, когда происходят процессы глубокой перестройки многих передач, особенно остро стоит вопрос о правильности и чистоте речи выступающих у микрофона и на телеэкране. Сейчас значительно расширился круг лиц, допущенных к эфиру, но вместе с этим отмечается резкое снижение культуры речи, небрежное отношение к слову. Отсюда-многочисленные ошибки.

Сообщение посвящено анализу некоторых типичных отклонений от норм орфоэпии, допускаемых дикторами, обозревателями, комментаторами, журналистами радио и телевидения при произношении заимствованных фамилий.

Рассматриваются следующие орфоэпические черты: 1/ отсутствие редукции гласного /о/ в безударных слогах: м/оне́, /о/тел-л/о/, /о/н/о/ре́ де Бальза́к, 2/ отсутствие смягчения ряда согласных перед /э/: Фло/бэ́/р, Мю/сса́/, Дю/ма́/р, 3/ отсутствие твердости согласных Ж,Ш,Ц : Жюль, Жюльен, Авижюс, Коцюбинский.

Далее излагаются принципы акцентуации иноязычных фамилий. Отмечаются такие критерии языковой нормы, как употребление и традиционность. В связи с этим подчеркивается роль подъязыка журналистов в формировании нормы на ВР и ЦТ, которые в своих репортажах из зарубежных стран употребляют некоторые имена собственные, воспроизводя как можно более точно звуковой облик слова. Эти варианты распространяются в речевой практике и иногда оказывают влияние на корректировку рекомендаций и ведут к отказу от традиционных форм, например: Ре́мбрандт, Ньютон, Бе́рнард Шо́у, Дэ́вид Ко́ппер-филд, Ма́кбет/но: "Ле́ди Ма́кбет Мценского уезда"/ вм. Рембра́нт, Ньюто́н, Бернард Шоу, Дави́д Коппе́рфильд, Ма́кбет. В современных энциклопедиях также заметно стремление приблизиться к оригиналу. Однако в других случаях предпочтительными являются традиционные варианты, широко вошедшие в употребление: Долоре́с Ибаррури, Кармен, Шекспир, хотя в языках-источниках они произносятся: Долоре́с Ибарру́ри, Ка́рмен, Ше́йкспир.

1

К-90

1-б эк.

Акимова Г.Н.

Современная пунктуационная норма и функциональные стили

Современная пунктуация отражает изменения, происходящие в синтаксическом строе, которые выражаются в тенденции к более расчлененному тексту и некоторым нарушениям синтагматической цепочки. Реакция пунктуационного оформления текста на новые тенденции проявляется как в новых функциях знаков препинания, так и в изменившейся частотности их употребления. Кроме того, возникают и новые знаки препинания. Изменения в нормах пунктуации (набор, значение, частотность знаков) отражает, во-первых, изменения в структурах стилистически нейтрального типа и, во-вторых, экспрессивные синтаксические конструкции. Оба типа изменений связаны с функциональной направленностью текста и различиями в принципах пунктуации.

Общепринятые принципы русской пунктуации - грамматический, смысловой, интонационный - нерядоположены. Грамматический принцип, отражающий объективный состав отдельной синтаксической структуры, ориентирован на передачу "объективной" же информации. Так называемый смысловой принцип связан с авторскими оценками передаваемой информации, чаще всего выходящей за пределы отдельной конструкции и связанной с текстом. В экспрессивных синтаксических конструкциях, также имеющих четкие текстовые зависимости, воздействующая, преднамеренная ориентация на читателя окрашивает смысловую пунктуацию уже элементами "звучания" и интонационный принцип проявляется наиболее отчетливо.

Связь пунктуационной нормы с функциональными стилями проявляется в том, что книжные формы письменной речи - научная, деловая, отчасти публицистическая проза - используют преимущественно грамматический принцип и отчасти смысловой, с учетом тех изменений в синтаксическом строе, которые не имеют подчеркнутых экспрессивных признаков. Например, участившееся употребление тире, скобок, точки отражают развитие вставных конструкций, изменившийся средний размер предложения и т.п. Экспрессивные конструкции, распространенные преимущественно в большинстве жанров публицистики и в художественных текстах, пунктуационно

оформляются с учетом возрастающего личностного начала в подаче содержания, апелляции к адресату, скрытой диалогизации монологического текста. Это вызывает повышенное употребление "модальных" и "эмоциональных" знаков - вопросительного, восклицательного, многоточия, их изолированное употребление в скобках; повышенное употребление точки, многоточия в парцеллированных и сегментированных конструкциях.

В художественных и художественно-публицистических текстах отмечается и пунктуационное экспериментирование. Это касается, например, абзацного отступа. "Малые" абзацы (1-2 строки) отражают дробность, расчлененность изложения, в отдельный абзац может выноситься и короткое предложение и незначительный по размеру парцеллят. Экспрессивный пунктуационный эксперимент может выражаться либо в использовании тире вместо других, неконкурентных знаков (запятая), либо в качестве показателя интонационной расчлененности. Экспериментальным является и оформление части текста без знаков препинания вообще, что имитирует нерасчлененную спонтанную речь. Однако "звучание" текста, ожидаемое от пунктуационных новшеств, происходит не всегда. Когда пунктуация, казалось бы, "озвучивает" текст, на самом деле это лишь иллюзия, рассчитанная на зрительное восприятие (например, частое абзацное членение).

Новые знаки препинания представлены : знаком косой черты как выразителя оппозиционного значения, обычно в научной речи ("переходные/непереходные глаголы"); особым употреблением дефиса, соединяющего "приблизительные" понятия : "петероург пировал, "ура" неизвестно кому-почему ... вот и вожди, лейб-гвардии офицеры, дождались в конце... всем сейчас же соединиться, возглавить полки-штыки-курки (В.Соснора); висячим дефисом как знаком сжатия однородной синтаксической группы, чаще всего при аналитических прилагательных ("угле-, нефте-, газо- и рудодобывающие предприятия").

Частое употребление многих экспрессивных конструкций может привести к псевдоэкспрессии, когда воздействующая сила стирается. Синтаксические клише порождают клише пунктуационные, что особенно часто проявляется в употреблении парцеллированных, сегментированных, вопросо-ответных конструкций в монологической речи.

В.И. Аннушкин

РИТОРИКА - СТИЛИСТИКА - КУЛЬТУРА РЕЧИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

I. В истории русской филологии риторика понималась как наука о речи в самом широком смысле. "Предмет риторики есть речь" /К.П.Зеленецкий, 1860/; "Красноречие есть искусство о всякой предложенной материи красно говорить и писать..." /М.В.Ломоносов, 1747/. Целью классической риторики является нахождение способов убеждения относительно каждого данного предмета /Аристотель/, вопросы же убедительности речи традиционно предполагали обращение к проблемам правильности, точности, ясности, простоты и т.д..

Риторика была обращена к правилам, касающимся всех компонентов речевого акта /общая риторика/ и правилам создания всех родов и видов прозаических сочинений /частная риторика/. Части общей риторики в квинтилиановской традиции: изобретение /нахождение идей, создание доказательств, распространение речи/, расположение /части композиции/, выражение /поиск слов/, память, произношение. Риторика в аристотелевской традиции: анализ личности ритора и его "образа", разбор общих мест /изобретение идей, состав философско-этических познаний оратора/, описание родов речей, способов возбуждения страстей /ср. у М.В.Ломоносова/, композиции, стиля /"как должно говорить" с точки зрения слововыражения и произношения/.

2. Классическая стилистика является частью риторики /ср. у Аристотеля 3-я глава "Риторики" - о стиле; в русских учебниках риторики XVII-XIX веков главы, посвященные слововыражению, тропам и фигурам речи, произношению, обычно занимают руководства/. Современная стилистика занимается выразительными средствами языка, принципами целесообразного их отбора и использования в конкретных речевых ситуациях. Функциональная стилистика возникла на том месте, где раньше была частная риторика. Разработка жанровой дифференциации функционально-стилистических единств восходит к роды и видам словесности в частной риторике.

3. Культура речи в современном научном понимании касается владения нормами литературного языка, правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и т.д., а также умения пользоваться выразительными языковыми средствами. Предмет культура речи - чисто "русский", возникший и развившийся на отечественной почве в советское время.

4. Возрожденье риторики, развитие стилистики, расширенное понимание задач культуры речи - очередные задачи советской филологии.

Культура речи должна пониматься шире /ср. призывы В.В.Виноградова к "широкому, всестороннему изучению народной "речевой жизни", "изучению живой устной и письменной речи во всём многообразии форм, жанров и обнаружений"/. Существует разбор каждого из понятий "культура" и "речь" требует уточнения и расширения прежнего толкования: культура - сохранение, отбор и развитие ценностей цивилизации, следование образцам деятельности /в данном случае - речевой/; включить в разбор понятия "речь" все компоненты речевого акта общения /например, анализ характера говорящего и аудитории в разных ситуациях речи, правил ведения речи, видов эмоций, разбор общих мест и применяемых способов доказательств и т.д./.

Культура речи должна быть обогащена риторическими правилами речи /в том числе, классическими/, касающимися не только правил произношения, ударения, словоупотребления и т.д., но и норм вежливости, уместности, эффективности речевых коммуникаций. Риторика как классическая наука о речи немыслима "вне культуры", поскольку корректное убеждение может быть основано только на правильном философско-этическом и культурном фундаменте.

Изучение функциональных стилей необходимо соединить с изучением родов, видов и жанров современной словесности /частная риторика/, поскольку, например, разговорный стиль поразному проявляет себя в семейно-бытовом диалоге, судебной, учебной или политической речи.

Риторика показывает состояние речевых коммуникаций в обществе, уровень культуры речи в широком смысле отражает духовное состояние народа, формируя стиль взаимоотношений и общий стиль жизни.

А.Н.Баранов

КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЕСТЕСТВЕННОЯЗЫКОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Рассматривая возможные реакции адресата практического рассуждения на аргументы, можно выделить целый ряд реплик, свидетельствующих о провале или по крайней мере о неуспешности коммуникативного взаимодействия с точки зрения нарушения некоторых культурно обусловленных норм поведения. Здесь можно обнаружить такие реплики, как "Это удар ниже пояса", "Вы передергиваете", "Вы пользуетесь нечистоплотными методами", "Это демагогия", "Простите, но об этом у нас не говорят". Какие специфические черты предшествующего аргументативного дискурса вызвали соответствующую реакцию со стороны адресата? Какие представления о нормах аргументирования и спора в данном социуме лежат в основе приведенных ответных реплик? Другими словами, что вызвало столь специфическую форму реакции на иллокутивное вынуждение пропонента?

Ответы на этот вопрос могут быть получены в рамках когнитивной модели естественноязыковой аргументации, учитывающей наряду с собственно языковыми когнитивные и культурные факторы речевого взаимодействия. В докладе предлагается вариант когнитивной модели процесса языкового аргументирования, включающий модели мира пропонента и оппонента, их ценностные представления (аксиологический блок), а также культурно обусловленные стратегии речевого взаимодействия и процесса принятия решений, воплощенные в естественном языке в семантике и прагматике метафор, паремий и некоторых категорий предикатных лексем. Культурно обусловленные наборы готовых сценариев речевого (и связанного с ним неречевого) поведения обеспечивают необходимую оперативность процесса принятия решений. Так,

метафора спора-войны, реализованная в таких выражениях, как "Он непобедим в споре", "Я успешно защитился от его нападок и обратил его в бегство", "Мне удалось отстоять свои позиции", актуализуя представление об оппоненте как о враге, существенно осложняет достижение консенсуса.

В предлагаемой модели свойство "культурности" аргументативного диалога оказывается связанным с теми стереотипами, которые навязывают носителю языка представление о "правильном" рассуждении с точки зрения практической, наивной логики. В этом случае естественная логика определяет те рамки речевого воздействия, которые в принципе допускаются в данном социуме. В европейской культурной традиции нормы "культурного" аргументирования сформировались под влиянием идеала рационального спора или рационального доказательства, широко представленного в философской традиции (ср. например, философские трактаты Платона, Спинозы, Бл.Августина, Лейбница и др., построенные в форме диалогов-рассуждений).

Легко показать, что нарушения норм "культурного" диалога связаны с нарушением некоторых прототипических характеристик рационального спора. Предлагаемая в докладе типология отклонений от идеала рационального рассуждения задает основные типы коммуникативных неудач (как в слабом, так и сильном смыслах), характерных для "европейского" стандарта аргументирования. К нарушениям культурных норм можно отнести, в частности, использование средств имплицитного воздействия на сознание адресата, апелляцию к силе, значительное усложнение квазилогической схемы доказательства и т.д.

Отклонение от культурно обусловленных норм нельзя считать единственным фактором, задающим параметры "культурной" аргументации. Для коммуникативно успешного аргументирования оказываются весьма важными и другие социально обусловленные параметры речевого общения и прежде всего феномен вежливости.

В.Н. Белоусов

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

I. Обострение национально-языковых отношений в республиках и неудовлетворенность языковой ситуацией в стране естественным образом способствовали повышенному вниманию к проблемам культуры как родной, так и русской речи. К голосу русистов, деятелей русской культуры и просвещения присоединились и те, для кого русский язык не является родным, но кто также обеспокоен современным состоянием этого языка, падением речевой культуры, нарушением языковых норм, низким, подчас просто примитивным уровнем языка средств массовой информации. Справедливой критике подвергается узкопрагматический взгляд на русский язык как всего лишь средство достижения целей коммуникации.

2. В исследованиях по проблемам ортологии русского языка, функционирующего в иноязычном окружении, до сих пор внимание преимущественно уделяется русской речи билингвов, тех, для кого русский язык не является родным. При этом различного рода отклонения от норм русского литературного языка, прежде всего на фонетическом и лексическом уровнях, интерпретировались как проявление интерференции, однако без достаточного сопоставительно-типологического анализа контактирующих и взаимодействующих языков. Здесь же нередко оказывались и такие нарушения норм русского языка, которые представляли собой результат плохого знания систем этого языка, неудовлетворительного его усвоения. Тщательное различение характера и причин отклонений от норм русского литературного языка является непременным условием повышения культуры русской речи нерусских.

3. В значительно меньшей степени изучена русская речь русских, живущих в иноязычном окружении, а также русская речь монолингвов-нерусских с родным русским языком. Между тем наблюдения над такой русской речью свидетельствуют о необходимости специальных исследований. Более того, расширение общественных функций языков коренного населения союзных и автономных республик будет способствовать распространению русско-национального двуязычия, актуализируя тем самым эту проблему.

Ю.А. Бельчиков

СТАБИЛИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКИХ НОРМ

I. Нормы, как известно, призваны быть стабилизирующим фактором в функционировании литературного языка (ЛЯ). Будучи соотносительны, с одной стороны, с текстовыми, с другой, – со стилевыми нормами, с третьей стороны, – с нормами речевого и социального поведения (по В.Барнету [1], стилистические нормы, как их понимал Л.В.Щерба [2], в силу своей специфики занимают особое место среди других норм.

2. Значимость стилистических норм (СН) определяется тем, что они, с одной стороны, регламентируют, упорядочивают использование вариантных, синонимических языковых средств ЛЯ при необходимости передать эмоционально-экспрессивные и смысловые оттенки высказывания. С другой стороны, благодаря СН (в их взаимодействии с другими нормами) в ЛЯ складывается своего рода механизм селекции и соответственно "олитературивания", приобщения к ЛЯ пополнений из внелитературной сферы национального языка (это особенно существенно для русского ЛЯ послепушкинского периода) и нормализации новых "живых" образований, возникающих в речевой коммуникации носителей ЛЯ, преимущественно – в разговорной (литературной) речи, а в книжной – главным образом в индивидуально-авторских беллетристических стилях и жанрах массовой информации.

3. СН представляются стабилизирующим (котором при закреплении новых для ЛЯ выразительных средств с определенным стилистическим заданием, в определенных рамках речевой коммуникации носителей ЛЯ.

---

1. См.: Barnet V. Vztah komunikativní sféry a různotvaru jazyka v slovanských jazycích. Slavia, XIVI, Praha, 1977.

2. См. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т.I. Л., 1958, с. 65-66.

Е.Г.Борисова

НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Устойчивые словосочетания (фразеологические сочетания, коллокации и т.п.) типа играть роль, оказывать помощь, изучая ненависть и т.д. вызывают большие трудности при говорении как на родном, так и на изучаемом языке. Анализ их употреблений – как нормативных, так и ошибочных – показывает, что существует четыре степени допустимости словосочетаний. Во-первых (эту степень можно назвать нулевой) это такие сочетания слов, которые никогда не встречаются даже в малограмотной речи при говорении на родном языке, напр. чинить помощь(в значении оказывать), горячая болезнь (в значении тяжелая).

Далее имеется немалое число словосочетаний, возникших в результате контаминации . Такие единицы противоречат нормам языка и производят впечатление речевых (стилистических) ошибок, ср.играть значение (из играть роль и иметь значение),произошла встреча (из прошла встреча и произошло событие) и т.п. Устранение таких ошибок требует специальной работы по изучению словосочетаний.

Имеется также определенное число устойчивых словосочетаний, которые не зарегистрированы как нормативные, однако они возможны в отредактированных текстах(напр. в газетах), поскольку не производят впечатление ошибочных. Как правило, это словосочетания с несвободными компонентами, которые имеют достаточно широкий круг сочетаемости, ср. имеются задачи (при нормативном стоят задачи), осуществляется работа (при нормативном ведется работа) и т.п.

Другой источник допустимых словосочетаний, отличающихся от нормативных: авторские образования, как правило образного характера типа мысли топятся, роятся и т.п. Их образование вызвано не только художественными, но и номинативными задачами, поскольку позволяют точнее отразить действительность.

Для овладения словосочетаниями последнего типа необходимо иметь в виду, что выбор несвободного компонента в таких случаях определяется языковыми законами, в частности, границами несвободного фразеологического значения компонента.

Наконец, последний тип допустимости – это нормативные устойчивые словосочетания, которые должны описываться в специальных словарях и изучаться особо.

С.Н.Борунова

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ОРФОЭПИЧЕСКОГО ВАРИАНТА

В "Орфоэпическом словаре русского языка"/1983, 1989/ сделана попытка отразить существующие в языке варианты нормы и дать квалификацию распространенным отклонениям от нее. Одной из рассматриваемых проблем было чередование гласных О//Е в корнях слов: белесый-белёсый, желчь-жёлчь, можжевеловый-можжевёловый...

В отличие от предшествующих справочников орфоэпического типа /1955, 1959/ и других современных нормативных словарей, рекомендующих как единственно правильное произношение с [о] и признающих неправильным произношение с [е], мы в ряде случаев дали два нормативных варианта: белёсый и доп. белесый, можжевёловый и доп. можжевеловый и т.д., а для слова роёвня изменили рекомендацию на роевня. Каждый из этих случаев был рассмотрен индивидуально. Основанием для изменений послужила не только широкая распространенность вариантов с [е] в речи носителей современного литературного языка, а также в поэтической речи, но и их историческая обусловленность.

Известно, что к 13-15 вв. относится явление перехода Е в О перед твердыми согласными в исконно русских словах, однако оно не коснулось слов деревня, харчевня, кожевня, роевня, так как звук [в'] был полумягким. Произношение роёвня, как и дерёвня, возникшее позднее, можно квалифицировать как просторечное. Не могло произойти перехода Е в О и в слове можжевеловый /точнее – можжевелевый/: у Фасмера отмечено древнерусское можжеельникъ и можжевль.

Произношение рассматриваемых слов с [е] отражают не только словари 18 и 19 вв., когда оно было литературной нормой, а [о] считалось простонародным, но и словари 20 в.: например, в академическом демическом 17-томном даются варианты белесый и белёсый и т.д. Подобные колебания встречаются также и в произношении заимствований. В Толковом словаре под ред. Д.Н.Ушакова отмечены варианты манёвр и маневр.

Таким образом, при выработке нормативных рекомендаций необходимо учитывать ряд факторов. В их число входит не только опыт предшествующих словарей и узус носителей литературного языка, но и историческое развитие явления, помогающее понять его тенденцию и традицию.

И.А.Букринская, О.Е.Кармакова (Москва)

ДИАЛЕКТЫ И ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА

I.Обращение к языковому сознанию говорящего индивида или определенного социума столь традиционным в лингвистике последнего времени. В диалекте характеристика родного говора носителем данного говора осуществляется в двух планах: I. через сравнение с другими говорами; 2. через сравнение с литературным языком. Возникающие вследствие этого оппозиции "свое – чужое" имеют разную оценочную маркировку. В первом случае "чужое" оценивается как что-то плохое, неверное, смешное. Во втором случае "свое" оценивается как плохое, "серое", неправильное, а "чужое" – как хорошее. Подобное отношение к собственному диалекту и литературному языку социально и идеологически обусловлено. В эпоху преобразований деревни провозглашалось полное изменение ее традиционного облика и уклада жизни, прогнозировалось исчезновение говоров в достаточно короткий срок. Отсюда в массах пренебрежение к диалектам как непрестижным формам речи, манифестирующим собой непрестижные формы жизни. Результатом подобной установки явилось размывание и падение традиционной культуры деревни, в том числе языковой. Целое поколение сельских жителей, сознательно отказываясь от своих говоров, не сумело по целому ряду причин воспринять новую для них языковую систему и овладеть ею. Это привело, в свою очередь, к упадку языковой культуры в целом.

2. Территориальный диалект для его носителей играет ту же функциональную роль, что и разговорная речь для носителей литературного языка. При этом в идеале диалектоносители должны свободно владеть кодифицированным литературным языком (стандартным русским). Таким образом, культура речи складывается из трех основных параметров: владение нормированной формой языка, умение правильно пользоваться функциональными стилями языка (официальным, научным, публицистическим, разговорным, которым для части населения является диалект), умение наиболее адекватно передавать свои мысли (выразительность речи).

3. В условиях возрождения культурных ценностей должно быть изменено отношение к территориальным диалектам в обществе на всех уровнях образования и просвещения.

Б.З. Букчина

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗНОЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ

Смысл и ценность орфографии в ее единообразии. Единообразие прежде всего должно соблюдаться в словарях. Каждый словарь – это лингвистическое произведение. Среди требований к словарю как к лингвистическому произведению должно быть и требование пользователей к составителям, редакторам словарей соблюдать орфографическую норму. Для пользователей каждый словарь, включая энциклопедические словари и энциклопедии, отождествляется с орфографической нормой. Поэтому ошибочные написания в словарях, энциклопедиях получают право на существование (в отличие от ошибочных написаний в текстах).

В современной орфографии орфографическую норму определяют "Правила русской орфографии и пунктуации" 1956 г. и составленный в соответствии с "Правилами" "Орфографический словарь русского языка". Сопоставление разных словарей и прежде всего словарей, подготовленных одной и той же редакцией издательства "Русский язык", обнаруживает большое количество разночтений внутри словарей, между словарями и с орфографическим словарем. Основная причина разночтений – несовершенство "Правил", нуждающихся в пересмотре, уточнениях, изменениях, дополнениях. Разночтения – материал для выявления недостатков современной кодификации, действующих орфографических правил.

Извлеченный из словарей материал классифицируется по орфографическим разрядам, проблемам. Например, употребление э–е в заимствованных словах (сис.: бэрленд – бедленд, икэбана – икебана, метр – мэтр, сет – сет, хунвэйбин и др.); двойные согласные в заимствованных словах (аллонж – алонж, биллон – билон, мараны – марраны, сэфис – офис и др.). Встречаются написания отдельных слов, противоречащие рекомендациям Орфографического словаря, например: грегорианский, батут – батуд, денарий – динарий, милдью – мильдью), а также ошибочные написания: НТР-овский. В "Словаре сокращений" разночтения и ошибки касаются употребления прописных и строчных букв, написания двойных согласных и употребления точек в графических сокращениях: отт., ил(л). и дис.; ВНИИстройдормаш и ВНИИУглеобогащение; к.п.д. и кпд

Наиболее широко представлены разночтения в словарях серии

"Новые слова и значения". Это объясняется спорной, на наш взгляд, установкой авторов на "невмешательство" в орфографическую практику, т.е. на сохранение написаний, которые даны в источниках, даже если они противоречат строгим орфографическим правилам и установленным в других словарях написаниям. Отсюда батут и батуд, но батутист; кавээнный и КВН-ый, махеровый и мохеровый, обергубернатор и обер-губернатор.

Особенно показателен разнобой в написании сложных прилагательных, противоречащий действующим правилам, основанным на семантических отношениях компонентов, ср. льнолавсановый (из льна и лавсана), световоздушный (свет и воздух), стеклобетонный (из стекла и бетона) и научно-методический (научная методика), патентно-лицензионный (патентная лицензия), опытно-производственный (опытное производство).

Единицы измерения, определяющиеся четким и однозначным правилом, обычно приводятся или в неправильном написании, или даны варианты: кормоединица, птицеместо, марко-размер и маркоразмер, машиноместо и машино-место, тоннажесутки и тоннаже-сутки.

Интерес представляет и материал из БСЭ:подинтегральная функция, безиндикаторные методы; элексир - эликсир, россомаха - росомаха, пеан - пэан; пион - пеон и мн. мн. др.

Разночтения можно квалифицировать как закономерные, неизбежные, вызванные несовершенством действующих правил, или как ошибочные написания, объясняющиеся незнанием правил (например: гнутоклееный и деревоклееный; капокорень и капо-корешок, маскульт и масскульт).

Материал разночтений, извлеченный из современных словарей, поможет осмыслить и такие проблемы, как орфографическая вариативность, как разграничение собственно орфографических вариантов и орфографо-языковых вариантов, необходимое для специалистов-текстологов.

Изучение орфографических разночтений в современных словарях - это путь к усовершенствованию действующих правил, к максимальной последовательности рекомендаций Орфографического словаря, к повышению его авторитета и, следовательно, к обязательности его рекомендаций для всех современных словарей и энциклопедий.

Г.В.Бунина

ТЕРМИНОЛОГИЯ ГИМНАСТИКИ В КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОМ АСПЕКТЕ

1. Терминология гимнастики дает обширный материал для наблюдений над языковыми фактами, подлежащими лингвистической оценке. В основе специфики нормативности ТГ лежат особенности понятийного аппарата, структурно-грамматического состава, генетической природы, сфер ее употребления.

2. Использование в качестве терминов слов общелитературного языка предъявляет строгие требования к постоянству значения термина в пределах данной терминосистемы, т.е. к его дефиниции. Наиболее частыми нарушениями форм дефиниций являются тавтологичность, несоразмерность определения, замена его описанием понятия.

3. Заметный массив в ТГ - термины-словосочетания, обозначающие сложные формы движений. Они представляют собой описание того или иного действия и отличаются большой длиной, нелинейностью своей структуры (из упора присев на верхней жерди лицом наружу переворот назад с поворотом на 360^{0} в вис лежа на нижней жерди). Номинация этой группы понятий все чаще осуществляется терминами-эпонимами, которые именуют движение по его первому исполнителю и входят в состав терминологических словосочетаний, где категориальный признак выражен словами оборот, переворот, сальто и под. Образуются также составные термины с количественным элементом (двойной штальдер).

4. Для сокращения длины термина целесообразно прибегать к традиционно используемому в ТГ способу семантической деривации, когда термин мотивируется сходством формы движения с предметом, предметом как результатом какого-либо процесса, сходством гимнастического действия с другим действием (крест, срыв, обрыв, спад, пружина, складка).

5. Термины-эпонимы не имеют устойчивых правил графического и орфографического оформления: а)транслитерация иностранных фамилий неоправданно вариативна (круги Делассала/Деласада/Даласала); б)употребление кавычек не регламентировано; в)онимическое написание сосуществует с неонимическим, хотя в сфере функционирования эпонимы частично грамматически ассимилировались, включаясь в систему рода и склонения.

Н.С.Валгина

ПУНКТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ ПЕЧАТИ

Современная русская пунктуация системно организована и в стабильных своих проявлениях регламентирована. Вместе с тем она достаточно гибка, чтобы удовлетворить потребности общения.

Обладая двусторонней функциональной направленностью (от смысла к знакам и от знаков к смыслу), знаки закономерно обнаруживают сходные качества в сходных синтаксических позициях. Более того, разные знаки, попадая в одинаковую позицию, приобретают новые значения, сохраняя при этом свою основную функцию. Смена знаков в процессе эволюции пунктуационной системы осуществляется именно на базе функционального сходства. А различия в значениях приводят к разнобою в пунктуационном оформлении текстов. Разнобой усиливается, когда регламентация употребления знаков в новых функциях отстает от практики их применения. Так случилось в настоящее время: разрыв между правилами и практикой печати оказался значительным, что и привело к усилению нерегламентированности, которая есть объективный результат развития русской пунктуации, обслуживающей постоянно изменяющийся язык.

Активные процессы в синтаксисе, усиление функциональной дифференцированности речи, интенсивное вторжение норм разговорной речи в речь письменную требуют нового пунктуационного оформления. Практика печати исходит из двух возможностей: 1) приложить "старые" правила к новой языковой ситуации; 2) изыскать новые или компромиссные варианты пунктуационного оформления текста.

Сейчас ощущается тенденция к делению норм пунктуации на общие, в высшей степени стабильные, и ситуативные, приспособленные к тексту конкретного вида. Первые включаются в обязательный пунктуационный минимум; вторые, не столь жесткие, характеризуют способность пунктуации повышать информационные и выразительные качества речи. Общие нормы опираются на общие функции знаков; ситуативные – на функции, диктуемые характером информации: логико-смысловую, акцентную, экспрессивно-эмоциональную, сигнальную.

М.Валле, Н.И.Голубева-Монеткина

ЗАМЕТКИ О СОСТОЯНИИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦИИ

I. Отношение французов к французскому языку особенное по сравнению с отношением носителей многих других языков к языку родному: даже малообразованные французы живо интересуются проблемами языка, охотно обсуждают языковые феномены. Можно говорить о культе французского языка во Франции. Влюбленные в свой язык, французы пренебрегают остальными языками и нередко считаются неспособными к их изучению.

2. Этот интерес поддерживается и находит практический выход, в частности, с помощью: а) постоянных публикаций разноплановых статей (от разбора языковых явлений до анализа социолингвистических аспектов) в газетах (постоянная рубрика в "Монд" и др.) и журналах ("Экспресс", "Пуэн" и др. нередко печатают обзоры и "досье" по языку); б) радио- и телепередач (ежедневная "Цифры и буквы"; радио- и телеигры с вопросами типа Что значит это слово?, Почему так говорят?); в) чемпионата мира среди франкофонов по французской орфографии.

Выходит огромное количество собственно лингвистических работ, рассчитанных не только на филологов: самые разнообразные словари (новых слов, редких слов, арготизмов, этимологические, энциклопедии по языку и пр.), грамматики, учебники (даже по арго), справочники и т.д. Постоянно выходят новые работы, пользующиеся большим спросом среди населения. Работы по языку широко рецензируются в прессе.

3. Нет "языковой полиции"! Можно говорить об эволюции отношения французских филологов к ненормативным феноменам: они перешли от оценки реального употребления языковых единиц с точки зрения их нормативности-ненормативности к констатации этого употребления и попыткам объяснить его (нередко с позиций семиотики).

4. Роль школы по отношению к родному языку состоит в том, чтобы научить француза хорошо говорить по-французски. Хотя некоторые традиции пуризма сохраняются, школьникам прививается мысль о том, что постоянное появление в языке новых явлений не портит, а обогащает их язык, поскольку соответствует быстро меняющимся реальностям в технической, общественной, научной и др. сферах жизни страны.

ИРЯ
www.ruslang.ru

1-й экз.

Н.Н.Василькова

ВОПРОСЫ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В РИТОРИКЕ

За последние годы возрос интерес к неориторике, которая понимается современными исследователями как универсальная дисциплина, находящаяся на стыке стилистики, поэтики, социолингвистики, семиотики и лингвистической теории коммуникаций.

В рамках этого научного направления возникает необходиммость разработки терминологической системы, в которой элементы традиционной терминологии дополняются современными номинациями.

Представляется актуальным обращение к отечественной практике терминообразования. Особого внимания заслуживает история номинаций экспрессивных средств литературного языка. Наиболее значительную часть этих средств составляют стилистические фигуры речи, которые традиционно назывались риторическими.

Статус риторических терминов в лексической системе языка зависит от особенностей их адаптации и характера употребления в ограниченной стилистической сфере языка - в риториках, поэтиках, грамматиках. Некоторые самые употребительные термины этого класса слов, такие как фигура, троп, антитеза, анаколуф относятся к разряду международной лексики, принятой словесниками многих стран в греческой или латинской форме и употреблявших их на протяжении ряда веков. Принадлежность этих терминов к интернациональной лексике и одобрение специалистами способствовали их проникновению и укреплению на русской почве. Интерлингвистические мотивы, по которым международные наименования, характеризующиеся высокой частотой употребления, предпочитались, в конечном счете одержали верх.

Однако целый ряд названий стилистических фигур, проходя стадию укоренения в терминологической системе на русской почве, и в современном употреблении используется в дублетной форме, ср.: апосиопеза - умолчание, анафора - единоначатие, полисиндетон - многосоюзие, асиндетон - бессоюзие, прозопопея - олицетворение и др. При создании современной риторики неизбежно встанет вопрос о необходимости более четкой кодификации риторических терминов.

Е.М.Верещагин

"Бережный подбор богатства, рассыпанного совсем рядом". А.И.Солженицын о языковом расширении

I. Солженицынский язык -- в художественной прозе, в публицистике -- не спутаешь ни с каким другим. И при всей своей неповторимости этот язык целиком народен: даже заведомо вновь вводимые, "изобретенные" писателем слова и сочетания, в отличие от неологизмов прочих литераторов, столь органичны по форме и отсюда прозрачны по смыслу, что неоспорима их принадлежность к живому великорусскому, стало быть общему, языку. Между прочим, кажущееся сверхъестественным словесное богатство и синтаксическое разнообразие произведений Солженицына -- также признак народности его языка.

2. Проза Солженицына, с точки зрения ее языка, -- плод не только озарений, но и продуманной, сознательной, последовательной (да позволим себе профессиональный варваризм!) -- языковой политики. А.И. отчетливо и недвусмысленно сформулировал самобытную теорию, которую в разное время называл по-разному, постоянно сохраняя, однако, единый стержень. Такова его теория словарного, или лексического, или (еще иначе) языкового р а с ш и р е н и я.

3. Первое -- и сразу полное и цельное -- изложение своих взглядов на суть языкового расширения А.И. осуществил четверть века назад (в октябре 1965 г.), причем примечательно, что в публикации, которая по цеховой принадлежности является лингвистической. В дальнейшем А.И. не раз обращался к лингвистическим разысканиям, -- почему его и следует считать профессиональным лингвистом, -- и его статьи на языковые темы в совокупности составили заметную часть объема десятого тома Собрания Сочинений (Вермонт -- Париж, 1983).

4. Суть применяемого им языкового расширения А.И. изложил -- и так, как никто лучше не сделает -- в ответе на один студенческий вопрос. "...Я обычно пользуюсь всё время, в каждой вещи, тем, что я называю 'лексическое расширение'. Ну, грубо говоря, вот я вычерчиваю область языка, в которой сегодня говорят русские. Большинство людей пользуются словами, взятыми из этой лексической области, изнутри ее. /.../ ...жизнь, к сожа-

лению, так идёт, что каждое человеческое общество и каждый народ (при нашей цивилизации высокой) сужает эту языковую область. Веками эта область не менялась, веками — в России, во всяком случае — язык стоял богатый, обширный, и не терял своих краёв. А сейчас всё время идёт сужение, как шагреневая кожа, уменьшается вот эта вся область. И люди, самые культурные, интеллигентные, пользуются всё меньшими-меньшими богатствами своего языка. И я стараюсь во всех книгах производить лексическое расширение этой области за счет ближайшего слоя. Я стараюсь употреблять слова — вот отсюда. Они совсем близки к употреблению, к границам области, они всем понятны. Когда их употребил — все понимают, ну иногда некоторые поспорят: такое-то слово не хорошо, может быть оно чуть дальше стоит, а может быть этому человеку не нравится, тут много споров было. А некоторые слова — даже не замечают, что никто их не употребляет, а просто принимают: съели и не заметили. Потому что это законное расширение. Тут много есть самых простых приёмов — такой, например: почти все приставки почти со всеми глагольными основами соединяются. Существуют, допустим, двенадцать приставок, а глагольных основ много. Допустим 'стлать'. Говорят по-стлать, вы-стлать, за-стлать — но есть и во-стлать (половицу в пол), на-достлать с краю, при-стлать к стене. Примеров — тысячи, и получаются изумительные слова. И так с каждым глаголом можно соединять все приставки. Простой способ! — но как он обогащает язык. Ну и много разных других приёмов..." (СС,т.IO,сс. 487-488).

Стенограмма, передавая живые интонации спонтанной речи, изобилует указательными местоимениями: легко дорисовывается внешнее поведение прирожденного русского учителя. Вот он встал, нарисовал на доске круг ("область языка, в которой сегодня говорят русские"); затем штрихами показал, как сокращается площадь круга ("сейчас всё время идёт сужение"); а теперь очерчивает совне узкую полоску-поясок ("Я стараюсь употреблять слова — вот отсюда").

Хотя, конечно, языковое расширение предполагает создание новых слов, все же А.И. не соглашается считать его словотворчеством (ни в духе Лескова, ни тем более в духе русских футуристов), — "...это только бережный подбор богатства, рассыпанного

го совсем рядом, совсем под ногами" (там же, с. 471).

5. Итак, первый прием языкового расширения — это обновление приставочного словопроизводства, т.е. присоединение форманта к такой лексической основе, с какой он до сих пор не сочетался, хотя, согласно языковому чутью ("подлинно русскому складу", с. 470), такое сочетание не просто возможно, но и желательно.

Второй прием — обновление суффиксального словопроизводства: к лексической основе присоединяется необычный, но по "русскому складу" допустимый суффикс, в том числе и нулевой. Ср. из "Нобелевской лекции": "захоронок песков" ('то, что было погребено в песках'), "лагерные переброды", "замкнутие национального сердца", "умоления /.../ просто людей". Иногда какой-либо способ деривации писатель подвергает остракизму (например, отглагольные существительные на -ение: убывание, нагромождение, сохранение и т.д.) и предлагает новые (убывь, нагромоздка, сохран, приноровка, перетаск...).

Третий прием — обновление словосложения: в одно слово соединяются такие основы, которые ранее не сводились вместе. Например, из той же "Лекции": "мимобежные нужды" ('потребности, которые быстро проходят'), "противонаправленная речь", "своесозданный мир" и др.

Писатель прав: имеется и "много разных других приемов". Что же касается приемов из области словообразования, то все три рассмотренные нами представляют собой, в лингвистических терминах, актуализацию потенциальных слов. "Принцип действия" языкового расширения, которого здесь держится А.И., легко раскрыть в общем виде, но все дело в том, что жизнеспособное конкретное слово никогда не создается механическим путем, пусть и в полном согласии с языковыми законами, — требуется подлинно народное языковое чутье. Литераторы "русского склада" сродни пророкам.

6. Среди лингвистических работ Солженицына своей обстоятельностью выделяется статья "Некоторые грамматические соображения, примененные в этом собрании сочинений" (там же, сс.557-572). В ней говорится, казалось бы, о внешней одежде языка — об орфографии и пунктуации. По сути же предлагаемые писателем "противоэнтропийные меры" — это еще один путь языкового расширения.

7. Нобелевский лауреат создал всеобъемлющую и реальную программу возрождения современного русского литературного языка. Чем искать иное, не присоединиться ли к ней?

П.В.Веселов

О ВЛИЯНИИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Отличительная черта официально-деловой письменной речи – коллективный статус субъекта действия: он обусловил специфику речевых приемов выражения субъектно-объектных отношений, речевой этикет, выбор глагольных форм, моделей словосочетаний и предложений.

Официально-деловая речь может служить эталоном для всех форм и стилей речевой деятельности, когда субъект действия – во множественном числе, лицо собирательное и просто абстрактное. Она убедительный пример оптимальной унификации конкретных видов текстов на всех уровнях языка.

Если национальную языковую норму рассматривать как "код" наиболее престижного в обществе языкового коллектива, то официально-деловая речь выступает одним из источников формирования национальной нормы – ввиду органичной связи деловой речи с управлением. Как ассоциативное мышление через художественную речь оказывает влияние на языковую национальную норму, так и официально-деловая речь влияет на национальную языковую норму, реализуя дефинитивную (номинативную) функцию языка.

В основном влияние официально-деловой речи на современные языковые нормы (и другие стили) выражается: I) в деперсонификации стиля изложения ("Мне представляется...", "Мне думается...", "Установлено, что..." и т.д.); 2) в продуктивности пассивных конструкций (замена глаголов в действительном залоге формами в страдательном); 3) в форме изложения 3-го лица (вместо от I-го); 4) в коллективном статусе авторства, адресанта и адресата (преобладание формы выражения субъекта действия во множественном числе вместо единственного: "Подтверждаем получение Вашего письма от...", "Принимаем с благодарностью..." и т.д.); 5) в предпочтительности номинативных конструкций, не динамичного, а статичного стиля изложения.

Т.Е.Ветренко

ЧАСТОТНЫЕ НАРУШЕНИЯ НОРМ КОДИФИЦИРОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОЧИНЕНИЯХ ПОСТУПАЮЩИХ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ КАРАГАНДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Среди многообразных ошибок, встречающихся в сочинениях абитуриентов, особую тревогу вызывают речевые и стилистические, так как, во-первых, они нередки даже в хороших по содержанию работах, и, во-вторых, абитуриенты во многих случаях не осознают этих ошибок и отстаивают правомерность таких употреблений в речи. В предлагаемом докладе описаны частотные нарушения речевых и стилистических норм КЛЯ в сочинениях абитуриентов, поступавших на филологический факультет КарГУ в 1989 г. Было просмотрено 100 сочинений, проанализировано более 500 контекстов, содержащих речевые и стилистические неправильности.

Современная лингвистическая и методическая литература неоднозначно трактует понятия "р е ч е в а я" и "с т и л и с т и ч е с к а я" ошибки и их соотношение. Вслед за М.Н.Кожиной, к р е ч е в ы м ошибкам мы относим случаи нарушения норм лексических, фразеологических, словообразовательных и синтаксических. К с т и л и с т и ч е с к и м – "нарушения единства стиля, несоответствие употребленных форм, слов, конструкций избранной стилистической манере высказывания и задачам данной сферы коммуникации" (Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., Просвещение, 1977. С.85).

Анализ собранного языкового материала показал, что среди р е ч е в ы х ошибок наиболее частотны лексические (употребление слов в несвойственном им значении, механическое соединение слов конкретной и отвлеченной семантики): "Поэма "Двенадцать" написана в различных жанрах"; "Взрослел Чехов, взрослела и его борьба".

Не менее многочисленны, но более разнообразны синтаксические ошибки, связанные с конструированием предложений:

I) с однородными членами: "Главное для Старцева – его

благополучие и чтобы можно было поесть и поспать";

2) с деепричастным оборотом: "Прочитав Ваш роман, становится легче жить";

3) с косвенной речью: "Встретившись с Екатериной Ивановной, он думает, что хорошо я тогда не женился";

4) с различными случаями управления, немотивированным абсолютивным употреблением слов: "В Вашей книге зло побеждает над добром"; "Каждый человек должен вникнуть и постараться разрешить трудные вопросы жизни".

Среди стилистических самыми распространенными являются ошибки, обнаруживающие недостаточно развитое языковое стилистическое чутьё:

1) немотивированное использование разностильной лексики, речевые штампы: "В их маленьком ауле похоронки - частые гостьи, но женщины, зажав слёзы в кулаке, снова и снова выходят в поле, растят хлеб, вместе с солдатами куют победу, борются за светлое будущее своей страны";

2) неумелый выбор определений-прилагательных, ложная патетика: "В "Двенадцати" Блок с величайшей страстью и громаднейшим мастерством запечатлел открывшийся ему в романтических метелях и свободолюбивых пожарах образ новой, светлой, революционной Родины";

3) бедность словаря, приводящая к бессмысленному "плетению словес", плеоназмам: "Рассказы у Чехова маленькие, а темы большие всегда, во все времена. Ведь все люди борются, стараются бороться со злом. Люди хотят остаться людьми".

Приведенный "отрицательный языковой материал" свидетельствует прежде всего о низкой речевой культуре абитуриентов, поступающих даже на филологический факультет вуза. Хотя в докладе дифференцированно рассматриваются речевые и стилистические ошибки, автор считает, что как те, так и другие нарушения норм кодифицированного литературного языка являются, в свою очередь, показателями низкой культуры мышления. На взгляд автора предлагаемого доклада, требуется перестройка системы преподавания русского языка в школе. В докладе предлагается ряд рекомендаций по изучению отдельных тем школьного курса русского языка.

С.И.Виноградов

О НОРМАТИВНОМ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В самом общем понимании культура речи - это такое использование языка (а также невербальных средств) в процессе общения, за которым в рамках данной культуры закреплена позитивная социальная оценка. Культура речи опирается на культуру как тип организации жизни людей и совокупность созданных обществом ценностей, будучи неразрывно связанной со многими ее компонентами - от литературного языка до нравственных императивов и социальных конвенций. Культура речи репрезентирует аксиологический аспект языка как орудия социального взаимодействия и охватывает те явления в коммуникативном процессе, к которым приложима оценка хорошо/плохо в ее разнообразных конкретизаторах: правильно/неправильно, уместно/неуместно, достоверно/недостоверно, успех/неудача и под.

О стратификации культуры речи, то есть о возможности выделения в ней двух взаимопересекающихся, но относительно самостоятельных уровней - нормативного и коммуникативно-прагматического, - с той или иной степенью эксплицитности и при использовании разной терминологии неоднократно говорилось в лингвистической литературе (см., например, работы Г.О.Винокура, Б.Н.Головина, В.Г.Костомарова, А.А.Леонтьева, Л.И. Скворцова) . То же подтверждается лингводидактической практикой, выработавшей руководства двух типов: с одной стороны, это словари и грамматики ортологического типа, которые фиксировали языковую норму и на этой основе предлагали предписания и рекомендации; с другой - риторики, призванные учить применению речи в соответствии с обстоятельствами и целями сочинителя, с тем чтобы оказывать желаемое воздействие на аудиторию.

Следование нормам литературного языка - это основание, фундамент культуры речи. Несостоятельность нормативного релятивизма, не говоря уже об открытом антинормативизме, очевидна. Хотя бы потому, что владение литературным языком (и как следствие этого - нормативность речи) - важнейший

знак приобщенности к данной культуре. Кроме того, немотивированные отступления от нормы, даже если они не ведут к смысловым аберрациям или амбивалентности высказывания, становятся коммуникативными помехами: затрудняют восприятие информации; снижая образ говорящего, подрывают доверие к нему; наконец, создают общую обстановку коммуникативного дискомфорта.

Коммуникативно-прагматический уровень культуры речи можно считать более высоким по отношению к нормативному: это здание, которое возводится на фундаменте правильности. Культура речи на этом уровне обычно интерпретируется через понятие эффективности, но и оно, в свою очередь, может быть интерпретировано через понятие коммуникативного оптимума. Оптимальным же следует признать такое построение дискурса и такое взаимодействие между участниками коммуникативного процесса, когда говорящему (субъекту) удается реализовать свои намерения, а адресату - свои ожидания. Иными словами, культура речи предполагает кооперативное общение, общение-сотрудничество, в ходе которого все участники имеют возможность решить свои задачи.

Бремя оптимизации лежит на говорящем (субъекте, коммуникаторе), и не случайно именно к нему обращены пособия по культуре речи, словари и риторики. С точки зрения культуры речи оказываются существенными такие личностные качества говорящего, как уровень общей культуры, объем знаний, индивидуальные психофизиологические и речемыслительные способности, уровень владения литературным языком и его нормами.

Задачи оптимизации общения требуют от коммуникатора обязательной ориентации на адресата, как в докоммуникативной фазе, так и в процессе коммуникации. Именно реакцией реципиента в конечном итоге определяется результат коммуникативного акта.

Взаимодействие между субъектом и адресатом опредмечивается в дискурсе (высказывании, тексте), где коммуникативно значимыми являются как сама информация (достоверность, новизна, степень концептуальной сложности), так и способ ее вербального выражения (словарь и синтаксис текста).

В.Н.Виноградова

О ПОНЯТИЯХ СИСТЕМЫ И НОРМЫ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

1. Необходимость рассмотрения понятий системы и нормы тесно связывает проблематику культуры речи и стилистики. "Функциональное многообразие применения литературного языка ведет к функционально ограниченным или стилистически обоснованным - возможным или допустимым - вариациям литературно-языковой нормы".[1]

2. Получило широкое распространение определение стиля как отклонения от нормы языка или стилистической нормы, нормы жанра, текста. Однако "то, что вообще является отклонением от нормы, в определенных случаях может считаться нормой"[2]. Важнейшей задачей является изучение сфер употребления, для которых определенные языковые средства являются нормативными.

3. Словообразовательная система современного русского языка состоит из взаимодополняющих подсистем словообразования общелитературной (книжной и разговорной) и художественной речи. В отношении трех указанных подсистем должен решаться дифференцированно вопрос о нормативности новообразований, а также вопрос о нормативности сочетания в мотивированном слове той или иной мотивирующей основы (основ) и аффикса. Так, книжной речи свойственна однородная стилистическая значимость морфем, тогда как для разговорной речи типично как использование разговорных составляющих, так и разнородных - объединение в одном слове книжных и разговорных морфем. Целенаправленное нарушение общелитературной нормативности лежит в основе словотворчества в художественной речи, в пределах которой функционирует ряд словообразовательных типов и способов производства новообразований, типичных для нее.

---

[1] Виноградов В.В. О понятии "стиля языка" применительно к истории русского литературного языка.//Изв.ОЛЯ 1955, №4. С.306.

[2] Халлидей М.А.К. Лингвистическая функция и литературный стиль.//Новое в зарубежной лингвистике. Вып.IX. Лингвостилистика. М., 1980. С.132.

Винокур Т.Г.

О КУЛЬТУРЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

I. Понимая культуру как систему социально-психологических норм, можно выделить в кругу прикладных наук культурологического цикла специальную дисциплину, называемую "культурой речевого поведения" (КРП). По сравнению с "культурой речи" эта дисциплина имеет сугубую экстралингвистическую направленность. Если культура речи обращена преимущественно к языку, то КРП обращена к человеку, пользующемуся языком. Если проблемный центр культуры речи – языковая норма, правильный язык – то проблемный центр КРП – правильное (общественно корректное) использование правильного языка. То есть: нормативные предписания отдаются обстоятельствам, определяющим нормы человеческого поведения в целом.

2. Таким образом, КРП является центральным звеном в формировании социальной судьбы языкового употребления и, в частности, таких намеренных акций, как языковая политика. Ср. сверхактуальные для нашего времени вопросы государственного статуса национальных языков, рассмотрение которых менее всего основывается на особенностях внутреннего строения последних и прямо соотносится с неизбежно автоматизирующимися навыками коллектива носителей в предлагаемых социально-исторических обстоятельствах. Здесь, наряду с закономерностями литературно-нормированного использования языка (культура речи), в действие вступают типологические закономерности социально-этнической психологии, структурирующие категорию самого "речевого поведения" как производного от категории "речевая деятельность".

3. Названные закономерности требуют отдельного изучения, которое составляет необходимое условие перспективного развития собственно культурно-речевой проблематики из-за частичного несовпадения языковых и общественных норм у билингвов.

В.П.Вомперский

КУЛЬТУРА РЕЧИ И РИТОРИКА

I. В развитии науки о культуре речи можно выделить три аспекта ее исследовательского осмысления. Первый аспект – это собственно теоретический. Он связан с обоснованием и расширением предмета исследования и разграничением с другими науками лингвистического цикла.

2. Основу дидактического аспекта культуры речи составляет динамически развивающаяся литературная норма как принятая в общественно-речевой практике система правил произношения, употребления слов и использования грамматических средств. В сущности культура речи при таком понимании связана с регламентацией комплекса стилистических правил и рекомендаций, которые можно обобщить в виде оппозиции "так следует говорить и писать" – "так не следует говорить и писать".

3. Третье понимание термина культуры речи мыслится как наука о порождении высказываний, которая в своем описании демонстрирует нормативные типы речевой деятельности социума. Культура речи, осмысливаемая с точки зрения теории порождения высказываний, представляет в своем описании типизированные индивидуальные использования языка в различных условиях социально-культурного быта, но она не дает возможности получить ответ о том, как наилучшим образом воздействовать на читателя и слушателя, каковы должны быть способы их убеждения. И в этом отношении культуре речи должна помочь риторика. На основании правил риторики, постулирующих содержательные и грамматические способы аргументации, доказательств, вероятностей разного рода в сочетании со средствами, создающими оценки, эмоции и ощущения, создается истинный культурно-речевой облик языковых личностей.

В.Л.Воронцова

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ НОРМЫ В АКЦЕНТУАЦИИ

Специальные языковые сферы обладают своими особенностями не только на лексическом,но и на грамматическом уровне. Признание закономерности этого явления обусловливает необходимость адекватной нормативной его квалификации.

Предложение о введении с этой целью оценки "профессиональный вариант нормы" поддерживается многими учеными-лингвистами. Трудности заключаются в наполнении введенного понятия конкретным языковым содержанием.

Необходимость в применении оценки "профессиональный вариант нормы" возникает в двух типичных ситуациях: 1/ когда имеются вариантные средства выражения одного и того же понятия или реалии; 2/ когда возникают новые,нетипичные средства выражения понятий или реалий,т.е. такие,которым нет аналогов в общелитературной номинации /Даниленко В.П.,Скворцов Л.И.,1982/. Если иметь в виду акцентуацию,то явления,которые могут быть отнесены ко второму типу, в отношении их квалификации как "профессионализмов" сомнений,как правило,не вызывают. Ср., например, ударения масла́,сахара́,торфа́,шумы́ и под.,где и сами формы множественного числа,реализующие идею сорторазличения, видоразличения,принадлежат специальной речи.

Сложнее обстоит дело с нормативной оценкой явлений,относящихся к первому типу и представляющих случаи,когда реально сталкиваются нормы общелитературного и профессионального ударения:ло́цманы и лоцма́на,про́мыслы и промысла́,бо́лей и боле́й, аммиа́ка и аммиака́ и др.

Важно очертить круг таких фактов,в частности решить,в какой мере это касается широко употребительных в быту слов и форм /ср. тефте́ли,тро́фели,блюда́/,которые иногда тоже рассматриваются как "профессионализмы", в большей степени давящие на литературную норму.

Нормативной оценке должны подвергнуться и сами ударения,бытующие в профессиональной среде. В массе своей они тоже неоднородны,включая факты,которые можно характеризовать как нормы и как профессиональное просторечие.

А.С.Герд

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ЯЗЫК, НОРМА, УЗУС, РЕЧЬ

В науке и технике, на производстве языковые коммуникации осуществляются в письменной, устной и человеко-машинной формах. Их виды – это коммуникации:1) общенаучные, общетехнические, общепроизводственные; 2) междисциплинарные, межотраслевые; 3) внутридисциплинарные, внутриотраслевые.

Конкретные типы их реализации это: I) в письменной форме: а) ядерные типы: монографии, статьи, классификаторы, рубрикаторы, энциклопедии, справочники, словари, госты, патенты, проекты, планы и отчеты по НИР и ОКР, технические условия, описания, паспорта; внутрипроизводственные документы; тексты от ЭВМ; б) периферийные типы: лекция в вузе, урок в школе, училище, ОР документы, законы и постановления, научно-популярная литература, книги по сферам любительских занятий, интересов (спорт, фотография); 2) в устной форме: а) ядерные типы: доклад, диспут, обсуждение планов, отчетов; внутрипроизводственные собрания; б) периферийные типы: популярная лекция, беседа, интервью, теледиспуты.

Конкретные типы реализаций представляют собой речевые реализации системы подъязыка. Система, норма, узус (как принято), речь,(реальные варианты) по разному соотносятся с различными типами речевых реализаций. В письменных формах диктует система, довлеет норма, узус и речь не расходятся. В устных формах в той или иной степени на всех уровнях языка от фонетики до лексики система диктует, норма уравновешивает, узус контролирует, речь отклоняется и варьирует.

Внешнелингвистические причины постоянно размывают ядро системы языка науки и техники через периферийные типы реализаций. Так прежде всего в лексике возникает переходная зона между ядром системы науки и ядром системы общего стандартного языка. Ядро системы языка науки, техники и внутрипроизводственного общения – объект терминоведения, прикладной лингвистики и научно-технической лексикографии; периферийная зона – объект стилистики,нормативной грамматики,теории культуры речи и общей лексикографии.

Л.А.ГЛИНКИНА
Н.М.ТОВСТУХА

Прагматические аспекты культуры речи в местных условиях.

I. Дефицит культуры общения, который ощущается сегодня на всех уровнях межсубъектных отношений – от домашнего бытового диалога до парламентской трибуны – сопряжен с массовой лингвистической инфантильностью и полуграмотностью, имеющей свои социальные корни, один из которых – обучение русскому языку, не ориентированное на коммуникативно-прагматический аспект. В этом плане практическое участие филологов в нормировании массовой речи и социально-этической коррекции речевого поведения людей разного возраста обретает культурно-политическую ценность. Значимость этой работы на местах определяется большей глубиной и доступностью контактов обучающих и обучаемых.

2. В последнее десятилетие лингвисты Челябинска особенно планомерно ведут массовую работу по культуре речи среди горожан и жителей села. Адреса нашего воздействия: а) студенты филологического и негуманитарного профиля (курсы культуры речи и ораторского мастерства, спецпрактикумы по культуре речевого общения на негуманитарных факультетах пединститута и университета), что особенно важно в условиях гуманизации вузов;

б) пропагандисты и партийные работники (Университет ленинских знаний, общество "Знание" и др.) Акцент делается на факторы, создающие эффективность речевого воздействия, основное внимание уделяется усвоению норм языка и речи в их совокупности, а также типичным ошибкам в публичной устной речи;

в) работники средств массовой информации (обзор речи в эфире местного телецентра; практические занятия на ФПК Всесоюзного института Госкомиздата на высших курсах;

г) разные социальные коллективы: заводских, медицинских, торговых работников, юристы и т.д., с которыми ведется лекционная лингвистическая работа по комплексной программе, в которой в большей мере, чем в других аудиториях, учитывается профессиональный аспект владения речью в разных ситуациях;

д) недифференцированный множественный адресат – читатели местной печати и слушатели местного радио и телевидения. В течение I0 лет в областной газете "Челябинский рабочий" регулярно дважды в месяц в воскресном "Собеседнике" ведется рубрика "Живое русское слово" с широкой программой активного воздействия на речевую практику уральцев, привития интереса к языку, его нормам истории и т.д. Основное звено – работа с письмами читателей, которые помогают найти интересные темы и формы подачи материала (лингвистические конкурсы, оперативные реплики, обзоры за круглым столом, публикация "Словаря перестройки" и т.д.). Научно-методический поиск лингвистов Челябинска ориентирован на программу Уральского отделения АН СССР "Духовная культура Урала" и реализуется в рамках "Лаборатории устной речи" при областном отделении общества "Знание".

Этому же социально"размытому" адресату предназначены публикации, популяризирующие нормы языка и речевого этикета и рассказывающие о местных отклонениях от норм на разных языковых уровнях. (Л.А.Шкатова."Как слово отзовётся". Челябинск, I986).

Опыт работы челябинских лингвистов в социально-пестрых многонациональных аудиториях современного промышленного города с миллионным населением позволяет поставить ряд проблем, связанных с содержанием и методикой практической работы по культуре речи: это проблема организации и осмысления обратной связи с "многоликим" адресатом; изучение функционирования нормы, просторечия, профессионализмов и выявление регионализмов по всем уровням; воздействие на местную рекламу, школьное обучение и семейную бытовую речь; внимание к формированию языковой личности со всеми ее социальными параметрами.

3. Ситуация в стране требует большей эффективности массового лингвистического воздействия, для чего необходимо объединение научно-методических усилий центра и регионов, широкий обмен опытом внедрения прагматической лингвистики и создание многотиражных комплексов по культуре речевого общения. В местных условиях важно поддерживать духовный, профессиональный контакт с коллегами других лингвистических кафедр и вузов, а также вступать в деловые связи с такими общественными организациями, как "Общество по охране памятников", Всероссийский фонд культуры,

Е.И.ГОЛАНОВА

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ И НОРМА ЖАНРА

I.К наименее изученным разновидностям устной публичной речи относится жанр публичной лекции /ПЛ/.Он принадлежит к тому типу устной речи,который ориентирован на письменную речь и наиболее противопоставлен по своим характеристикам разговорной речи /РР/

Жанр ПЛ - типичный образец "коллективной коммуникации",включающей доклад, рассказ экскурсовода, выступление на собрании и т.п. Проявляя свойственные ей черты, публичная лекция имеет и ряд особенностей, связанных прежде всего с ее основной функцией - популяризацией научных и прикладных знаний, с тем, что "говорящий" и "слушающий" имеют дополнительные роли "обучающего" и "обучаемого","обучаемых". Монологичность - доминантный характерологический признак этого жанра.

II.Монологическая форма ставит ПЛ в ряд других видов "ораторской речи",что обязывает к соблюдению норм и правил ораторского искусства.Тексты разных по тематике публичных лекций дают материал для выводов об общей выразительной направленности, о комплексе экспрессивных средств и приемов усиления образности, типичных для ПЛ. Наряду с формально выраженными ресурсами экспрессивизации /средствами словообразования/,разными видами метафор и других типов образных переосмыслений /метонимии, гиперболы, иронии/,своей активностью выделяются фигуры повтора, тоже широко представленные в публичных лекциях.Характерной чертой,особенностью текстов ПЛ являются "лирические отступления".

III.Эти типические черты,общие принципы отбора,организации общелитературных языковых средств дают основание говорить о "норме жанра",которая характеризуется и определенным соотношением вербальных и невербальных средств коммуникации.

Значение критерия "коммуникативной целесообразности". Языковая личность и норма жанра.

Всестороннее исследование и определение этого понятия - необходимое звено в общей теории культуры речи.

В.Е.Гольдин

ДИАЛЕКТ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Понятие "культура речи" имеет значение не только в приложении к литературному языку. У диалектоносителей есть представления о соответствии или несоответствии речи диалектному узусу, типичным для данного диалекта структурным формам реализации, о степени мастерства общения на диалекте. Поскольку в традиционной русской деревенской культуре приспособление речи к важнейшим ситуациям общения достигалось не столько варьированием её структурных черт, сколько использованием специальных общепринятых текстов, фольклора в широком понимании, то мастерство речи выступало прежде всего как владение предельно полным набором таких текстов и умение правильно исполнять их, совершая закономерные подстановки номинаций в соответствии с конкретными обстоятельствами.

Система речевых событий деревенского общения по объему, типологии, речевому проявлению не совпадает с речевыми событиями городского общения, особенно - протекающего в форме литературной речи. В диалектном общении возможны, например, спор и ссора, но не представлена дискуссия, при этом спор и ссора разграничиваются значительно слабее, чем в общении на литературном языке. Речевые реализации совпадающих по основным функциям событий /свадеб, похорон и др./ обычно не одинаковы в городе и в селе. Различия культуры речи диалекта и литературного языка существенно затрагивают, таким образом, область коммуникативной компетенции.

Рефлексия над речью имеет в диалектном общении непрофессиональный характер, и избирательность языкового сознания, его условно-символическая направленность, элементы идеализации собственной речи проявляются в метаязыковых высказываниях носителей диалекта особенно ярко. С принципиально устным характером диалектной речи, относительной простотой и ситуативностью её содержания, непосредственностью и спонтанностью общения связаны слабое осознание структурных черт речи, недостаточная выделенность речи из практической деятельности в целом и нечеткая

разграниченность знания и речи.

Вследствие отмеченных особенностей диалектной культуры речи овладение русским литературным языком не сводится для диалектоносителя к одним лишь структурным субституциям или дополнениям. Это более сложный и глубокий процесс трансформации самого типа речевой культуры, принятие иного принципа приспособления речи к ситуации общения, процесс развития новых для диалектоносителя областей коммуникативной компетенции и формирования соответствующих фреймов, это смена или дополнение традиционной деревенской семантики общения городской семантикой общения с выражающим её речевым этикетом, это существенное повышение уровня осознания речи, затрагивающее отношения между речью и знанием, речью и всей практической деятельностью.

Реальная сложность указанного процесса до сих пор игнорируется школой: сельские дети и городские, сельские дети разных регионов изучают курс русского языка по одним и тем же учебникам, в одном культурном и методическом ключе. В связи с этим представляются необходимыми:

а/ организация для учащихся сельских школ компенсаторного изучения литературной речи;

б/ включение в школьные программы раздела "Лингвистическое краеведение" и издание соответствующих пособий для отдельных регионов по специальному республиканскому плану;

в/наличие в каждой из сельских школ грамотно выполненного подробного описания местной речи в качестве обязательного методического документа;

г/совершенствование преподавания курса "Русская диалектология" с учетом его особого значения в филологической подготовке.

Предложенные меры окажутся полезными при условии исследования специалистами по культуре речи совместно с диалектологами, этнографами, психологами, социологами, лингводидактами стихийно проводимой в школе политики по отношению к диалекту, её культурных, моральных, социальных следствий. Первым этапом исследования может стать разработка методик объективной оценки степени усвоения учащимися различных сторон культуры речи литературного языка.

Л.М.Грановская

О СТИЛИСТИЧЕСКИХ НОРМАХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В 20-30-е ГОДЫ XX в.

I. В послеоктябрьское время сложилось исторически беспрецедентное сосуществование русского литературного языка - в России и за рубежом, "в рассеянии", сформировавшее,по существу, две стилистические системы.

2. Показательна стилистическая перемаркировка целых пластов слов;например, галлицизмов, нейтральных в одной системе и иронически окрашенных в другой. Окраска высокое-нейтральное - сниженное в эмигрантской печати идет вразрез с социально-окрашенными оценками послеоктябрьского времени. Реакцией на "размыв" галлицизмами разговорной речи становится за рубежом усиление "русскости" за счет возрождения архаики. Приверженность к этому кругу слов, отказ от лингвистического эксперимента и зауми,имитация высокости создает ощущение стилизованности там, где она стилистически не задана.

3. Претендуя на роль единственного авторитета,эмиграция выдвинула в качестве языковой программы установку на образец, замкнутость, ориентацию на то, что было и давно отстоялось, язык "без ошибок и вариантов". Отвергается "нелитературное слово", узаконенное в 20-е годы в советской литературе и некоторых жанрах публицистики. Полемика о нормах русского литературного языка в 20-е годы представлена за рубежом многочисленными материалами, до сих пор не включенными в научный лингвистический обиход и не прокомментированными. Разрушение традиционных средств выражения,входивших в официальные формуляры, комплиментарные клише и проч.,значительно изменило структуру, композицию, словесное наполнение и стилистическую окраску целого ряда текстов.Трансформируется норма текста, а не норма в тексте, понимаемая как характер соотношения стилистически окрашенных и нейтральных элементов.

Л.К.Граудина

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ

Научная цель анализа закономерностей развития нормы обусловлена, в первую очередь, необходимостью теоретического решения ключевых вопросов формирования и осуществления обоснованной лингвической политики. В этом отношении небесполезны компьютерные исследования в аспекте культуры речи, которые проводились в ИРЯЗ АН СССР.

Общая автоматизированная система обработки информации важна, с одной стороны, для сбора материала, с другой - для решения задач, связанных с нормализацией и кодификацией языковых явлений. В связи с этим проблема соотношения эмпирического и теоретического уровней встает перед исследователями как один из важных аспектов освещения темы. Проведенные в специальном исследовании сопоставления основных (общих) и частных компьютерных разработок убедили в необходимости координации дальнейших усилий в этой области. Накопленный опыт помогает определить наиболее целесообразные перспективы предстоящих исследований. Важно собрать необходимые сведения о современном состоянии вариантности норм литературного языка в разных функциональных стилях речи, составить полные автоматизированные списки функционирующих вариантов.

В результате уже проведенных исследований получены конкретные результаты, которые помогли выявить существование разных типов эволюции для конкурирующих вариантов: высокодинамического, умеренного и низкодинамического.

Высокодинамический тип эволюции характеризуется сравнительно быстрыми сдвигами в функционировании конкурирующих единиц (в течение 10-20 лет) и высоким коэффициентом роста продуктивных вариантов. Умеренно-динамический тип эволюции характеризуется более плавными сдвигами во времени (в течение 30-40 лет) и средним коэффициентом роста продуктивных вариантов. Низкодинамический тип эволюции характеризуется незначительным изменением состояния нормы на протяжении длительного времени - состоянием, близким к стагнирующему, уравновешенному и самым малым коэффициентом роста.

Л.К.Граудина

О СТИЛИСТИКЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ И МИТИНГОВОЙ РЕЧИ

В годы работы Государственной думы в России был популярен термин парламентское красноречие, а речи, произносимые депутатами, назывались парламентскими. Деятельность современного советского парламента актуализировала этот термин, и теперь применительно ко всей совокупности речей депутатов на сессиях Верховного Совета стран. целесообразно ставить вопрос о существовании современной парламентской речи. В отличие от речей депутатов в парламенте речи, произносимые на встречах с массовыми слушателями, в народных собраниях, на митингах, относятся к внепарламентским гражданским речам. На основе сопоставительного анализа парламентских и митинговых речей обнаруживаются существенные различия в стилистике этих жанров. Одно из наиболее важных было подчеркнуто еще в начале века в книге М.Н.Попова "Политическое красноречие. Что нужно для оратора" (СПб, 1906, С.23-24): "Гражданская речь, произнесенная в парламенте, будет легковесна и недостаточно убедительна, и наоборот, даже хорошая парламентская речь может потерпеть полное фиаско, будучи произнесена в народном собрании. В народном собрании полезнее, успешнее предлагать слушателям готовые тезисы, а не стараться продолжительным логическим путем доказывать их достоверность".

Лаконичность, тезисность, лозунговость речи на митинге составляет наиболее характерные ее черты, ср. показанные по телевидению плакаты на видеомонтажах митингов, состоявшихся в Ленинграде в 1989 г.: "Долой искусство подтасовки фактов", "Долой Нина-Андреевскую идеологию" и др. Императивный призыв плаката становился опорным тезисом некоторых высказанных на этих митингах речей.

Поиски нового стиля, новых средств и форм выражения в анализируемых коммуникативных ситуациях идут в неразрывной связи с теми языковыми нормами, которые опираются на запросы развивающегося массового ораторского искусства. Желание найти закономерные стилевые различия между такими видами ораторства, как речь в парламенте и речь на митинге - может привести к произвольным построениям. Характеристики этих видов красноречия весьма условны, вспомогательны и не имеют универсального значе-

ния. Более того, стремление оратора к эффективности воздействия порождает склонность к сходным стилистическим приемам. Как известно, разговорно-обиходная речь не терпит пространных и утяжеленных синтаксических построений. Поэтому хороший оратор не склонен говорить длинными предложениями. Поскольку традиционное красноречие, как "бальное платье мысли", не годится для ежедневного обихода, постольку современный оратор избегает и заученной книжной красивости, черпая формы выразительной речи в пластах "интеллигентского просторечия" или в запасах экспрессивной разговорной речи. Примеры: мы не против партии, но против мерзавцев в ней!; Чур, я командир, нет, чур, я командир... (речь идет о борьбе за кресло начальника – из высказываний на митинге); расшнурованная активность депутатов; если еще один Чернобыль, не приведи господи, то некому будет бороться ни за язык, ни за культуру, ни за что другое. (Из выступлений на съезде депутатов).

Стилистика парламентской и митинговой речи заметно различается характером прений. На митинге, как правило, спор используется как средство сильного психологического воздействия, открытой словесной дуэли с оппонентом. В парламенте же ставится задача совместного уяснения какого-либо дискуссионного вопроса. Информативность и доказательность доводов в парламентском споре – первостепенны. С этим сопрягается профессионализм оценок и соблюдение терминологических правил в научных квалификациях. Ораторы должны придерживаться избранных высоких принципов и широкого взгляда на обсуждаемый предмет, допускающий возможность иного подхода и другой оценки. Депутат не имеет права опускаться до выпадов ad hominem или каких-то личных, мелких, придирчивых возражений. Даже форма обращений друг к другу в парламенте приобретает особое значение, так же, впрочем, как и вопрос о "парламентских" и "непарламентских" выражениях. Этические нормы речевого общения и характер обсуждения дискуссионных проблем; чистота, правильность, ясность речи депутатов – все эти вопросы составляют важные стороны культуры парламентской речи.

В.П.Григорьев

КУЛЬТУРА ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

С кончиной А.Д.Сахарова мир потерял великого ученого и человека исключительного благородства и редчайшей силы духа, всемирной отзывчивости и органической чуткости. Его образ остается и для нас, филологов, примером настоящего человеческого достоинства, бескомпромиссной борьбы с властной бездарностью, самодовольной трусостью и всеразрушающим бесстыдством. Детальные уроки сахаровской интеллигентности еще предстоит извлечь, осмыслить, усвоить и развить. Здесь стоит подчеркнуть две стороны его личности: 1) последовательность в проведении своей точки зрения; 2) заботу о выработке целостной системы взглядов, касается ли это прав человека, задач перестройки или стратегии Верховного Совета СССР.

Вправе ли мы утверждать, что располагаем целостной концепцией культуры речи? Последовательны ли мы в осуществлении задач ее построения? Искренний (неутешительный) ответ на эти вопросы предполагает постановку множества промежуточных контрольных проблем более конкретного плана. Попробую их сформулировать, сведя воедино и некоторые из собственных размышлений на эту тему в 60-80-е годы.

Недооценка проблемы, вынесенной в заглавие, дала о себе знать при подготовке Комиссией Верховного Совета СССР проекта Закона о языках народов СССР. Как область забот лингвистики и теоретической русистики культура языка в течение многих десятилетий в основном и сводилась к культуре речи при методологическом господстве нормативизма (см.: Русская речь, 1990, № 1). Проект обнаружил и более глубокую лакуну: полное отсутствие основ "лингвистического права", включая права любой языковой личности и самого "малого" этноса. Мало того. Потребовались срочные и специальные усилия для выработки именно целостной системы принципов нашей языковой политики, отвечающей системе языковых прав, которые также еще предстояло определить. Выполняя соответствующее поручение Комиссии и развивая доложен-

ние ей свои предварительные постулаты, автор этих строк и постарался "определиться" в указанных областях. 15 ноября 1989г. его идеи доложил Верховному Совету СССР Ч.Айтматов (предельно близко к оригиналу, но в собственной версии и даже от своего имени; см.: Лит.газета, 1989,22 ноября). До середины января 1990 г. они как будто не встретили возражений.

Ясно, что все названные системы и такие понятия, как "языковой мессианизм", "великодержавный нарциссизм", "полуязычие", "разъязычивание", "полуязычие" и "полукультура", "стилистическое вырождение" и "сильная стилевая политика", требуют экспликаций, обсуждений, коррективов. Но не порознь, а в принципиальных связях этих понятий друг с другом.

Говоря о культуре речи или языка, часто имеют в виду присвоение готовой культуры, редуцируя, в угоду нормативной точке зрения на язык, его творческую функцию. Между тем она приоритетна как раз с позиций развития культуры. "Новое мышление" - это непременно и "новый язык". И стилевую типологию современного политического дискурса так же невозможно вывести за круг культурноречевой проблематики, как и понятие "культура художественной речи" (ср. тему "Язык как творчество", понятие "дубовый язык" и соображения в тезисах "Стилистика и поэтика" - М., 1989. Вып.I. С.38-41).

Культура речи принимает реальную языковую политику - культура языка обсуждает ее. Обществу нужен "орган острого реагирования", в котором современные "прохоры", развивая традиции А.В.Калинина, могли бы систематически демонстрировать обществу значение "языковой критики" - фундаментального понятия на стыке культуры языка и лингвистической поэтики ("творческой критики", по Д.С.Мережковскому). Ведь степень интеллигентности общества и государства не в последнюю очередь характеризуется как раз осознанием потребности в постоянном Оппоненте. С именем А.Д.Сахарова связаны понятие и слово "инакомыслие". Но много других слов у нас как он простаивает или опаздывает ("иноязычие", "иностилие", "лысенковщина" и т.п.; понятие "лигачевщина" уже носится в воздухе, а такого слова вроде бы и нет). В 20-е годы Луначарский был нормальной мишенью для многочисленных сарказмов. В 90-е мы все еще посмеиваемся, перефразируя

Пушкина или Хлебникова: "Мила, мила нам Литачевщина", "Трусоват был Вадя озный".

В поэтике слова творческая функция языка нейтрализует противопоставление язык/речь. Применительно к теории культуры речи здесь может быть обнаружена специфика. Оппозиция Сахаров/Айтматов не остается только в пределах этой сферы. В культуре речи, в ораторском искусстве, возможно, проигрывает первый. В культуре языка - несомненно второй (упомянутый выше случай однозначно выводит "образ" такого "автора" за пределы культуры вообще). Аналогично можно отметить низкую культуру прежде всего языка у "молодогвардейцев" (вплоть до заовения клейма "истинно русский человек") и относительно более высокую у их оппонентов; ср. такие "языки аргументов" на недавнем пленуме правления СП РСФСР - и в необразцовых русских идиолектах ряда литовских собеседников М.С.Горбачева; незаслуженно изойтый в печати совсем не глупый афоризм "экономика должна быть экономной" - и паронимическое не отождествление интеллекта с интеллигентностью; насмешки концептуалистов над стереотипами (как объект культуры речи) - и новообретенную станцию Выхино (как звуковой просчет в культуре языка)).

Между культурой языка и культурой речи есть связующее звено - культура идиолекта и идиостиля. Образ А.Д.Сахарова остается для нас и как образец этой высочайшей, пока еще интуитивно ощущаемой культуры - уникального идиостиля и стиля мышления. Он приоткрывает к нам мечту будетлянина - "хабеас анимам аит" и "мировую совесть". Выражение "человеческий фактор" оказалось продуктом "инструкторского социализма". Но именно под знаком человеческого достоинства будет проходить "Сахаровский призыв" в культуру.

Что мы скажем о плакате "Идеи Сахарова А.Д. в деятельности Горбачева М.С."? О полусоветских рядах типа "приватники, паиковы, прихваты и совхалхины"? О "свободе словосочетания"? Ср. I/ ряды: аллилуева пита, грасеч, крепостное право, недоверие - и АН, Барис, правительство, ЦК; 2/ "главу" новоявленного российского башибузука; 3/ экспрессемы *соци, "хамить", *вменкультура и пуч. "Этика языка" - это "презумпция собственной неправоты" и высокая "культура несогласия".

Л.А.Грузберг, Т.И.Ерофеева, Р.Л.Скитова

ЧТО ТАКОЕ РЕАЛЬНАЯ РЕЧЬ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА ?

I. Доклад отражает материал наблюдения над естественной непринужденной речью более 160 жителей г. Перми; он показывает, что подавляющее большинство горожан – билингвы и полилингвы, способные в различных речевых ситуациях использовать средства то литературного языка, то городского просторечия, то профессионального или группового жаргона, а нередко и элементы диалекта.

2. С известной долей условности можно наметить следующие группы, характеризующиеся специфическими особенностями. Это:

а) носители литературного языка, прибегающие к элементам иных языковых разновидностей в достаточно малой степени вне зависимости от ситуации общения;

б) носители литературного языка, речь которых дифференцируется: в одних ситуациях они пользуются средствами литературного языка, в других – средствами городского просторечия (или жаргона);

в) информанты, допускающие смешение средств различных языковых разновидностей даже в пределах одной и той же ситуации;

г) носители городского просторечия, способные прибегать к литературному языку. В речи их фиксируются и жаргонизмы;

д) носители городского просторечия, практически не использующие никаких иных языковых средств.

3. Выбор того или иного варианта речи зависит главным образом от отношения говорящего к собеседнику. Кроме того, в целом ряде речевых ситуаций возникате "речевая аккомодация", результатом которой является приспособление своей речи к речи собеседника. Причины подобной аккомодации – социальные и психологические.

6. Данный подход позволяет утверждать, что реальная речь современных горожан – это особый тип, представляющий собой конгломерат разных языковых средств.

Т.В.Губаева

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ЮРИСТОВ

I. Профессиональное общение - это комплекс коммуникативных актов, в которых участвует профессионал при выполнении своих служебных обязанностей. При этом речевое поведение зависит от целей деятельности, склада профессионального мышления, уровня специальной подготовки профессионала, соотношения речевого и неречевого компонента профессиональной деятельности. Речевое общение юристов основано на особом отражении действительности: факты интерпретируются в категориях прав и обязанностей, а затем оцениваются с позиций действующего законодательства. Описание и анализ событий, сопоставление их с нормами права и юридическая оценка - вся правовая информация, которую передают в коммуникативных актах, служит основой для принятия правильного решения по делу. Речевая культура профессионального общения юристов - это определенный уровень профессионально-языковой компетенции, позволяющий правильно построить и реализовать программу устного или письменного речевого высказывания с учетом изменчивости речевых ситуаций при постоянстве требований закона.

II. При решении юридического дела создается временная микрогруппа коммуникантов, речевой коллектив, в котором есть юристы-профессионалы и граждане, вовлекаемые в юридический процесс. Соответственно возможно речевое общение по типу "профессионал - профессионал" и "профессионал - непрофессионал," причем участники общения и в том, и в другом случае в известной степени антагонистичны /позиции "обвинение"-"защита", "следователь" - "лжесвидетель" и т.п./. Речевая культура профессионального общения юристов предполагает программирование речи с учетом этих факторов.

III. Если представить юридический процесс как самостоятельную когнитивно-коммуникативную сферу и рассмотреть речевое общение как компонент профессиональной юридической деятельности, можно предложить типологию коммуникативных ситуаций и речи в правовой сфере, что позволит дать объективные нормативно-стилистические рекомендации по использованию языка в юридическом процессе.

В.П.Даниленко

НОРМА В ЯЗЫКЕ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Понятие "язык для специальных целей" (ЯСЦ) и соответственно сам термин рассматривается нами в ряду других, принятых в науке номинаций – язык науки, язык науки и техники, профессиональный язык, язык профессии и др., находящихся в отношениях синонимии.

Объединяющим началом для этих понятий является несколько общих дифференциальных признаков: это – функциональная разновидность национального литературного языка; обслуживает она профессиональную сферу общения специалистов, обладает признаками коммуникативной самостоятельности.

Статус ЯСЦ, место в общеязыковой системе, а также функциональное предназначение с неизбежностью актуализирует проблему нормы в ее общем и специфическом проявлении.

Существуя в рамках полифункционального литературного языка, ЯСЦ естественным образом воспринимает фонетическую, лексическую, грамматическую, орфоэпическую, акцентологическую системы последнего, основные нормативные позиции его. Существенные отличия ЯСЦ, которые на разных уровнях проявляются в разной мере и степени, столь же естественно реализует право на коммуникативную самостоятельность, а значит, и на определенную самостоятельность в норме. Этому способствует общий динамизм ЯСЦ, постоянные поиски рациональных форм выражения содержания специальных понятий, активное использование резервов естественного языка.

На лексическом (терминологическом) уровне нормативным аспектом охвачены, с одной стороны, приоритеты в основных источниках пополнения специальной лексики внутри конкретного национального языка, с другой, приоритеты на интернациональном уровне. В первом случае можно наблюдать тенденцию к "олитературиванию" специальной лексики, к ослаблению влияния периферийных и нелитературных источников ее формирования. Во втором случае заметна тенденция к интернализации все большего

числа современных терминосистем, особенно тех областей знания, в которых наша отечественная наука не занимает передовых позиций.

Деривационный уровень в рамках ЯСЦ демонстрирует появление целого ряда моделей в пределах традиционных способов образования, которые не принимаются системой общелитературного словообразования, но удачно оформляют номинацию специальных понятий (многоосновные сложения, "телескопическое" образование сложных слов, аббревиатуры, комбинированные образования с привлечением разного рода символики и т.п.).

Наиболее консервативный в грамматическом строе литературного языка собственно морфологический уровень реализуется в ЯСЦ во всех основных своих правилах. Однако в рамках ЯСЦ заметны тенденции к нетрадиционным формам грамматических парадигм и грамматических категорий, которые не могут быть охарактеризованы как отклонение от общепринятых норм. Они составляют суть функциональных особенностей ЯСЦ.

Специфика нормы в ЯСЦ не лишает ее возможности находиться в рамках национального литературного языка. Функциональная специфика ЯСЦ позволяет варьировать конкретные общеязыковые нормы, приспосабливая их к нуждам профессиональной сферы общения. Однако было бы ошибочным все отклонения от строгих литературных норм расценивать как некий профессиональный вариант нормы и безоговорочно оставлять их в ЯСЦ. Культура ЯСЦ столь же актуальна, как и культура русской речи вообще и требует не менее тщательного изучения и освоения.

Изучение нормы в языке для специальных целей, выявление специфики ее на уровне профессионального варианта нормы неизбежно повлечет за собой изменения в лексикографической маркировке многих фактов языка, объективирует систему помет.

Столь же существенны результаты анализа нормы в ЯСЦ и для практического терминообразования и терминоупотребления, особенно при упорядочении и стандартизации терминологии.

С.Н.Дмитренко

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В сообщении затрагивается вопрос о фонетической адаптации заимствований в русском языке. "Заимствованное слово, - писал Р.Ф.Брандт в статье "Несколько замечаний об употреблении иностранных слов" (1882 г.), - не должно противоречить звуковым законам данного языка" (с.8). Для показа происходящих в современном русском языке изменений в произношении заимствованных слов взяты сочетания "согласный + э" (в орф.виде е). Сравнивая материал, данный в книге Р.И.Аванесова "Русское литературное произношение" (М., 1972), с тем, что представлено в "Орфоэпическом словаре русского языка" (под ред. Р.И.Аванесова, М., 1983), можно заметить, что за десятилетие, прошедшее с момента выхода в свет первой книги, произошли изменения в произношении ряда заимствованных слов, свидетельствующие об адаптации их произношения звучанию исконно русских слов. Например, в словах с сочетаниями "губной + е" (орф. ве, ме, бе, пе, фе). Из рекомендаций авторов "Орфоэпического словаря русского языка" ясно видно, что больше половины приведенных Р.И.Аванесовым слов стали произноситься как все русские слова (де/ф'е́/кт, /в'е́/ктор, /м'е́/сса, ас/п'е́/кт и др.); 14 из приведенных им слов и сейчас продолжают произноситься с твердым согласным перед э, например, а́утода/фэ́/, гали/фэ́/, ка/фэ́/ и др. (это в основном слова с твердым согласным перед э в конце словоформы). Остальные слова, по данным "Орфоэпического словаря русского языка", имеют вариантное произношение (конгрессме́н /м'е/ и доп. /мэ/, бизнесме́н /мэ/ и доп. /м'е/ и т.п.).

Приведенные данные сравнения материалов двух книг, изданных в разное время, свидетельствуют о том, что заимствованные слова постепенно подвергаются фонетической адаптации и тем самым перестают стоять особняком в фонетической (и соответственно фонологической) системе русского языка.

О.Л.Дмитриева

КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ СПРАВОЧНАЯ СЛУЖБА РУССКОГО ЯЗЫКА

В Институте русского языка АН СССР, в отделе культуры русской речи, работает консультационная справочная лингвистическая служба, обладающая статусом официального рекомендательного учреждения. С высоты 25-летнего существования службы видно, как отчетливо проявился социально полезный аспект её лингвокультурной деятельности, особенно актуальный в русле наметившегося благотворного процесса сознательного регулирования речевого состояния общества. Если одной из задач языковой политики является выяснение культурно-речевого уровня общества и координируемая наукой о культуре речи целенаправленная деятельность по его повышению, то консультационная справочная лингвистическая служба - самостоятельный метод достижения этих целей.

Собственно справочно-консультационная деятельность осуществляется в процессе телефонного диалога между абонентом, обращающимся с вопросом, и консультантом - специалистом по русистике. Справочный и консультационный диапазон лингвистической службы чрезвычайно широк. В оперативном режиме выдаются орфографические справки, осуществляется рационализация выбора многочисленных вариантов нормы, выясняется семантическая динамика слова, его значение, производится отбор языковых средств в высказываниях в соответствии с их стилистическим заданием.

Кроме собственно консультационной и справочной лингвистическая служба выполняет функцию социологическую. Каждый звонок, за которым стоит тот или иной вопрос, - своего рода симптом массового речевого состояния общества. Надо сказать, что практика работы лингвистической службы подтверждает уже ставший достоянием гласности печальный факт, что это состояние весьма плачевно. Но констатация большого "безграмотного" слоя общества не является самоцелью. Важнее выяснить языковые нужды части общества, овладевшей определенным уровнем грамотности. Эта цель поставлена в рамках функции слежения, контролирующей функции. Так, обнаруживаются сбои и конфликты в языковой и кодификационной информации /например, учет словарно не зафиксированных лексем/, выясняются динамичные и разнообразные потребности общества /обилие в 70-х

годах вопросов, связанных с колебаниями нормы, сменилось вопросами о номинации разнообразных легализованных духовных и материальных ценностей, новых явлений/. Наметилась тенденция использовать лингвистическую службу в качестве корректора и редактора, т.е. с целью литературной правки текстов.

Фиксация вопросов в лингвистическую службу, ведущаяся с 1976 года, сохранила в снятом виде эволюцию справочно-консультационной деятельности отдела культуры русской речи. С 1990 года составляется тематически систематизированная картотека, свод не только объективных трудностей русской языковой системы, но и частотно представленных субъективных трудностей для носителей языка. Целью картотеки является как накопление и регистрация справочных данных, так и их движение - систематизация, компоновка и перекомпоновка, компрессия, статистическая обработка, распубликование и сведение в регулярные хроники. Систематизированная по разным критериям информация, фиксируемая в процессе работы службы, может и должна в дальнейшем использоваться в прикладных целях. Из картотеки, например, могут вырастать дидактические списки, способные по мере возможности восполнять дефицит лексикографической информации, причем, с учетом наиболее острой потребности.

Внешняя и внутренняя формы существования лингвистической службы взаимосвязаны; от структуры организации и организованности службы, её наполнения, зависит широта и качество её контакта с обществом. В рамках собственно организационной функции лингвистической службы происходит усовершенствование самого процесса обслуживания абонентов, которое, в идеале, должно завершиться новой информационной технологией - компьютерной. Компьютерное организационное воплощение лингвистической службы позволило бы достичь нового расклада возможностей её культурной миссии в обществе.

Расширение сети консультационных справочных служб расширило бы непосредственный выход специалиста по культуре русской речи в общество, увеличило бы возможность обращения к "устному словарю", каким является служба, что особенно актуально в обществе со столь низкой культурой словарного пользования и обеспечения.

О.Л.Дмитриева

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ШТАМП КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Советская лингвистика имеет богатую и не полностью освоенную традицию понимания задач культуры речи, воплощенную в 20-30 г. XX в. под термином "языковая политика". На первый план выдвинулось массовое общественное лингвистическое воспитание, осуществляемое "сознательным активным организующим отношением к языку как к социальной традиции" /Г. О. Винокур/. К акциям языковой политики относился комплекс мер, направленных на выяснение речевого состояния общества и на культивирование, совершенствование, этого состояния. Языковая политика сближалась не только с социолингвистикой - воздействием общества на язык, но делала своим объектом и воздействие языка на общество. Так, исключительно важным считался вопрос о штампах в политико-пропагандистских текстах, с теоретической степенью отчетливости выдвинутый в работах Г.О.Винокура, Е.Д.Поливанова, Л.П.Якубинского, А.М.Селищева.

Под пропагандистскими штампами понимались фиксированные речевые отрезки с идеологически оценочной доминантой, неоправданно часто употреблявшиеся в целях пропаганды, создающие впечатление "угара революционной фразы" /Л.П.Якубинский/, приобретшие в процессе употребления "абсолютно конвенциональный характер /Г.О.Винокур/. Г.О.Винокур прослеживал речевое существование штампов /наступление капитала, реформистский лакей и под./, неизбежно завершаемое прагматической дисфункцией, и считал, что за "словесным обнищанием" политико-пропагандистского текста "кроется громадная социальная опасность". Он связывал использование штампов в функции средств пропагандистского воздействия с "несовершенством политической культуры и политического мышления" и называл их сознательное употребление недобросовестным приемом. Деятели языковой политики, таким образом, первыми поставили вопрос о выработке критериев уместности//неуместности пропагандистского штампа как единицы политической фразеологии.

В языковом сознании носителей русского языка пропагандистские штампы - достоверные и вполне идентифицируемые для фиксации в текстах массовых коммуникаций исторические единицы /гидра контрреволюции, хищная акула империализма, ставить под угрозу завоевания Октября /иллюстрации Е.Д.Поливанова/, продажная левка империализма, часовой революции...; потерять корни в массах, ковать кадры, рупор кулацкой идеологии, под солнцем конституции...;

в едином порыве, братская помощь, беззаветная преданность, небывалое единение, невиданный подъем...; свежий ветер обновления, ветер апрельских перемен, порвать паруса перестройки, расширение демократии /гласности/.../. Штампы – не только вербализованные идеологические стереотипы /стереотип – унифицирующий механизм социальной перцепции, образ-схема, восходящий к определенному мировоззренческому идеалу или представлению/, но и способ формирования стереотипности, с учетом "силы печатного слова" в массовых коммуникациях, формирующих, как известно, общественное сознание. Стереотипность находит речевое воплощение в стандартизованности, стилевой характеристике усредненных по шкале авторства и индивидуальности части текстов массовых коммуникаций. Стандартизованность выступает в оппозиции к другим речевым характеристикам текста: речевому творчеству; выразительности, экспрессивности /хотя стандартизоваться могут и экспрессивные речевые средства, что и происходит в некоторых текстах массовых коммуникаций/; множественности способов речевой интерпретации действительности.

В процессе анализа штампов цели языковой политики, поставленные наукой о культуре речи, смыкаются с поисками чувства меры и этических критериев в использовании наработанного массовыми коммуникациями пропагандистского потенциала воздействия. Движение процедурной, а не декларативной пропагандистской мысли требует совершенства фундаментальных коммуникативных процессов – понимания и вербализации, а также обширных языковых ресурсов, обладающих качеством новизны как основным фактором информативности. Вербализация же коммуникативного замысла одним и тем же средством – независимо от его собственно языковых характеристик – обрекает на неудачу и сам замысел. Следует учесть также, что омассовление сознания стандартными речевыми средствами, т.е. его стереотипизация, не удовлетворяет информационным и когнитивным потребностям личности. Пропагандистский штамп под влиянием мер языковой политики должен занять соответствующее место на шкале аксиологических характеристик политико-пропагандистского текста как исторически незаконное средство речевого воздействия.

Для полной характеристики явления в рассмотрение, кроме пропагандистских, идеологических, штампов, должны быть включены также штампы общепублицистические, беллетристические, риторические, канцелярские и другие типы штампов.

Д.О.Добровольский

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Цель данного сообщения – показать один из возможных путей решения задачи лексикографического описания подъязыка повседневного общения. Идея создания иностранно-русских словарей речевого общения родилась из осознания необходимости перехода от декларативных "советов" по лексико-синтаксической организации высказываний в ситуациях повседневного общения к возможно более полному и детальному охвату соответствующих выражений. Тот факт, что эти выражения /независимо от того, признается ли за ними в рамках той или иной лингвистической концепции статус единиц языка/ занимают в личностном лексиконе /по Ю.Н.Караулову/ одно из центральных мест и представляют собой своего рода "готовые блоки", из которых строится знание повседневной речи, считается на сегодня однозначно доказанным. Следовательно, инвентаризация и представление в словарной форме соответствующих выражений – вполне реальная, хотя и очень трудоемкая и нетривиальная задача.

Подобный словарь должен содержать не только информацию об эквивалентах представленных в нем иноязычных единиц речевого этикета, но и прежде всего информацию о возможностях их употребления в контекстах различных типов, об ограничениях, накладываемых на их употребление узусом, об их потенциальном воздействии на партнера по коммуникации. Знание этого типа традиционно называлось "чувством языка" и оставалось, как правило, за пределами лингвистического описания. Современная лингвистика, значительно расширившая свою научную парадигму, не только включила эти типы знания в свой предмет, но и потребовала их интеграции в описание отдельных единиц языка /ср. понятие коммуникативной компетенции/, а следовательно, и включения репрезентаций этого знания в структуру словарных статей.

Различие в коммуникативном поведении носителя языка и /пусть даже весьма преуспевшего/ иностранца состоит, как известно, прежде всего в том, что последний строит свои высказывания в каждой ситуации по известным ему продуктивным правилам и нарушает при этом определенные коммуникативно-языковые нормы, в то время как первый использует некие социально отработанные, клишированные формы повседневного общения, давно уже ставшие для него /чаще всего неосознанно/ единицами личностного лексикона. Именно этот факт заставляет пересмотреть ряд привычных положений и описывать подобные единицы не в рамках грамматики, а в рамках лексикона /в смысле интегрального описания языка Ю.Д.Апресяна/.

В.А.Дризуле

КУЛЬТУРА РЕЧИ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

В обществе, где функционируют одновременно несколько языков, следует уделять большое внимание проблемам и вопросам культуры речи, как родного, так и изучаемых языков. Хотя программа средней школы ориентирована на усвоение литературного языка, тем не менее влияние могут оказывать и другие функционирующие в данном регионе диалекты и языки.

Группа латышско-русского двуязычия Института языка и литературы имени Андрея Упита АН ЛатвССР обеспечивает консультационную службу по вопросам орфографии и передачи иноязычных названий и слов на русский язык. Анализ материалов, полученных в результате полевых и социолингвистических исследований, показывает, что леттофонное население республики обладает хорошим знанием русского языка (кстати, интерес к вопросам правописания и культуры речи чаще проявляют леттофоны, чем русофоны). В устной русской речи русофонов республики можно выделить отдельные характерные черточки, не затрагивающие структурных и системных основ языка.

Перед языковедами и филологами национальных республик должна ставиться задача формирования не только личности с хорошим знанием русского языка как средства межнационального общения, федеративных отношений, но и личности, ориентированной на освоение и овладение государственным языком республики. Ибо только это знание может обеспечить полнозначное развитие и личности как индивида, и русской культуры в Латвии в целом. Создание национальных культурных обществ поможет в этом.

И.П.Друвиете

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИИ НА НОРМАЛИЗАЦИЮ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Становление норм литературного языка является своеобразным процессом для каждого народа. В каждом языке на общем культурно-историческом фоне образовались стойкие представления об "образцовой" форме языка. С влиянием этих представлений или даже стереотипов следует считаться при определении и кодификации норм современного литературного языка.

Считается возможным и необходимым создать принципы типологии развития нормы. Для достижения этой цели необходимо привлечь данные различных языков при учете лингвокультурной традиции. Сравнение процессов нормализации дало бы возможность четко выявить как общее, типичное для большинства языков, так и специфику развития нормы конкретного литературного языка.

Латышская традиция нормализации в плане разработки типологии развития нормы представляет интерес своей спецификой развития. Важнейшими факторами, определявшими ее, являются следующие: I) широкие языковые контакты (с литовским, немецким, русским, шведским, польским и др. языками), 2) продолжительный (XIУ в.- середина XIX в.) период выработки норм латышского литературного языка представителями другой национальности (немецкими священниками), 3) консолидация национального литературного языка из языка устного народного творчества и языка текстов XУI-XIX вв., 4) отсутствие лингвистических школ, влияние на норму отдельных знаменитых языковедов (Ю.Алунанса, К.Мюленбаха, Я.Эндзелина).

Для малочисленных народов, в том числе и для латышского народа, характерно отсутствие плюрализма мнений в период стабилизации литературной нормы, а также авторитарная позиция в последующие периоды, часто именуемая традицией. В докладе сделана попытка доказать, что традиция не всегда является плодотворным фактором и иногда может тормозить развитие языка, напр., соблюдение до сих пор ретроспективного идеала языковой нормы, установленного Я.Эндзелином семьдесят лет назад.

С.Я.Ермоленко
/Киев/

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЛУБИНА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ.

1. Многомерная структура национального языка, предоставленная различными формами письменной и устной речи, предполагает как синхронно-диахронический, так и культурологический подход к нормам литературного языка и вариантам этих норм.

2. Нуждается в уточнении распространенное утверждение о том, что литературные нормы вытесняют диалектные. Происходящее в истории национального языка размежевание литературных и диалектных норм /сравн. практику создания общеупотребительных, нормативных, и специальных диалектных словарей/ не отрицает факта пополнения литературного языка разговорными вариантами, проецируемыми на диалектные источники.

Разговорная речь, фольклорный стиль характеризуются наличием наддиалектных норм, свойственных языку в его историческом и современном планах.

3. Общеобязательность, регламентируемость, стилевая и стилистическая дифференцируемость и целесообразность как основные признаки языковой нормы проявляются только на фоне вариантов - показателей активной речевой деятельности, живого языкового творчества, соотнесенного с письменно-литературными и устно-народными традициями.

4. Историко-литературная глубина языковой нормы, реализованная прежде всего в конкретных художественных текстах, предоставляется в виде пространственных и временных вариантов - языковых знаков письменно-литературной, устно-народной традиций.

5. Степень развитости литературного языка зависит, с одной стороны, от наличия стилевых и стилистически дифференцированных норм, а с другой - от общей языковой культуры говорящих и пишущих, воспринимающих историко-литературную глубину языковой нормы.

6. Объективные и субъективные факторы определяют специфику вариантов в разговорной речи, кодифицированном литературном языке, в художественном стиле.

Н. А. Еськова (Москва)

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПОМЕТ НОРМАТИВНОГО СЛОВАРЯ

1. Норма есть осуществленный выбор между разными возможностями, предоставляемыми языковой системой. Этот выбор закрепляется узусом.

2. Нормативный выбор не может быть абсолютно безальтернативным. В литературном языке всегда сосуществуют варианты.

3. Стремящееся быть адекватным реально существующей норме описание непременно требует создания определенной ш к а л ы н о р м а т и в н о с т и, которая может быть более и менее дробной. Система нормативных помет должна предусматривать разные случаи соотношения вариантов нормы, в том числе их полное равноправие.

4. Нормативный словарь может фиксировать варианты, свойственные особым сферам функционирования языка (профессиональная речь, художественная речь).

5. Наконец, круг фактов, фиксируемых словарем, может быть расширен при сохранении нормативной установки. Это осуществляется с помощью так называемых "запретительных помет". Здесь также может быть предусмотрена определенная шкала оценок вариантов - по степени "грубости" отклонения от нормы.

6. Во всех перечисленных случаях идет речь о нормативном выборе между реально функционирующими вариантами. Но возможен выбор иного порядка - между с у щ е с т в о в а н и е м и н е с у щ е с т в о в а н и е м определенных единиц. Здесь в этом аспекте будут рассмотрены словоформы и подпарадигмы.

7. Неупотребительность или неполная свобода употребления определенных типов словоформ связана с недостаточным автоматизмом действия некоторых звеньев языкового механизма. Для лексикографической квалификации формальных затруднений при образовании словоформ в "Орфоэпическом словаре русского языка" введены пометы "неупотребительно" (неуп.) и "несвободно" (несвоб.). Первая помета фигурирует в словаре, например, вместо словоформ родительного множественного существительных мечта, тамада, башка, словоформ сравнительной степени прилагательных скользкий, ненастный, волнующий, словоформ первого лица единственного числа

глаголов дерзить, победить. Вторая помета дается при словоформах родительного множественного тахт, кочерёг, словоформах сравнительной степени матче, усталее, блестящее, словоформах первого лица единственного числа егожу, куролешу.

8. Несуществование (или "полусуществование") определенных типов подпарадигм связано не с затруднениями формального порядка, а с заметно меньшей их употребительностью по сравнению с другими подпарадигмами того же слова. Так может обстоять дело, например, с одной из подпарадигм числа существительных, с краткими формами прилагательных по сравнению с полными формами в пределах системы форм того же слова и др. Орфоэпический словарь использует для оценки таких подпарадигм помету "малоупотребительно" (малоуп.). Она фигурирует при формах единственного числа существительных клипсы, плутни (клипс, плутня), при многих кратких формах прилагательных причастного происхождения на -нный (см., например, словоформы измученны, озадаченно в таких случаях: "Лица были измученны"; "Выражение лица озадаченно").

Крайнее проявление малоупотребительности совпадает по результату с крайним проявлением "несвободы" и получает лексикографическое выражение тоже в помете "неупотребительно" (которая фигурирует в словаре, например, вместо единственного числа существительного катанки).

9. Оценка словоформ и подпарадигм как употребляемых несвободно, малоупотребительных и неупотребительных производится с т о ч к и з р е н и я н о р м ы. В языке есть множество переходов от полной неупотребительности к бесспорной употребительности. В жестких рамках словарного описания все должно уложиться в "шкалу": помета "неупотребительно" - помета "несвободно" или "малоупотребительно" - отсутствие пометы. При этом отнюдь не исключается оценка как неупотребительных таких словоформ, которые были зафиксированы исследователем в реальных текстах.

Таким образом, есть основания квалифицировать пометы "несвободно","малоупотребительно", "неупотребительно" как о с о б у ю р а з н о в и д н о с т ь н о р м а т и в н ы х п о м е т. В силу нетрадиционности такого подхода они не характеризуются так во вступительной статье к орфоэпическому словарю, адресованной широкому читателю.

Л.Ю.Иванов

ДИСКУССИЯ КАК ТИП КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

I. Нынешний этап развития исследований в области культуры языка/речи как важнейшей части культуры социальной коммуникации диктует необходимость подробного описания и систематизации возможных в социуме коммуникативных ситуаций, которые связаны с использованием русского языка.

Подробное описание коммуникативной ситуации предполагает анализ и воспроизведение ее структуры. Понимаемая широко, структура коммуникативной ситуации включает компоненты ситуации и отношения между ними (структуру в узком смысле), причины возникновения данной ситуации и ее возможные последствия, рассматриваемые в соотношении (совпадение/несовпадение) с характером целей, преследуемых субъектами коммуникации, а также пространственно-временную локализацию ситуации.

Обобщать и систематизировать дескрипции коммуникативных ситуаций удобно, опираясь на понятия тип коммуникативной ситуации, форма речи, сфера общения. Под типом понимается совокупность коммуникативных ситуаций или речевых событий (в понимании А.Дуранти), в которых совпадают главные цели сообщения, нормы и характер взаимодействия. По форме речь может быть устной или письменной (печатной). Сфера общения - та или иная область человеческой практики, где возможна коммуникация на естественном языке (наука, религия, политика, военное дело и др.)

2. Типом коммуникативной ситуации может быть назван и такой феномен, как дискуссия. В качестве исходного определения дискуссии предлагается следующее: "публичное обсуждение какого-либо спорного вопроса, проблемы на собрании, в печати, в беседе". Из определения следует допустимость дискуссии в большинстве сфер общения - повсюду, где возможно использование печати, проведение бесед и собраний.

3. Структура дискуссии предполагает выделение таких уровней, как субъектный, интерсубъектный, интраперсональный, контенсивный (содержательный), нормативный, телеологический (целевой), каузальный (причинный), результативный, вещный (фоновый), текстовый (вербальный) или интегральный.

Текстовый уровень составляет речевая продукция участников дискуссии, их реплики ("репликой" в дискуссии может быть и целая научная монография). Этот уровень назван интегральным, поскольку в тексте явно или неявно представлены все остальные структурные уровни.

На субъектном уровне выделяются субъекты "первого порядка", без которых невозможно возникновение и протекание дискуссии, - пропоненты, оппоненты, и субъекты "второго порядка", наличие которых факультативно, - аудитория, ведущие (председательствующие), жюри (авторитеты). Средствами текстовой экспликации субъектов являются, например, обращения, формы лица.

Компоненты интерсубъектного уровня включают релевантные для дискуссии межличностные взаимодействия. На них указывают глаголы убедить, переубедить, разубедить (кого-либо); доказать (кому-либо); заставить изменить (чье-либо мнение).

Интраперсональный уровень включает, во-первых, активизированные в дискуссии компоненты эмоционально-волевой сферы индивида (намерения, желания, стремления, эмоциональные оценки), и, во-вторых, активизированные компоненты когнитивной сферы (пресуппозиции, знания, стратегии умственной деятельности).

Контенсивный уровень включает обсуждаемую проблему в ее отношении к сфере общения.

Нормативный уровень составляют принятые в данном социуме нормы ведения дискуссии (в первую очередь, нормы употребления языка), являющиеся частью общих норм речевой коммуникации в социуме.

Целевой уровень составляет то, к чему надо прийти - обоснование новой теории, разработка оптимального политического курса и т.д.

Подчинены целевому причинный и результативный уровни. Первый составляют конкретные пункты разногласий, из-за которых возникла дискуссия. Второй образуют действительные результаты дискуссии, которые совпадают или не совпадают с целями. Результаты, как правило, получают оценку в резюме, но могут и вовсе не формулироваться в текстовом корпусе данной дискуссии.

Вещный (фоновый) уровень составляет релевантная для дискуссии обстановка ее протекания (университетская аудитория, зал заседаний Верховного Совета, страницы научного журнала).

В. Б. Иванова

Норма и вариантность в орфографии

В языкознании различают норму (общепринятое употребление языковых единиц) и кодификацию (правила их употребления, зафиксированные в словарях и грамматиках). Это несовпадающие понятия. Однако для орфографии было сделано исключение: "...особую сферу представляет собой правописание, где норма и кодификация тождественны, где нормой является то, что кодифицировано" (В.А.Ицкович, 1970). Это утверждение может показаться правильным, поскольку при орфографическом оформлении текстовых единиц, на первый взгляд, невозможны варианты: правила и словари их "уничтожают", диктуя якобы строгий выбор. Но специальное изучение орфографических вопросов показывает, что и в орфографии проблема вариантности существует, причём она многоаспектна и чрезвычайно актуальна в практическом отношении.

Впервые о правомерности постановки вопроса об орфографических вариантах сказала О.С.Ахманова (1957), но только в 1981 г. появилась обстоятельная работа Б.З.Букчиной, в которой были раскрыты причины возникновения орфографической вариантности и показано различие языковых и орфографических вариантов. Очень важен практический вывод автора: "Четкое отграничение орфографических вариантов от языковых дает возможность унифицировать варьирующиеся написания, не обязательно связывая такие изменения с орфографической реформой".

Исследования по фонетико-орфографическому освоению заимствованных слов (как из западноевропейских языков, так и из языков народов СССР) показали, что орфографическая вариантность неизбежно сопутствует процессу их адаптации в русском языке (М.У.Картоев, 1982; Г.Г.Тимофеева, 1985; М.Н.Джумартова, 1988 и нек.др.). Это позволило Картоеву утверждать, что "нормой может быть не только однозначное написание, но и вариантность".

В нашем докладе очерчены современные зоны сильного и слабого орфографического варьирования, а также определены границы приемлемости и неприемлемости орфографических вариантов.

Л.И.Игнатьева

ОСОБЕННОСТИ ВАРИАНТНОСТИ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ И СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В УСЛОВИЯХ ЛАТЫШСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Взаимодействие вариантов словосочетаний и сложносокращенных слов в условиях латышско-русского двуязычия образует напряженную зону вариантности со специфическим материальным составом. В самой частотной зоне и нарастающей фазе вариантности находятся следующие группы вариантов:

I. интерфронт - интернациональный фронт, госприемка - государственная приемка и др.

2. стереоколонки - стереофонические колонки, велогонки - велосипедные гонки и др.

В отличие от собственно аббревиации образование сложносокращенных слов типа interfronts характеризуется в латышском языке достаточной продуктивностью и регулярностью. Общий для двух контактирующих языков тип варьирования нормы не предполагает полного соответствия в лексическом составе вариантов. Русские сокращения могут соотноситься с синтетическими построениями в латышском языке, где в роли определителя выступает форма родительного падежа существительного: запчасти - rezerves dalas , зарплата - darba alga , спортплощадка - sporta laukums и др. В свою очередь латышские сложносокращенные слова переводятся русскими сочетаниями из склоняемых слов: dežurbibliografs - дежурный библиограф, mācībspēki - преподаватели вуза, vizītkarte - визитная карточка и др. Подобные расхождения необходимо учитывать при составлении двуязычных словарей и в практике перевода.

Также важно иметь в виду, что в результате интерференции в контактирующих языках могут возникать нежелательные отступления от литературной нормы. Так, в русском языке на территории Латвии появились местные варианты: молпродукты, драгметаллы, которые должны квалифицироваться как ошибочные, отклоняющиеся от существующих норм литературного языка.

О.С.Иссерс

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА "ТРУДНОСТИ УДАРЕНИЯ"

Массовое лингвистическое просвещение предполагает издание словарей различных типов, адресованных массовому читателю. Активизация различных жанров устной публичной речи, особенно в годы перестройки, заставила многих более серьезно подходить к контролю за правильностью устной речи, корректировать собственную речь в соответствии с орфоэпическими нормами. Как показал проведенный нами опрос, отрицательную реакцию у слушателей вызывает не столько нарушение норм произношения, сколько норм ударения. В связи с этим представляется актуальным издание общедоступного словаря-справочника "Трудности ударения", предназначенного для широких кругов читателя.

В отличие от "Орфоэпического словаря русского языка" (М., 1983), этот словарь должен включать только те языковые факты, которые нуждаются в оценке с точки зрения правильности или неправильности. Это могут быть факты быть факты двух типов: а) акцентные варианты, встречающиеся в современной русской речи; б) слова или словоформы, акцентуация которых может вызвать затруднения у говорящих.

За основу словника нового словаря берется сокращенный словник "Орфоэпического словаря русского языка". Сокращение должно коснуться, в первую очередь, редких слов, терминологической и специальной лексики. В то же время словник должен быть расширен за счет слецующих групп слов:

а) частотных новообразований, зафиксированных в бюллетенях "Новое в русской лексике", словарях-справочниках "Новые слова и значения", ударение которых неоднозначно опредеяется их письменным обликом;

б) вариантов, извлеченных автором из поэтических текстов 70-80 гг. или услышанных в живой речи, которые не зафиксированы ни одним из нормативных словарей;

в) устарелых и устаревающих вариантов ударения, которые встречаются в поэтических произведениях XVII-XX вв., включенных

в школьную программу (одна из целей авторов словаря – помочь учителю сделать орфоэпический комментарий на уроке);

г) небольшого количества слов, еще не вошедших в литературный язык, в частности, из молодежного жаргона, которые отражают основные тенденции в развитии русского ударения.

Существенная роль в словаре отводится иллюстрированию. Цитаты из поэтических текстов должны использоваться, как правило, при исторической справке, так как предполагается включить в словарь значительное количество слов с устарелым ударением, которое может вызвать недоумение у непросвещенного читателя.

Новый словарь должен стать общедоступным справочником, в котором можно найти ответы на конкретные вопросы о правильном ударении отдельных слов, он должен занять свое место среди других словарей нормативного типа, адресованных массовому читателю.

Л.П.Калакуцкая

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В НОРМАТИВНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СЛОВАРЕЙ РАЗНЫХ ТИПОВ

I. Политическая жизнь общества естественно проявляется в его сознании и самосознании. Языковое сознание непрямым образом связано с социальным сознанием народа.

2. Языковое сознание народа определяет реализацию всех сфер языковой деятельности, частью которой являются словари.

3. Специфические черты словарей XX века. Их отличие от словарей предшествующей эпохи.

4. Нормативная ориентация словарей второй половины XX века; ее характерные особенности.

М.И.Кадеева

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЗАЦИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ : НОРМАТИВНАЯ ОЦЕНКА ГРУППЫ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ *pluralia tantum*

В основе всех трансформаций языковых уровней лежит вариативная природа языка и относительная индифферентность лингвистического знака по отношению к означаемому. В силу того, что все изменения языковых единиц происходят лишь в процессе функционирования языка, наиболее плодотворным для выявления динамики развития языка представляется нормативное изучение вариативности в современных языках, доступных для всестороннего социолингвистического исследования. Наблюдение за механизмом варьирования знаковых средств в коммуникативной практике социально паспортизированных носителей литературного практике социально паспортизированных носителей литературного языка подводит к адекватному пониманию не только языковой нормы (А.Едличка), но и основного принципа развития современного языка.

Универсальным законом развития языка является постоянное стремление языкового коллектива к разрешению противоречия между объективной необходимостью иметь унифицированную и кодифицированную систему знаковых средств в целях коммуникации и неизбежным со стороны референтов варьированием языковых номинаций. В связи с этим весьма актуальным представляется перенесение акцента в нормативном исследовании на выявление причин и определение суммы экстра- и интралингвистических маркированностей, генерирующих выбор убедительных основ культурно-регулятивной деятельности в современных языках. При изучении вариативных единиц особенно плодотворным может стать метод анкетирования, представляющий эффективное диагностирующее средство для квалифицированных суждений о норме, поиска объективных критериев нормативности и отбора конкретных реализаций варьирующихся единиц, которые репрезентируют грамматический уровень языковой деятельности.

Между тем роль социолингвистического исследования как важного источника первичной информации, необходимой для теоретического знания и решения широкого круга практических проблем нормализации языка, обусловливается постоянным вниманием к вопросам дальнейшего совершенствования его методического обеспечения. Одним из важнейших средств, повышающих эффектив-

ность нормативного исследования, является автоматизация информационной деятельности на базе современных ЭВМ.

Средства вычислительной техники выступают в качестве орудия научного исследования, и их использование подчиняется целям и задачам данного исследования. С этой точки зрения представленная работа ставит целью на примере небольшого социолингвистического эксперимента нормативного характера рассмотреть один из возможных и доступных способов представления и статистической обработки фрагмента существительных группы потенциальных *pluralia tantum* с применением метода компьютерной обработки анкетных данных.

Исследование проводилось на ЭВМ БЭСМ-6; компьютерная обработка выборки реализовывалась на машинном языке Фортран. Единицей представления социолингвистической информации, выраженной в форме массива однородных описаний, выступил заполненный информантом вопросник, содержащий более 70 проверяемых позиций специфических случаев варьирования грамматических форм числа, рода и падежа потенциальных *pluralia tantum*. Программа компьютерной обработки первичных данных, полученных с помощью закодированных информантами вопросников, позволила сделать процесс выработки нормативных критериев функционирования вариантов в группе потенциальных *pluralia tantum* предельно наглядным для исследования релевантности коррелятов по шкале "употребительное"/"малоупотребительное"/"неупотребительное".

Практическое значение имеют разработанные алгоритмы программ, направленные на выявление статистически устойчивых характеристик потенциальных *pluralia tantum*. Реализация методики составления и механизированной обработки анкетных данных обеспечит возможность ее применения в аналогичных исследованиях по вариативности и норме, использующих компьютерные средства с целью дальнейшего теоретического осмысления наиболее существенных закономерностей развития литературного языка.

Предлагаемые наблюдения и выводы представляют, несомненно, ценный и объективно интерпретируемый материал и для последующих нормативных рекомендаций в научных пособиях по культуре речи в целях кодификации новых литературных норм, складывающихся в современной языковой коммуникации.

М.Ю.Канакова

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ КАЧЕСТВ РЕЧИ

Само понятие качества в учении о речевой культуре до сих пор не терминологизировано. Современные исследователи теории качеств /Б.Н.Головин, М.И.Ильяш/ выходят за пределы собственно лингвистики, рассматривая системные отношения речи с неречевыми структурами. При этом им неизбежно приходится методологически обсуждать ситуацию общения /"коммуникативный круг" по терминологии Б.Н.Головина/ и проблематику, связанную с участием в этой ситуации двух сознаний - автора речи и её адресата. Из данной постановки проблемы следует, что наука о речевой культуре неизбежно должна соотноситься с герменевтикой и разрабатывать теорию качеств речи, учитывая закономерности процессов слушания и понимания. Но, понимая необходимость выхода за пределы собственно лингвистики и риторики при обсуждении качеств "хорошей" речи, необходимо всё же определить и зафиксировать сферу влияния и полномочия культуры речи в сложном комплексе обсуждаемых проблем.

На другой аспект теории качеств речи обращает внимание В.В. Одинцов, делая важное наблюдение о положительной или отрицательной оценке отдельных качеств речи в зависимости от условий коммуникации. Следующим шагом в этом направлении могло бы быть разделение качеств речи на обязательные, необходимые в любом тексте, независимо от его стилистической окраски /к их числу, скорее всего, следовало бы отнести правильность, чистоту и уместность/ и необязательные, обусловленные стилистической принадлежностью текста, условиями общения и пр.

Б.Н.Головин. Основы культуры речи. М.: Наука, 1980.

В.В.Одинцов. Качества речи и структура текста. - Филологические науки. - 1979. - № 4.

М.В.Китайгородская

К ПРОБЛЕМЕ НОРМ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Факты устной речи традиционно используются в качестве одного из источников при изучении норм литературного языка. Важна их роль для определения динамики нормы. Однако исследование самого феномена устной речи в нормативном аспекте пока не осуществлено.

При разработке методов исследования норм устной речи принципиально важным является признание ее неоднородности. В русской языковой ситуации устная городская речь включает устный кодифицированный литературный язык (КЛЯ), литературную разговорную речь (РР) и городское просторечие, т.е. речь городских жителей, недостаточно владеющих нормами литературного языка. Применение понятия нормы к каждой из названных языковых формаций специфично. Так, нормы РР (в отличие от КЛЯ) имеют некодифицированный характер.

Исследование устной речи как вербального компонента акта коммуникации выдвигает задачу комплексного изучения разных типов норм, формирующих в своей совокупности нормы того или иного вида речевой коммуникации. Так, наряду с описанием норм отдельных языковых уровней важным представляется изучение норм, определяющих строение текста в разных функционально-коммуникативных сферах, норм коммуникативного и речевого поведения, функционально-стилистических и жанровых норм.

Изучение устной коммуникации в аспекте проблем культуры речи предполагает, как кажется, в качестве одной из задач сопоставление типов некодифицированной устной речи, противопоставленных по признаку литературности/нелитературности – РР и просторечия. Выявление разных видов отклонений от литературной нормы и механизма "правильной" коммуникации, наблюдаемых в просторечии (в частности, при построении текста, что приводит к разнообразным нарушениям его структурной и семантической связности), помогает эксплицировать нормы РР. В свою очередь, описание специфических качеств просторечного текста потребовало соотнесения рассматриваемых явлений с некоторыми общими тенденциями спонтанного устного общения, изученными на базе РР.

Клопова Е.С.

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА И "ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ"

1. В последнее время объектом пристального внимания лингвистики стал язык средств массовой информации, дающий большой, интересный материал для теоретического изучения и осмысления тенденций развития русского языка. Фактом является сильнейшее воздействие радио и телевидения на речевую культуру общества. Однако, если раньше речь радио и телевидения считалась эталоном, то теперь это утверждение теряет силу. Звучащие тексты имеют разный характер: одни по структуре тождественны письменному, другие являются по сути спонтанной разговорной речью, третьи совмещают в себе признаки как первых, так и вторых. При этом доля текстов первого типа значительно сократилась, доля вторых – значительно возросла. Такое изменение позволило увидеть реальное состояние речевой культуры общества и сделать вывод о дестабилизации существующих на данном этапе норм русской речи.

2. Современный человек живет в новой речевой среде, и именно с этих позиций нужно подходить к вопросам культуры речи. Новый этап речевой практики характеризуется расширением роли языка публицистики, тесно связанного со спонтанной речью. В нем происходят бурные и быстрые процессы, и по языковым новациям публицистические тексты явно оттесняют художественные. Сильное положительное и отрицательное влияние публицистики на литературные нормы приводит к расшатыванию последних.

3. В этой связи необходимо поставить вопрос о высокой степени ответственности журналистов за состояние языка в целом и речевой культуры в частности. Накопленный значительный материал (факты грубого нарушения языковых норм) позволяет утверждать, что журналисты-практики без должного внимания относятся к своей речи и не осознают исключительно сильного ее воздействия на общество. Кроме того, требуется серьезная, целенаправленная лингвистическая подготовка журналистов, отсутствие которой приводит к публикациям, носящим явно некомпетентный

характер.

4.Нарушение литературных норм наблюдается во всех социальных слоях нашего общества. Возникает вопрос: какова роль лингвиста в данной ситуации? С одной стороны, он подходит к данным нарушениям как к объекту изучения (и в этом смысле он плохой борец за чистоту и правильность речи); с другой стороны, ему приходится вступать на путь массового лингвистического просвещения. Последнее - крайне трудная работа, так как языковая неграмотность в обществе приобрела громадные размеры. В этой ситуации одной из актуальнейших, на наш взгляд, задач является задача не только пропаганды правильной русской речи и организация конкретных рекомендаций, но и разъяснение сути лингвистики как науки.

5.В"бытовом сознании" масс лингвистика часто не отделяется от самого языка как объекта исследования, отождествляется с ним, а лингвисты воспринимаются как создающие, строящие язык, а то и сознательно усложняющие его. Современная школьная методика только способствует распространению и укреплению такого представления. Лишь на основе ликвидации искаженного представления о лингвистике как науке можно заниматься массовым просвещением в области культуры речи.

В качестве иллюстрации данного положения можно привести понятие "норма". Трудно сформировать в сознании людей необходимость соблюдать те или иные речевые нормы, если они воспринимаются как навязываемые каким-то определенным лицом или группой лиц и тем более - если они еще и не соответствуют речевому опыту говорящего("почему так неправильно, ведь все так говорят").

6.С другой стороны, поиск во всех сферах жизни только практической выгоды (пользы) привел к нивелировке многих нематериальных ценностей, в том числе слова. В обществе прочно укоренилось невнимание и даже безразличие к качеству речи, и это уже более общая проблема - проблема утраты культурно-нравственных связей.

Е.В. Клюев

КУЛЬТУРА РЕЧИ И ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ

I. Лингвистические дисциплины, приобретающие в последнее время все большую популярность /лингвистическая прагматика, теория речевых актов и др./, позволяют по-новому взглянуть на некоторые традиционные вопросы культуры речи - в частности, на вопрос об успешности речевого акта.

2. Успешность речевого акта, как известно, обеспечивается сбалансированностью его компонентов /адресант - контакт - код - референт - адресат/ при общих для участников коммуникации прагматических знаниях о представлениях и действиях; знаниях о предметной области; знаниях о языке; перцептивных знаниях; знаниях о дискурсе; иерархических знаниях; знаниях проб и ошибок /Б.А. Гудман/.

Объектом нашего исследования являются"знания о предметной области"/знания о референтах/, фиксируемые в речевых структурах, в связи с вопросами культуры речи.

3. Одним из показателей культуры речи допустимо считать точное референцирование, избавляющее партнеров по речевому акту от коммуникативных неудач - в частности, от длительного и часто безуспешного поиска референта.

4. Однако наиболее распространенные в некоторых коммуникативных ситуациях речевые структуры как правило лишь дезориентируют адресата. Таковы, например, "единодушное одобрение", "всенародное обсуждение", "всесоюзная линейка" /в силу чрезмерной широты, а стало быть и неопределенности, расплывчатости референта/; "с полной отдачей сил", "с чувством глубокого удовлетворения", "неустанная борьба" /в силу гипертрофированности, а стало быть и неправдоподобности признаков референта/; "светлое будущее", "уверенная поступь", "социалистическая сохранность" /в силу проблематичности, а стало быть и сомнительности признаков референта/ и др.

5. По всей вероятности, недоброкачественность стереотипных речевых конструкций с позиций адресата объясняется именно тем, что они неспособны обеспечить точное референцирование, а значит в конечном счете и коммуникативную состоятельность речевого акта.

6. Употребление стереотипа ведет, таким образом, к смещению референта, к подмене одного референта другим, который – по причине очевидной своей непригодности для данной коммуникативной ситуации – заведомо не устраивает адресата. В результате высказывание и вовсе перестает соотноситься с первичной экстенсиональной действительностью.

7. Следствием, вытекающим из /6/, является безотносительность стереотипа к характеру контекста, в котором он употребляется, что, в свою очередь, превращает его в средство чрезвычайно широкого функционирования, провоцируя тем самым фатические высказывания.

8. Такое словоупотребление сродни традиционно-образному /метафорическому/ словоупотреблению, когда за словом /словосочетанием/ закрепляется некоторое условное значение, часто не поддающееся точной лингвистической квалификации из-за неопределенности референта, с которым оно реально соотнесено, и как бы поддерживающееся "молчаливой договоренностью" коммуникантов. Ср. словосочетания типа "советский народ", "социалистический лагерь", "страны народной демократии", "социалистический реализм", "буржуазная пресса", "народный художник СССР"и др. под.

9. Очевидно, что подобные речевые конструкции свидетельствуют о разобщении "предметного мира" и "вербального мира", причем разобщение это становится все более ощутимым. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что современный человек проживает две жизни, одну в мире предметном, другую – в вербальном, и жизни эти могут не иметь между собой ничего общего или, по крайней мере, обнаруживают весьма значительные расхождения. И одной из основных проблем специалистов в области культуры речи становится при таком положении дел не столько проблема совершенствования фактуры, материи высказывания, сколько проблема отлаживания механизма взаимодействия предметного мира, с одной стороны, и вербального мира, с другой.

10. На пути решения этой проблемы в качестве одной из главных задач стоит задача создания русскоязычного Словаря речевых стереотипов /данный жанр давно уже представлен в лексикографической практике крупных стран/, попадающих в группу явлений, остроумно названных Д.Дидро "общественными идиотизмами".

Т.С.Коготкова (д.ф.н.)

ДИАЛЕКТНЫЙ СУБСТРАТ И ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Ведущие подсистемы национального русского языка – литературно-нормализованный и диалекты – являются основными антогонистами в нормативно-кодификационном аспекте.

2. Взаимодействие литературно-нормализованного языка и диалектов идет постоянно. Результаты процессов взаимодействия проявляются как в литературном языке (идет его дальнейшая диалектизация), так и в диалектах, подвергающихся последовательному и фронтальному олитературиванию.

3. Хотя результаты этих встречных процессов противоречивы в нормативно-кодификационном плане, они неизбежны, ибо обусловлены как структурно-языковой близостью литературного языка и говоров, так и внеязыковыми предпосылками в жизни сегодняшнего города и деревни.

4. Если посмотреть на оценку диалектного субстрата в речи так называемых носителей литературного языка в историческом разрезе,то следует признать изменчивость социолингвистических взглядов на диалектный субстрат. Автор предполагает в своем выступлении развернуть свои наблюдения по этому вопросу.

5. В языковой жизни общества бывают периоды, когда перевес обретают то одни (нормализующие) процессы и изменения, то другие – денормализующие. Лингвисты-нормализаторы и специалисты по культуре речи должны быть готовы к тому, что денормализующие явления могут оказаться превалирующими. Наше время всеобщей технизации жизни и головокружительными темпами, подчиняющими человека науке и технике, угрожающими превратить его в придаток машине, может породить подобные опасения. Сам характер общения людей все больше и больше становится прагматическим, а речь, наполняющая его – деловой, функционально-направленной. Все это, обедняя и стандартизируя речь в целом, ослабляет внимание к ней как в обществе в целом, так и у личности отдельно. В этих условиях как бы само собой снимается молчаливый запрет на многочисленные ненормативные отступления в речи, в том числе и диалектные не только в обыденной, но и в публичной речи широких масс. Запрет, имевший немалую силу и общественное осуждение в подобных ситуациях до последнего времени.

ИРЯ
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

А.Н.Кожин

О КОНСТЕКТУАЛЬНО СТИМУЛИРУЕМОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТИЛЕВОГО ПРОФИЛЯ ТЕКСТА

Стилистические свойства текста как упорядоченной последовательности единиц языка, обладающей смысловой законченностью и структурно-функциональным единством, – предмет научных исследований, и все же не удается приблизиться к обоснованной интерпретации не только типологии стилей, но и к единству в понимании системы функциональных разновидностей литературного языка.

За пределами функционально-стилевой дифференциации остается язык произведений, относимых условно к документальной прозе.

До сих пор не уделяется должное внимание изучению стилистических свойств контекстов.

Учитывая информативно-познавательные, эмоционально-оценочные, изобразительно-выразительные и иные нюансы содержательности контекста, можно с большим основанием квалифицировать стилевое своеобразие произведений, относимых к разряду документальной прозы.

Контексты документальной прозы специфичны. В них реализуются концепты информативности, оценочности, побудительности, эстетической значимости, но вместе с тем есть нечто свое, – эффект объяснения, толкования и обоснования достоверности, истинности описываемого.

Средства литературного языка несколько по-иному втягиваются в контекстуально стимулируемую ориентацию стилевого профиля текста. Это находит выражение в тех особенностях, которые свойственны употреблению различных групп лексики, грамматических построений, а также свойственны отношению к литературной норме.

Стилевой профиль документальной прозы стимулируется стилевой значимостью контекстов: описательно-характеризующих, описательно-квалифицирующих, описательно-обосновывающих, описательно-разъясняющих, познавательно-повествующих, познавательно-рассуждающих и пр.

М.Н.Кожина

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

I. В настоящее время, когда в языкознании произошла смена парадигмы от структурного изучения языка к функциональному (что восполняет одностороннее изучение сущности языка), совершенно очевидна недостаточность традиционного подхода к культуре речи как научной дисциплине, изучающей и описывающей нормы языковых единиц дотекстовых уровней. Все более актуальным становится – наряду с описанием последних – определение норм контекстуального характера, иначе текстовых, свойственных различным группам текстов, в том числе соотносимых с тем или иным функциональным стилем, жанром, формой речи и т.д.

2. Развитие функциональной лингвистики и, в частности, функциональной стилистики, накопившей уже значительный (хотя еще далекий от полноты) материал, позволяет начать его обобщение и описание под углом зрения нормализации русского литературного языка, в частности, его функционально-стилевых норм. Это, кстати, обеспечит более глубокое и последовательное проведение коммуникативно-функционального принципа в процессе обучения русскому языку (как родному и как иностранному).

3. Различным сферам общения (соответственно разновидностям текстов) свойственна неодинаковая степень жесткости функционально-стилевых норм, а отсюда актуальности их регламентации в современном языке. Например, в меньшей мере это касается художественной речи, в большей – газетной (или – шире – публицистической), научной, официально-деловой; но при этом следует учесть, что публицистическая чрезвычайно вариативна, а деловая мало еще изучена в функционально-стилевом отношении. Поэтому мы остановимся на характеристике общих подходов к описанию функционально-стилевых норм, их конкретизации и иллюстративном материале применительно к разновидностям научных текстов, исходя из языкового воплощения в научной речи стилевых черт, обусловленных задачами общения и достижением эффективности последнего.

М.А. Королёва

О ПОНЯТИИ РЕЧЕВОЙ ОШИБКИ

Уточнение таких понятий, как "оговорка", "речевая ошибка", выяснение их соотношения, а также осознание того, насколько многообразны и различны по своему происхождению явления, традиционно называемые речевыми ошибками, чрезвычайно актуально как для теории культуры речи, так и в прикладном плане, т.к. адекватная оценка того или иного "отклонения от правильности" должна основываться на понимании его природы.

На примерах различного рода нарушений в речи дикторов, комментаторов, корреспондентов Всесоюзного радио показано отличие речевых ошибок, связанных с недостаточным владением системой норм как литературного языка, так и разговорной речи, от оговорок как непреднамеренного, неосознанного отклонения от речевой интенции говорящего.

Предлагается считать понятие "речевая ошибка" более общим, а оговорки рассматривать как одну из разновидностей речевых ошибок. Такое представление предполагает, что к речевым ошибкам будут отнесены речевые нарушения, связанные с недостаточным владением системой и нормой родного языка (как детьми, так и взрослыми носителями языка), ошибки, возникающие при обучении неродному языку. Уточняется, что понятие "оговорка" целесообразно было бы применять по отношению к непреднамеренным ошибкам в речи людей, вполне владеющих системой норм, и непреднамеренным же искажениям текста-эталона при воспроизведении (например, при чтении текста диктором). Аналогами оговорок как непреднамеренных отклонений от речевой интенции субъекта в письменной речи, при наборе и машинописи являются описка, опечатка.

Дается следующее определение оговорки.

О г о в о р к а (опечатка, описка) - это непреднамеренное отклонение говорящего (воспроизводящего текст субъекта) от его речевой интенции, приводящее к:

1) нарушениям объективных законов языковой системы и нормы, или
2) отраженным в речи нарушениям объективных законов внеязыковой действительности, или
3) искажениям текста-эталона.

Е.И.Коряковцева

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОВ НА -ИЗАЦИЯ И НОРМА В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ

Известно, что словообразовательная норма должна исследоваться на словообразовательных неологизмах, порожденных языком анализируемого периода. При этом описание структуры новых производных слов окажется описанием словообразовательного аппарата, работающего на норму.[1] В этом аспекте интересно проанализировать влияние процессов образования терминов с формантом -изация на норму в словообразовании имен действия. Такой нормой считается отглагольное образование имен действия, поскольку процессуальное значение является вторичным для существительных.

Анализ новых терминов на -изация, проникших в литературный русский язык и потому зафиксированных словарями новых слов, показал, что подавляющее большинство этих терминов (61 из 109) не соотносится с глаголами. Они образованы либо по адъективной (13: визуализация, гидрофобизация и др.), либо по субстантивной модели (43: алгоритмизация, лиризация, контейнеризация и др.). Из 48 терминов на -изация, соотносительных с глаголами, 26 могут быть также соотнесены либо с прилагательными (абсолютизация, синхронизация и др.), либо с существительными (индексация, кибернетизация, компьютеризация и др.). Мотивация же однокоренными глаголами затушевывает в терминах на -изация их внутреннюю форму.[2] Это противоречит общей тенденции к согласованию внешней формы термина с его семантической структурой. Действие данной тенденции в микросистеме терминов на -изация приводит к переразложению основ и образованию вторичного протяженного суффикса -изация. В результате стало возможным стабильное отыменное образование терминов на -изация, обозначающих процесс.[3]

Постоянная социальная потребность в терминах этого типа, появляющихся как отступление от сформировавшегося в русском языке словообразовательного отношения " глагол → имя действия", обусловливает продуктивность словообразовательных моделей "основа прилагательного + -изация", " основа существительного + -изация" в литературном русском языке 80-х годов XX века. Об этом свидетельствует регулярное появление новообразований

типа мафиизация, сталинизация, японизация в языке прессы (см. Известия от 9 февраля 1989 г.).

Интересно отметить, что за вторичным протяженным суффиксом -изация закрепляются те же значения, что и за глагольными суффиксами -ировать/-изировать/-изовать: " наделять признаками того, что названо мотивирующим прилагательным", " использовать то, что названо мотивирующим существительным","действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным".

Рассматривая влияние процессов образования терминов с формантом -изация на норму в словообразовании имен действия в современном русском литературном языке , необходимо признать, что ее реальной базой являются также словообразовательные модели, нарушающие установившуюся словообразовательную закономерность " глагол → имя действия".[4]

Примечания

I. См.: Миськевич Г.И. К вопросу о норме в словообразовании. – В кн.: Грамматика и норма. М., 1977, с.42, 47.

2. Не случайно даже при трактовке данных терминов как отглагольных они толкуются исследователями через однокоренные имена существительные и прилагательные, например: "снабжение,оборудование тем, что названо именной частью производящей основы" (см.: Даниленко В.П. Русская терминология. М.,1977,с.145).

3. Отыменное образование терминов на -изация характерно и для современного чешского языка (см.: Martinec O. Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Praha , 1983,с.78). Образование терминов на -ция от имен отмечается и в позднелатинском языке (см.: Синица В.Г. Латинские термины с именным суффиксом -tio . Автореферат диссер. канд. филол. наук. Тбилиси, 1985,с.10).

4. Понятие нормы в динамическом аспекте включает в себя с обязательностью " постоянное в процессе живой коммуникации порождение языковых фактов, ориентированных одновременно на систему и на реальный образец"(Скворцов Л.И. Норма.Литературный язык. Культура речи.– В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970,с.53).

М.П.Котюрова
Пермский университет

СТИЛИСТИКА И КУЛЬТУРА НАУЧНОЙ РЕЧИ

Можно считать общепринятым, что предметом функциональной стилистики является функционирование языка[1], а именно ф у н к ц и о н а л ь н ы е с и с т е м ы , формирующиеся на конкретных экстралингвистических основаниях; эти речевые системы реализуются в определенных типах текстов. На принятом уровне обобщения текстов и стилистической абстракции функциональными системами являются функциональные стили.

I. Функционально-стилистическая теория располагает широкими возможностями для определения исходных посылок на разных уровнях о б ъ я с н е н и я функционирования языка в целом или отдельных его единиц и категорий. Наиболее адекватное изучение речи (как отдельных языковых явлений в ней, так и – особенно – текста в целом) возможно лишь при учете методологической роли теоретических положений об экстралингвистической основе речи. Исследование функционирования языка в научной сфере деятельности предполагает обращение к экстралингвистической основе, понимаемой как комплекс стилеобразующих экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на формирование системы научного текста с определенной структурой, экспликация которой осуществляется посредством языковых единиц всех уровней, рассматриваемых при этом с позиций динамики текста (динамика текста соотносится нами с фиксацией речемыслительного и коммуникативного процессов). Путь изучения функционального аспекта языка от экстралингвистической основы к речи (тексту) подтверждает глубокую внутреннюю обусловленность лингвостилистических особенностей научных текстов экстралингвистическими факторами.

2. Функциональный подход к изучению научной речи (текста) конкретизуется как деятельностный, учитывающий познавательно-коммуникативную деятельность субъекта по отношению к объекту познания[2]. Помимо основных, базовых, экстралингвистических факторов (форма общественного сознания, вид деятельности, тип мышления), в минимальный комплекс экстралингвистических факторов, соответственно, входит ряд частных, конкретизирующих базовые

и детерминирующих формирование типа текстов. Типовое содержание научных текстов обусловлено научно-познавательной деятельностью ученого, поэтому базовые факторы связаны с теми, которые объединены: 1) субъектом познавательно-коммуникативной деятельности и 2) объектом познания, понимаемым как продукт познавательной деятельности, то есть знание, в целях лингвистического анализа языковой стороны его выражения структурированное в соответствии с его природой – в динамике.

3. В связи со сказанным предметом культуры научной речи можно считать (что известно из литературы[3]) как нормативность языковых явлений в научных текстах, причем не только в синхронии, но и в диахронии, так и нормативность целого текста, выражающего движение знания от проблемы к ее противоположности – аргументированному знанию. Знание изменяется от недостоверных (гипотетических) утверждений к достоверным (в той или иной мере), благодаря чему оно поднимается на новую ступень. Это изменение эксплицируется в тексте, поэтому содержание предстает перед читателем как научное знание с присущими ему познавательными характеристиками.

Надо сказать, что изучение целого текста в рамках стилистики научной речи представлено весьма немногочисленными исследованиями, тем не менее на базе полученных результатов могут решаться некоторые актуальные культурно-речевые проблемы формирования (порождения) целого научного текста и – шире – текста целого научного произведения (того или иного жанра, теоретической или эмпирической направленности содержания и т.д.).

---

[1] См., например, статьи А.Н.Кожина "О границах стилистики русского языка", О.Б.Сиротининой "Стилистика как наука о функционировании языка", М.Н.Кожиной "Язык и стиль в функциональном аспекте (к определению предмета и структуры стилистики)"// Основные понятия и категории лингвостилистики. – Пермь, 1982 и др.

[2] См. об этом: Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). – Красноярск, 1988.

[3] См., например: Разинкина Н.М. О понятии языковой нормы применительно к функциональному стилю // Основные понятия и категории лингвостилистики. – Пермь, 1982, с.98-102.

Н.Н.Кохтев

НОРМЫ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ И СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫЕ СВЯЗИ В НЕЙ

Культура ораторской речи предполагает наличие многоуровневых норм: речевой нормы, стилевой нормы, композиционной нормы. Речевая (литературная) норма – наиболее распространенные, принятые в практике образцового использования и регламентированные правилами произносительные, лексические, морфологические, синтаксические варианты.

Стилевая норма ораторской речи – использование и рациональное соотношение в речи элементов системы различных функциональных стилей и изобразительно-выразительных средств, ведущее к стилистической однородности текста, богатству речи, точности выражения, с целью оптимальной передачи информации и воздействия на слушателей. Выделяемые роды ораторской речи (социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, церковно-богословское красноречие) в разной степени связаны с функциональными стилями, поскольку ораторская речь – речь подготовленная, и оратор, как правило, пользуется при подготовке различными книжно-письменными источниками.

Композиционная норма ораторской речи – системное использование смысловых структур в целях наиболее оптимального развертывания воздействующего изложения. Ораторскую речь характеризует смысловая и стилистическая целостность, структурная завершенность и единство, структурная и семантическая связанность компонентов. Композиция ораторской речи – это закономерная, мотивированная содержанием и замыслом организация материала, целесообразное соотношение, взаимная согласованность и расположение в определенной системе структурно-смысловых частей. Типы композиции, ее пятичастное деление, явление смыслового развертывания и свертывания композиции. Интеграция речи, способы достижения интеграции речи, имплицитное и эксплицитное выражение интегрирующих элементов, способы их организации, их связи и соотнесенности. Композиционная роль семантико-риторических структур в разных видах ораторской речи.

Л.В.Красильникова

О КОММУНИКАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ.

В тексте рецензии присутствие автора обнаруживают следующие характеристики: I)референциальные значения, связанные с актом коммуникации, в котором он является главным действующим лицом – личных (и притяжательных) местоимений, форм глаголов I-го лица, актуальных предикатов типа жаль, что 2) субъективно-оценочные слова и конструкции типа любопытно, небезынтересно, можно было бы высказать некоторые сомнения и относительно...,такая структура книги нам представляется вполне приемлемой; модальные слова с внутренней диалогичностью: всего, кстати, к сожалению(ср. Вежбицка I968) 3) стилистически окрашенные элементы, например, устно-разговорные, иногда заключаемые в кавычки, ср.:Немногие умеют разграничивать эти явления так "чисто", как это делает Ю.С.Сорокин, экспрессивно выделенные конструкции: риторические вопросы, восклицательные предложения: Речевые тексты просто великолепны!

Актуализация автора рецензии происходит, естественно, на фоне актуализации адресата рецензии. Чаще всего возникают два основных типа диалогических отношений: рецензент –читатель рецензии и/или книги–источника и рецензент – автор рецензируемой работы. Однако в рецензии может быть представлено(названо, упомянуто) несколько адресатов. Автор рецензии иногда обращается к лицам и организациям, связанным с производством книги, например к редактору, издателям или издательству.

Адресаты рецензии, если они специально не выделены, могут существовать и в виде обобщенного второго участника коммуникации.

Если создатели книги – прежде всего ее автор, а иногда и издатели – противопоставляются читателю вообще, то происходит объединение автора рецензии и читателей рецензии как читателей книги. Вследствие этого возникают употребления типа: Стоит читателю раскрыть Краткую литературную энциклопедию..., как мы...К ним примыкают формы повелительного инклюзивного. Эти формы содержат обращение автора рецензии к читателям с приглашением к совместному действию: Познакомимся с ..., Будем надеяться, что...

Одни части рецензии – с замечаниями, пожеланиями, рекомендациями – обращены непосредственно к автору книги. Автор первоисточника может быть назван: автор, составитель пособия, но обращение к нему происходит обычно не в прямой диалогической форме, а в косвенных формах. Например: Хотелось бы обратить внимание составителей пособия на некоторые неточности, В порядке обсуждения работы можно было бы выразить пожелание уточнить отдельные формулировки и положения. Некоторые типы косвенного вопроса также однозначно понимаются как адресованные к автору книги: В то же время хотелось бы получить ответ на вопрос о том, к какому разряду придаточных относятся предложения типа... Можно отметить в этой части многочисленные приемы смягчения категоричности.

Непосредственно к читателям рецензии относятся обращения, связанные с изложением содержания источника в соответствии с композицией работы. Например: Хочется обратить внимание читателей на второй раздел. Здесь же должны рассматриваться и все формы выделения, подчеркивания, акцентирования.

Языковыми средствами выражения направленности текста рецензии на читателя служат: I) опосредованные формы диалогичности с использованием безличных конструкций изъявительного и сослагательного наклонения, включающих обозначения "читатель, читатели"; 2) разнообразные вопросно-ответные комплексы(ср. Милевская I985); так рецензент часто спорит с автором книги, апеллируя к читателю: Может быть, здесь уместнее был бы термин "нейтральное число"?3) ссылки, сноски и другого рода добавочные указания4) пояснения, вставные конструкции, шрифтовые выделения, в том числе разрядка.

Вежбицка А.Наброски к русско-семантическому словарю- НТИ, сер,2,I968,№I2;Милевская Т.Е. Автореф. канд. дис. Л.,I985.

О.А.Крылова

ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ВЫСКАЗЫВАНИЕ И ЦЕЛОСТНЫЙ ТЕКСТ: КОММУНИКАТИВНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

I. Из античных риторик известна такая стилистическая фигура, как хиазм: х-образное расположение слов в соседних предложениях текста: "Упразднен ум, и мысль осиротела" /Ф.Тютчев/. В чём причина экспрессии текста, содержащего хиазм? Несмотря на давнюю традицию использования этого понятия и соответствующего термина, нет не только ответа на этот вопрос, но и сам вопрос даже не ставился.

2. Чтение вслух строк из стихотворения Н.Некрасова:

Поздняя осень. Грачи улетели.
Лес обнажился. Поля опустели. –

обнаруживает следующую интересную особенность этого текста: при одинаковом интонировании первого предложения, имеется возможность различного интонационного оформления всех остальных предложений, т.е. допустимо прочтение их и с ударением на подлежащем, и с ударением на сказуемом. Естественно, что за этими интонационными различиями стоят и содержательные. Но какие? И почему именно этот текст допускает такие варианты?

3. Для решения возникших вопросов необходимо обратиться к проблеме организации целостного текста и, в частности, выявить те отношения, которые существуют между его организацией и структурой отдельных предложений, его составляющих. Очевидно, что релевантными для описания структуры на текстовом уровне будут семантико-синтаксические и коммуникативно-синтаксические характеристики текста и составляющих его предложений-высказываний.

4. На материале функционально-стилистического типа речи "описание" выявлено два рода текстов: I/ такие, где имеется общее коммуникативное задание и общая семантика, а частные коммуникативные задания и семантика отдельных предложений-высказываний полностью им соответствуют. 2/ Второго типа тексты отвечают доминирующему коммуникативному заданию, в соответствии с которым организуется большинство отдельных предложений-высказываний, но в этих текстах есть и такое /не/ предложение-высказывание/ия/, которое отвечает иному частному коммуникативному заданию, не совпадающему с доминирующим. Называем первого типа тексты моноструктурными, а второго типа – полиструктурными.

5. Такое "не соответствующее" доминирующему коммуникативному заданию предложение-высказывание может вступать с остальной /доминирующей/ частью текста в отношения: а/ нейтрализации и б/ противопоставления.

При нейтрализации частное коммуникативное задание подчиняется доминирующему, и происходит определённый сдвиг в семантике "несоответствующего" предложения-высказывания, позволяющий прочитывать его в соответствии с семантикой доминирующей части текста.

При отношениях противопоставления последнее предложение-высказывание отвечает частному коммуникативному заданию, как бы противоположному доминирующему, вследствие чего это последнее предложение-высказывание акцентируется, создавая сдвиг в коммуникативной и семантической структуре текста. Именно такие отношения возникают в текстах, содержащих хиазм.

6. Существует особый тип текстов, которые одновременно могут быть интерпретированы и как моноструктурные, и как полиструктурные. К таким относится вышеприведённый текст стихотворения Н.А.Некрасова. Двойственный характер отношений между отдельными предложениями-высказываниями и целостным текстом объясняет возможность двоякого интонационного оформления такого текста и его неоднозначного осмысления: при ударении на препозитивных подлежащих текст оказывается моноструктурным; при ударении на постпозитивных сказуемых – полиструктурным.

Л.П.Крысин

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА: УНИФИКАЦИЯ vs. ВАРИАТИВНОСТЬ

I. Функционирование многих современных литературных языков характеризуется двумя противонаправленными тенденциями: I) к унификации нормы и 2) к ее дифференциации.

2. Унификация является результатом нормализации и кодификации литературного языка, которые направлены, в частности, на устранение из него функционально не различающихся способов выражения (ср. известное определение литературного языка, данное М.В.Пановым и основанное на признаке функционального разграничения единиц как наиболее характерном для этого языкового образования).

3. Дифференциация нормы обусловлена по крайней мере тремя факторами:

I) коммуникативным, который порождает коммуникативную, или ситуативно-стилистическую, вариативность нормативных средств (ср. принцип коммуникативной целесообразности нормы);

2) социальным, который определяет различия в использовании литературного языка разными - возрастными, профессиональными и т.п. - группами его носителей (социальная, или "стратификационная" (У.Лабов), вариативность);

3) локальным, который лежит в основе варьирования литературного языка в зависимости от территории его распространения (локальная, или территориальная, вариативность).

4. Особого внимания заслуживает проблема варьирования литературной нормы в условиях иноязычного окружения. Хотя это явление справедливо оценивается как негативное (ср. многочисленные исследования, посвященные интерференции русского и других языков народов СССР при их взаимодействии), - реальные процессы, происходящие при контакте носителей разных языков, требуют изучения как в собственно лингвистическом, так и в социолингвистическом аспекте.

Л.Н.Кузнецова

КУЛЬТУРА ПРОИЗНОШЕНИЯ В ПЕРЕДАЧАХ ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО

Из всех звуковых средств массовой коммуникации первое место занимает радио, главным образом Всесоюзное радио. Обладая самым широким охватом слушателей, а следовательно, и воздействием на них, оно заставляет предъявлять к произносительной стороне его передач жесткие требования.

Разнообразие материала, построенного на звучащей речи, предлагаемого слушателям в течение дня (от последних известий до сказок и стихотворений для маленьких детей), предполагает обращение к различным функциональным стилям речи. Каждая радиопередача рассчитана на определенного, заинтересованного слушателя, преследует свои конкретные задачи и в соответствии с этим придерживается той или иной стилистической окраски, что в свою очередь влияет на использование соответствующего стиля произношения. Участие в них как специалистов в различных областях знаний, так и людей, не получивших образования, также придает речи, звучащей по радио, специфический характер.

Перестройка, в значительной мере затронувшая работу Всесоюзного радио, привела к появлению множества острых и интересных передач, к прямому контакту с радиослушателями, но в то же время доверила микрофон ряду журналистов, не владеющих в полной мере культурой речи.

Анализ работы первой программы Всесоюзного радио, предпринятый автором, позволил:

а) дать нормативно-стилистическую оценку произношению радиопередач,

б) определить допустимость тех или иных орфоэпических вариантов в конкретных радиопередачах,

в) выявить характерные произносительные ошибки,

г) обозначить набор диалектных черт, часто звучащих в радиопередачах,

д) наметить ряд рекомендаций по работе над произношением для сотрудников Всесоюзного радио.

С.М. Кузьмина

К ПРОБЛЕМЕ НОРМАЛИЗАЦИИ СЛИТНЫХ-РАЗДЕЛЬНЫХ НАПИСАНИЙ

I.Одним из самых трудных вопросов слитного-раздельного написания является правописание сложных слов и в первую очередь - сложных прилагательных. О критическом положении дел в этой области свидетельствуют взаимоисключающие рекомендации для написания некоторых слов в двух главных и популярных словарях: в "Орфографическом словаре русского языка" (ОС) и в словаре-справочнике "Слитно-раздельно"(СР), например,автогенносварочный(ОС), автогенно-сварочный(СР), апатито-нефелиновый (ОС), апатитонефелиновый (СР).

2.Основные причины разнонаписаний в этих словарях таковы: ОС дает вариант, соответствующий правилам, зафиксированным в Своде 1956 года, СР, ориентируясь на орфографическую практику, дает наиболее распространенный вариант.

3.Для согласования рекомендаций двух словарей и унификации написаний необходимо выработать критерии оценки орфографических вариантов и установить иерархию этих критериев. Они, на наш взгляд, таковы: 1)соответствие действующим правилам; 2)соответствие традиции; 3)соответствие орфографической тенденции; 4) соответствие принятой в данной отрасли науки практике написания (для терминологической лексики); 5)произношение (с одним ударением или двумя, с редукцией гласных или без нее и т.п.).

4.Важно также решить вопрос: можно ли вносить изменения в орфографический словарь, давать написания, противоречащие правилам, не меняя самих правил? Такие изменения, по нашему мнению, возможны только по отношению к малочастотным и специальным словам, тем более что в ОС и без того имеется много написаний, противоречащих правилам (типа парашютно-десантный). Распространять же пусть даже перспективные с точки зрения тенденции написания на частотные слова, имеющие закрепленный традицией и к тому же соответствующий правилам облик (например, западноевропейский на западно-европейский, восточнославянский на восточно-славянский и т.п.) по-видимому, неправомерно.

С.М. Кузьмина

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ НОРМАЛИЗАЦИИ

I.При выработке нормативных рекомендаций, в том числе и орфоэпических, важно изучение особенностей функционирования литературного языка: к каждой разновидности должны предъявляться свои требования.Выделение трех основных функциональных типов речи:разговорная,художественная и специальная речь - актуально и с фонетической точки зрения.

2.Разговорная речь с ее раскованностью и "эгоизмом"(близость адресата позволяет не заботиться об удобствах его восприятия) характеризуется высокой степенью редукции, усилением комбинаторных воздействий, приоритетом синтагматических закономерностей перед парадигматическими.

3.Художественная речь (не в характерологической функции) обладает особыми чертами в области как суперсегментной, так и сегментной фонетики.В ней последовательно реализуется нормативная ритмическая модель слова, отсутствует сверхредукция гласных, в ней чаще, чем в других типах речи, используются варианты гласных, представляющих "полный фонетический облик слова", она более регулярно следует традиционным орфоэпическим вариантам, в ней наблюдается подчинение орфоэпии художественному заданию.

4.Из трех разновидностей специальной речи одна - информационно- публицистическая (речь диктторов радио и телевидения) в фонетическом отношении сближается с художественной речью, в частности она оказывает устойчивое сопротивление разговорной стихии. Что же касается двух других разновидностей специальной речи, то собственно "научной" или "официально-деловой" фонетики нет; спонтанная речь в пределах этих разновидностей в большей степени насыщена элементами разговорной фонетики, чем неспонтанная.

5. Актуальной задачей в области культуры речи является выработка понятия неправильности, ошибки для фонетики художественной и специальной речи и установление качественного и количественного предела насыщенности речи чертами разговорной фонетики.

Н.А.Купина

КУЛЬТУРА РЕЧИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ, ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА, ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Коммуникативные потребности общества обнаруживают необходимость разработки разнообразных по форме, содержанию, жанру культурно-речевых изданий. Последнее возможно лишь при условии выверенной теории речевой культуры. Между тем до настоящего времени не осуществлена систематизация тех подходов к культуре речи, которые выработаны наукой и используются в практической культурно-речевой работе /школа, вуз, специализированная и массовая аудитория/. В докладе будет представлена попытка такой систематизации.

1. Традиционная трактовка культуры речи осуществляется в соответствии с цепочкой речь - язык. Ведущей здесь является категория нормы. Хорошей признается речь правильная. Предмет анализа - отдельный речевой элемент или цепочка элементов вне контекста или в узком контексте. Соответственно практическая работа над повышением речевой культуры связывается с преодолением речевых ошибок /акцентных, орфоэпических, грамматических/. Основными пособиями служат нормативные словари и грамматики, фонохрестоматии.

2. Еще одно понимание культуры речи, укоренившееся в вузовской и школьной практике, осуществляется на базе многомерных соотношений наблюдаемого объекта с внеречевыми явлениями: речь - язык, речь - мышление, речь - действительность, речь - говорящий, речь - адресат. При таком подходе хорошей признается речь, отвечающая определенным требованиям и качествам. Предметом лингвистического анализа служит синтагма, предложение, высказывание. Практическая работа над повышением речевой культуры связывается с критикой речи, правкой и редактированием контекста, преодолением речевых ошибок и недочетов. Основными пособиями служат нормативные словари, в том числе - ориентированные на специалистов /работников печати, дикторов радио и телевидения/, грамматики, словари трудностей, словари вариантов, разработки по практической стилистике.

3. Категория "культура речи" выделяется как звено в цепи духовных культурных ценностей народа. В этом аспекте культура речи мыслится в виде образцовых письменных и устных текстов разных форм, стилей, жанров, относящихся к той или иной эпохе, принадлежащих авторитетным или безымянным авторам. Предмет анализа при таком подходе - текст как образец словесного искусства и совокупность таких текстов. Практическая работа направлена на осмысление речевого образца. Основными пособиями должны служить отдельные тексты и сборники текстов, хрестоматии, специальные руководства к толкованию текстов.

4. Подход, связывающий культуру речи с категорией языковой личности. В этом случае культура речи понимается как речевая эрудиция индивида, его индивидуальный лексикон, а также знание текстов на данном языке и специальные знания о языке. Практическая работа над повышением речевой культуры связана с расширением диапазона речевых знаний и навыков. Предмет анализа - языковая личность в различных ее проявлениях. Основными пособиями должны служить словари идеолекта, энциклопедические, толковые, специальные словари, грамматики, сборники образцовых текстов, хрестоматии, руководства к освоению лексикона и грамматики языка, руководства к освоению текстов и подражанию образцам, книги о языке и словесности.

5. Подход, связанный с непосредственной коммуникативной практикой. В этом случае культура речи трактуется как система речевых умений и навыков, с помощью которых коммуникант добивается успеха в общении. Предмет анализа - речевое поведение партнеров речевого общения в определенной обстановке /типовой или нетиповой/; диалогическое единство или дискурс говорящего /пишущего/ в контексте реакций адресата и система этих реакций как дискурс в контексте реакций говорящего /пишущего/. Практическая работа над повышением речевой культуры направлена на выработку системы тактических средств, приемов речевого поведения, обеспечивающих реализацию сверхзадачи /коммуникативной стратегии/. Основными пособиями должны служить сборники текстов /образцовых и отрицательных/, составленные с учетом коммуникативного заказа, видеохрестоматии, специальные руководства по основам речевого поведения.

Е.М.Лазуткина

О ТРЕХ АСПЕКТАХ НОРМЫ ПРИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ К ЯЗЫКУ

1. Проблемы теории нормы неразрывно связаны с общей теорией языка и функциональной стилистики.

2. Понимание языка как системы систем виртуальных единиц и средств их связи, отвлеченных от наиболее типичных речевых ситуаций, дихотомия «язык» – «речь» предполагает следующий аспект рассмотрения нормы: поуровневый анализ речевых употреблений на основе сравнения их с системными образцами, установление законов варьирования этих образцов. Чем выше системный уровень, тем сложнее структурная организация образцов и тем большую роль играют экстралингвистические условия в осознании закономерностей и правил их функционирования, хотя каждый языковой факт представляет собой коммуникативно значимое явление, имеет ориентиры своего "поведения".

3. Трактовка языка как объекта исследования, изолированного от внеязыковых "помех", не позволяет во многих случаях объяснить и квалифицировать как нормативные или ненормативные не только единицы синтаксического уровня, но и единицы лексического уровня (например, развитие в тексте новых значений слов на основе скрытых смысловых компонентов, получающих актуализацию благодаря авторским ассоциациям). В рамках этого подхода стилистическая характеристика языковых фактов также не имеет объективных лингвистических оснований.

4. Истоки современной научной парадигмы коренятся в динамическом представлении языка, стремящемся приблизить модель языка к теории речевой деятельности. Так, функциональная лингвистика диктует рассмотрение каждого употребления как триады «функция» – «форма» – «значение» как компонента общего смысла высказывания, текста.

Данный аспект нормы соответствует правилам построения "грамматики говорящего" (термин Л.В.Щербы). Само понятие нормы расширяется и становится качественно иным: допустимость, нормативность и закономерность конкретного факта устанавливается только в широком контексте, в качестве функ-

циональной единицы в составе языковой единицы более высокого уровня, имеющей также свое функциональное содержание. Правила "грамматики говорящего" не только требуют следования образцам или их вариантам, а предоставляют говорящему шкалу целесообразных средств для осуществления коммуникативного замысла, дают простор для варьирования когнитивной базы текста, "дозированной" и иерархизованной подачи информации, а также для выражения авторского эмотивного и ценностного отношения к описываемому. (Примером для нормативно-стилистического анализа может быть функциональная перспектива предложения, представляющая собой ракурс рассмотрения говорящим реального события, выбор подлежащего и синтагматическое развертывание других компонентов предложения в зависимости от коммуникативной релевантности, элиминация определенных синтаксических позиций, их незаполнение, повторная тематизация, номинализация, компрессия, наложение компонентов смысла, создание пресуппозиционного фона высказывания и т.п.).

5. "Грамматика говорящего" ставит по-новому вопрос о синтаксической и стилистической синонимии. Так, например, "равноэфициентные" конструкции, в которых субъектная позиция занята словоформами разного грамматического качества (Он выиграл – Ему выпал выигрыш), оказываются в вариативном ряду с равнозначными компонентами, в то время как на системном уровне их смысловая общность и тождественная денотативная соотнесенность считаются недостаточным условием синонимичности.

6. Гипостазирование "грамматики говорящего" является необходимым промежуточным конструктом для объяснения механизма речепорождения и нормативной оценки высказываний. Следующий аспект нормы – правила в "грамматике читателя=слушателя". Здесь устанавливаются закономерности сематико-синтаксической организации текста, обеспечивающей восприятие, адекватное замыслу автора. Эти правила действуют при моделировании образа адресата и создании его личностной характеристики (с учетом социального статуса, этнической принадлежности, возраста, образовательной, культурной и психофизической потенции, ролевых отношений между автором и читателем), при моделировании образа автора как члена определенного социума с личностным отношением к воображаемому читателю и планировании "диалога".

С.П.Лопушанская, Н.А.Тупикова

ДРЕВНЕРУССКИЕ ТРАДИЦИИ КУЛЬТУРЫ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

I. Развитие советского парламентаризма в условиях демократизации и гласности способствует возрождению интереса к искусству владения словом. Будучи обращенной к многочисленной аудитории, живая спонтанная речь оратора должна быть точной, выверенной, весомой, оснащенной такими приемами воздействия, которые наилучшим способом убеждают, вызывают доверие слушателей.

Искусство "говорить красно" (М.В.Ломоносов) имеет богатые традиции, значимость которых может быть понята только в их возрождении и творческом обогащении опытом сегодняшнего дня. В этой связи обращение к произведениям выдающихся писателей-проповедников Древней Руси помогает осмыслить истоки русского ораторского искусства и его составляющих – ясности, важности и приятности слога[1].

2. Наиболее распространенным видом старинного красноречия является проповедь. В докладе рассматриваются такие ее формы, как слово и поучение ("Слова" Кирилла Туровского; "Слова", "Поучения" Серапиона Владимирского). При этом было учтено, что древнерусская ораторская проза отражала жизнь феодального общества и его идеологию: за религиозной оболочкой повествования стояли общественные реалии, борьба социальных и культурных тенденций.

Публичные речи древнерусских проповедников наряду со знанием эллинистических учений обнаруживают умение пользоваться традиционными правилами красноречия, которые сложились на славянской почве. В частности, выявлено преломление в текстах Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского основных положений трактата "О образѣхъ" (Изборник Святослава 1073 г.), в котором зафиксированы и объяснены "творьчьстии образи суть 27"[2].

Сопоставление позволило также установить своеобразие использования норм и приемов "инословия", "превода", "напотребия" и др., связанных, с одной стороны, с сохранением жанра и образца, а с другой, – со стремлением к оригинальному поэтическому воплощению мысли, обличительных, торжественных, скорбных, ликующих и живых интонаций речи средствами книжного языка[3].

3. Структура риторического повествования К.Туровского и С. Владимирского представляет целостную систему определенным образом организованных средств, способствующих развертыванию тезиса и аргументации на основе словесного варьирования темы, усиления доводов путем различного рода добавлений, амплификаций, включающих своеобразное взаимодействие общего и индивидуального. Основные способы языкового оформления чередующихся периодов и их частей составляют композиционно-стилистический прием, позволяющий проповедникам вести повествование в нескольких смысловых планах. При этом обнаруживается иерархическая закрепленность языковых средств за определенным способом оформления мысли по законам логического мышления (по законам тождества, противоречия и др.).

В докладе обращено внимание на то, что реализация семантико-стилистических потенций языковых единиц в составе периода определяется не только контекстом, но и всем комплексом средств, присущих данному жанру[4].

4. Современные представления о системе ораторской прозы, сложившиеся в процессе накопления, углубления и обновления приемов русского старинного красноречия, связаны с обсуждением ряда теоретических и практических вопросов, с дальнейшим изучением образцов публичного выступления, его общей специфики, определяемой функцией воздействия[5], с выявлением современных возможностей развития ораторской речи в различных сферах коммуникации.

I. Оратор, или О трех главных достоинствах красноречия – ясности, важности и приятности. – М., 1816.

2. Изборник Святослава 1073 г. – М., 1983. – Кн. I: Факсимильное издание. – Л. 237 и сл.

3. Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ, XVII. – М.-Л., 1962. – С. 58.

4. Лопушанская С.П. Структурно-семантические особенности инфинитива в ораторской прозе М.В.Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVII века / Ломоносовские чтения. Вып. 2-3. – Казань, 1969. – С. 93-100.

5. См.: Тупикова Н.А. Функции глагольной лексики в форме инфинитива в русской демократической публицистике середины XIX в. – Торунь (ПНР), 1988. – 161 с.

Е.Г.Лукашанец

ТЕРМИНЫ ОРТОЛОГИИ: ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

В рамках культуры речи выделяется ортология – в широком смысле учение о правильности речи. Представляется возможным сузить это понятие: из ортологии следует исключить все, чем занимается описательное изучение того или иного языка, исключить аспекты так называемой объективной нормы /по терминологии Г.В. Степанова/, или императивной нормы /по терминологии Л.И.Скворцова/. Таким образом, предмет ортологии русского языка должен включать только то, что "по-русски": гипотетическую область нормативных явлений и их нарушений, не выходящих за пределы системы русского языка.

Высокий уровень чисто практической разработки проблем ортологии не вызывает сомнения /велико число справочников, пособий по культуре речи, словарей, вышедших в последние два-три десятилетия/, в то время как теория ортологии, безусловно, требует дальнейшего формирования ее понятийного аппарата.

Здесь предлагается следующее соотношение понятий, которое существенно именно для ортологии:

А. язык как система знаков /структура/;

Б. речь как употребление знаков языка, в свою очередь подразделяющееся на:

1. нормативное употребление;
2. ошибочное употребление /отступления от нормы/.

По-видимому, терминология описания языка как системы знаков /т.е. терминология описательной лингвистики/ не должна совпадать с терминологией ортологического описания, т.е. описания нормы и отклонений от нее. Тем не менее ясно, что эти две терминологические системы должны соотноситься друг с другом.

Применительно к лексическому уровню языка и, конкретно, к сфере парадигматических отношений можно предложить следующую систему понятий, которые характеризуют параллелизм описательной лингвистики и ортологии:

ЯЗЫК /описательная лингвистика/	РЕЧЬ /ортология/
значение	употребление
синонимия	взаимозаменяемость
антонимия	противопоставление
паронимия	различение
омонимия	дифференциация
полисемия	интеграция

С точки зрения ортологии, выделяется тогда:

1. нормативное употребление слова /аннулировать договор/ – ненормативное, ошибочное употребление /аннулировать киоск/ /все примеры взяты из справочников и пособий по культуре речи/;
2. нормативная взаимозамена /по профессии инженер – по специальности инженер/ – ошибочная взаимозамена /зачинатель доброй традиции – зачинщик доброй традиции/;
3. нормативное противопоставление /в институт – из института/ – ошибочное противопоставление /в институт – с института/;
4. нормативное различение /абонемент на цикл лекций – абонент городской телефонной сети/ – неразличение, ошибки в различении /завесьте килограмм яблок/;
5. нормативная дифференциация /носовая кампания – компания друзей/ – отсутствие дифференциации /дружба спаивает товарищей/;
6. нормативная интеграция /последний срок – последний сын в семье – последний в очереди/ – ненормативная, ошибочная интеграция /плавание места в раму – плавать в очереди/.

Единица речи /рассматриваемой с ортологической точки зрения/ так же, как и лексические единицы, является точкой пересечения различных отношений внутри данной системы.

Таким образом, предложенная система параллельных терминов позволяет сформулировать правила культуры речи в терминах собственно ортологии, а не описательной лингвистики, а также способствует теоретическому осмыслению распространенных ошибок в области парадигматики языка.

Н.В.Мамина

МИКРОСИСТЕМА ОРФОГРАФИИ АББРЕВИАТУР

При характеристике орфографии аббревиатур современного русского языка принципиальное значение имеют следующие моменты.
I. Внутренние и внешние причины, в силу которых произошло выделение правописания сокращённых слов в самостоятельную проблему (специфика самой аббревиации как лингвистического явления, неуклонное возрастание удельного веса аббревиатур в языке, отсутствие правил написания некоторых групп сокращений и пр.).
2. Специфика микросистемы орфографии аббревиатур: закономерности (предыстория, но предисполкома; межъярусный, но Межюрбюро и т.п.) и слабые звенья, проявляющиеся в наличии зон колеблющихся написаний (а/ традиционных: строчная – прописная, удвоенные или одиночные согласные, слитно или раздельно; б/ характерных только для аббревиатурных лексем: мягкий знак или его отсутствие на стыках абброморфем – Далькитьвертрест, Каредавтодор; написание сокращений, на стыках компонентов которых находится твёрдый согласный и йотированная гласная буква – ин.яз (иняз), инкорколлегия, хозъединица и др.).
3. Уровни функционирования орфографической нормы аббревиатур: правила – словари – практика. Правила, являясь юридическим регламентом правописания, с определённого момента начинают отставать от реальных тенденций письма, превращаясь в тормоз для развития орфографической нормы. Словари регламентируют пределы колебания правописной нормы и более или менее объективно отражают динамику её развития. Словарная орфографическая норма постоянно движется в сторону унификации, которая, однако, отличается определённой однонаправленностью, т.е. охватывает в основном одну из зон колеблющихся написаний (прописная – строчная). Практика, являясь самой естественной средой функционирования орфографических вариантов и богатым фактическим материалом для изучения нормы правописания аббревиатур, связана с проблемой выбора варианта. Решение этой задачи зависит от ряда факторов, как внутриязыковых, так и социальных (закреплённость за той или иной формой долгой письменной традиции, наличие или отсутствие нормы, степень освоенности слов языком, взаиморасположение элементов в образовании и др.).

Т.В.Матвеева

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ НА КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вузовское преподавание осуществляет посредническую роль между фундаментальными исследованиями и практикой их внедрения. Здесь накапливается опыт, позволяющий судить, с одной стороны, о насущных потребностях общества применительно к определенной научной отрасли, а с другой – о лакунах в области теоретических исследований этой направленности. Под названным углом зрения в докладе обобщается опыт учебной и культурно-просветительской работы по культуре речи на кафедре современного русского языка Уральского университета, преподаватели которой ведут культурно-речевые циклы в средней школе, институтах повышения квалификации, школах менеджеров, школах лекторского мастерства, в массовой аудитории.

Объектом действующей теории культуры речи, на которую опирается учебная и культурно-просветительская практика, до сих пор является речь вообще /единственный вид конкретизации, применяемый при этом – функционально-стилевое уточнение культурно-речевых параметров – носит поверхностный характер/ В столь широком контексте любое теоретическое положение характеризуется огромным множеством проявлений, что мешает выведению правила речевого пользования. Конкретная же аудитория давно не удовлетворяется ни общими положениями, ни эмпирическими наблюдениями. Она требует объяснения линии речевого поведения в типовой ситуации, правил, облегчающих порождение текста определенного жанра и адресованности. Говоря языком терминов, социальный заказ состоит в том, что сегодня необходима теория культуры речи, связанная с типовыми коммуникативными ситуациями и учитывающая потребности различных социальных слоев общества. Такая теория требует сближения традиционной культуры речи с функциональной стилистикой, лингвистикой текста, психолингвистикой.

В докладе выделяются наиболее острые проблемы культуры речи, ожидающие комплексного исследования.

Проблема коммуникативных качеств текста. Понятие коммуникативных качеств речи может и должно быть распространено

на текст – осуществленную речь и результат речевой деятельности. Если понимать текст как взаимодействие сложно организованных сущностных признаков, или текстовых категорий, то коммуникативно адекватным может считаться типовое сочетание текстовых категорий при типовом их проявлении, что устанавливается путем обследования множества образцовых текстов.

Автором предпринято межстилевое сопоставление текстов по категориям тональности, тематического развертывания, логического связывания и др. /демонстрируется на категории тематического развертывания/. Полученные данные о варьировании текстовых категорий и качественных особенностях функционально-стилевого варианта позволяют ввести понятие коммуникативно адекватной, или нормативной реализации категории в границах функционального стиля. Совокупность нормативных реализаций различных категорий дает представление о нормативности текста в целом.

Лингвистическое осмысление коммуникативно-текстовой нормативности текста необходимо практическому преподавателю культуры речи для речевой диагностики личности, обучения профессионально ориентированному монологу, тренировки навыков речевого варьирования в зависимости от изменения стилеобразующих факторов и т.д.

Проблема региональных влияний. Долгое время она недооценивалась, но сейчас уже достаточно четко определились социальные группы /актеры, учителя, начинающие политические деятели, менеджеры /, для которых устранение "провинциального акцента" профессионально необходимо. Качественная преподавательская работа такого рода возможна только на базе капитального обследования разновидностей речи города, определения качества и силы просторечных явлений на некоторой территории, теоретической разработанности проблем просторечия.

Необходимым условием достижения этого является создание картотек, текстотек и видеотек данной направленности в учебных и научных центрах страны. Кафедра русского языка Уральского университета участвует в этой работе, целенаправленно собирая текстовой материал по живой речи уральского города.

Л.А.Месеняшина

О МЕСТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА

"Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют", – писал Д.И.Фонвизин. Однако "поток живого слова", вновь, как 70 лет назад, захлестнувший страну, несет в своих волнах и косноязычие, и речевые штампы, и демагогию... Трудно винить в этом новую генерацию ораторов и публицистов. Очевиден разрыв между схоластикой теории и беспомощностью практики. Пособия по советскому ораторскому искусству устарели, работы по лингвистической прагматике непригодны как учебные пособия.

Между тем знакомство хотя бы с "Кодексом речевого поведения" Т.В.Шмелевой (не говоря уже о работах зарубежных авторов) позволило бы народным депутатам СССР избежать употребления словосочетаний типа огульное охаивание, глаголов с приставкой под-, сочинительных сочетаний типа партии и государственного планирования и т.д. Низкий уровень речевой культуры приводит к частым несовпадениям иллокуции с перлокуцией.

Вместе с тем низкая квалификация многих современных политических ораторов – драма социальная, ведущая к нарастанию взаимного недоверия, отчуждения и враждебности в обществе. При этом нельзя сказать, чтобы ученые не проявляли интереса к теме "Язык и перестройка". Но, к сожалению, в подготовке недавно опубликованного "Опыта словаря нового мышления" (под ред. Ю.Н.Афанасьева и М.Ферро) лингвисты сыграли лишь вспомогательную роль.

В то же время для публичной речи остаются недостаточно разработанными вопросы разграничения риторических приемов и лингвистической демагогии, экспрессивного/неэкспрессивного нарушения правил коммуникации; практически отсутствуют рекомендации по лексическому воплощению требований кодекса речевого поведения в устной и письменной публицистике, прикладные разработки по ведению дискуссии, агитации и т.д.

И.Г.Милославский

"...И никогда не терпеть,
чтобы они (ученики)
употребляли слова без ясных идей"
(Из наставлений профессорам
Царскосельского лицея)

СОВРЕМЕННАЯ РУСИСТИКА И ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ

I. Необходимость целенаправленных занятий по развитию речи учащихся полностью осознана в современной школе. Однако в отличие от обучения орфографии и пунктуации эти занятия не опираются ни на особым образом представленные сведения о структуре языка, ни на детально разработанную программу обучения конкретным знаниям и умениям.

2. Целенаправленные занятия по развитию речи на родном языке не должны замыкаться орфоэпическими нормами и сведениями о типичных отклонениях от правил словоупотребления. Теоретической основой занятий по развитию речи должно быть представление о языке как о семантической структуре, используемой человеком и, следовательно, обладающей прежде всего коммуникативными и эстетическими функциями.

3. Школьная программа по развитию речи могла бы быть построена вокруг следующих основных вопросов.

а) Синонимические и квазисинонимические средства языка. Особое внимание должно быть обращено на соответствующие отношения не только между лексическими единицами, но и между разноуровневыми средствами языка, а также на самые разнообразные возможности конверсных синтаксических преобразований.

б) Гиперонимические отношения в языке. Здесь следует особенно внимательно определить ту границу, за которой обобщающая функция языкового знака приводит к неясности скрывающихся за ним феноменов объективной действительности.

в) Категория оценки. Речь должна идти не столько о тех средствах, которые выражают оценку и только оценку, но об имплицитном, наряду с номинативной функцией, выражении оценки, в результате чего говорящий (пишущий) либо "проговаривается", либо пытается навязать свое субъективное отношение собеседнику (слушающему).

Н.Г.Михайловская

РИТОРИКА И СОВРЕМЕННЫЙ ОРАТОР (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕПУТАТОВ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ)

I.В большинстве случаев основное требование, предъявляемое к ораторской речи и определяемое как "композиционная система", не выдерживается. Система в форме упорядоченности отдельных частей в их соотношении друг с другом реализуется редко и, скорее, случайно, нежели целенаправленно. Данное явление объясняется тем, что оратор касается многих проблем, торопясь их "обозначить", но не заботясь об их взаимосвязанности - логической и смысловой.

2.Обилие злободневных тем в пределах одной речи неизбежно влечет за собой, с одной стороны, общие фразы (нередко декларативного характера), а с другой - эмоциональные оценки, в которых наиболее непосредственно проявляется ораторское "я", ориентированное на личный опыт выступающего.

3.Экспрессия, выраженная риторическими приемами (вопросами, обращенными к аудитории, усиленной метафоризацией, единообразием синтаксических конструкций и т.п.), определяется темой и содержанием отдельных фрагментов. В то же время значимость отдельной темы среди 5-6 тем, затронутых в одной речи, зависит от общественных взглядов оратора.

4.В выступлениях слабо представлена полемика (за исключением речи Е.Евтушенко), что свидетельствует о недостаточно высокой степени импровизации, столь необходимой в политической, точнее, парламентской речи.

5.В публичных выступлениях писателей проявляются некоторые черты, свойственные их индивидуальному стилю как художников слова.

6.В силу ряда экстралингвистических и лингвистических особенностей выступления писателей на I СЪЕЗДЕ народных депутатов можно отнести к жанру не парламентской, а митинговой речи.

Л.А. Морозова

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ
(на материале терминологических стандартов)

Построение логически стройных и лингвистически правильных определений – одна из важных задач современной терминографии. Научная и методическая литература проблемы содержит нормализаторские рекомендации, однако отсутствие теоретических обоснований методики определений (дефиниций – Дfn) сказывается на качестве терминологических определений.

Норма применительно к терминологическим стандартам (ГОСТам) имеет широкое значение: она связана с содержательно-понятийным аспектом и с языковой презентацией понятийной сущности терминов (Дfd).

ГОСТ как жанр документальной терминографии непосредственно связан с нормализаторской деятельностью: термины и их определения обязательны для использования в технической документации, научно-технической, учебной и справочной литературе. В указанном статусе он выполняет несколько специальных задач:

– справочно-нормативную (использование специалистами в качестве эталона для контроля);

– информационно-координационную(ГОСТы динамичны и мобильны: они переиздаются чаще других видов лексикографической продукции и имеют возможность быть дополненными и исправленными в соответствии с изменением понятий);

– учебно-познавательную (используются при подготовке специалистов научно-технических областей знаний) и др.

Существенным признаком ГОСТов является и н ф о р м а т и в н о с т ь. Определения ГОСТов, многофункциональные по своей специфике (мотивируют выбор термина, выполняют семантизирующую функцию, раскрывают суть терминируемого понятия, его объем или содержание и др.), несут основную информацию. Выделяются три группы определений, различающихся степенью информативности:

– информативно достаточные (Дfd = Дfn);

– информативно недостаточные (Дfd > Дfn);

– информативно избыточные (Дfd < Дfn).

Содержательная норма стандартов – информативная достаточность покрывает требование отражения в определениях терминов необходимых и достаточных признаков терминируемых понятий.

С данным признаком сочетается структурная релевантность, способность определений служить различению видовых понятий.

Структурно релевантными являются интенсиональные определения (родо-видовой и партитивной связи компонентов значения), раскрывающие содержание терминируемых понятий, и экстенсиональные определения (перечислительных конструкций),раскрывающие их объем.

Емкое понятие с и с т е м н о с т и как внутреннее генетическое свойство терминологии любой отрасли и, вместе с тем, как результат нормализаторской деятельности составителей стандартов проявляется на всех уровнях: понятийном, лексическом, словопроизводственном и семантическом.

Принцип системного изучения определений позволил выделить универсальные компоненты (сегменты текста определений, обладающие семантически целостным значением).

Интегрирующий компонент, выполняющий функцию объединения в общие классы (наиболее общими являются категориальные понятия, которые представляют имена категорий или созданные на их базе словосочетания).

Дифференцирующий компонент, несущий выделительную функцию видовых понятий. Интегрирующий и дифференцирующий компоненты в структуре иерархических определений обязательны.

Конкретизирующий компонент выполняет дополнительную к двум первым компонентам функцию. Факультативность делает его необязательным в составе структуры определений. Нормой стало жесткое закрепление последовательности расположения компонентов: интегрирующий, дифференцирующий, конкретизирующий.

Сочетание компонентов, их наличие/отсутствие формирует типологию определений терминологических стандартов.

Специфической, условно говоря "профессиональной нормой" определений ГОСТов, является использование наряду с языковыми средствами и символьно-буквенных, и цифровых обозначений, и средств экземплификации (графиков, схем, чертежей и др.).

А. Н. Наумович

ПРИЕМ УСИЛЕНИЯ В КОДИФИКАЦИИ ПУНКТУАЦИОННЫХ НОРМ

Пунктуация связана как со структурным, так и с коммуникативно-функциональным синтаксисом, на уровне которого она реализует свои грамматические и смыслоразличительные функции.

Разделяемые или выделяемые компоненты предложения нередко попадают в такую семантическую интерпозицию, которая потенциально допускает их двустороннюю смысловую связь — с левым и правым центром подчинения. Для конкретизации смысловых и синтаксических связей компонентов предложения в подобной ситуации требуется использовать прием усиления разделяющего или выделяющего пунктуационного знака. Внутренние усилительные разделяющие знаки — точка с запятой, тире, запятая и тире; выделяющие — двойное тире и скобки. Позицию разделяющей запятой, "поглощающей" одну из выделяющих запятых, можно усилить за счет "нулевого знака" на месте второй выделяющей запятой. Закономерность того или другого усилительного знака обусловливается структурной особенностью предложения и типом интерпозитивного компонента с потенциальной двусторонней связью.

В семантической интерпозиции могут оказаться

1. Ряд однородных членов на границе предикативных частей бессоюзного сложного предложения. Вместо запятой, отделяющей предикативные части, необходимо поставить точку с запятой: ___ ___; ___, и ___, и ___ ___.

2. На границе частей сложного предложения — экспрессивные, семантически объединенные однородные номинативы и однородные подлежащие: ___, ___, ___; и ___ и ___ ___.

3. Придаточная часть на границе бессоюзной связи в сложной синтаксической конструкции: [ ]; (когда...), [ ].

4. Обособленное определение с обстоятельственным оттенком или обособленное обстоятельство-деепричастие между однородными сказуемыми: ___, ~~~; ___. Или: ___; ~~~, ___. ___, _·_·_; ___. Или: ___; _·_·_, ___.

5. Сравнительный оборот. Если он на границе отделяющего знака, двузначность устранит точка с запятой. Если же он на границе совмещенных выделяющих запятых, аннулируется одна из запятых, выделяющих сравнительный оборот. Ср.: Шмель,

гудя как самолет, взлетал... Или: гудя, как самолет взлетал.

6. Вводный компонент а/ между однородными членами: ___ ___; должно быть, ___. Или: ___ ___, должно быть ___; б/ на границе предикативных частей бессоюзного сложного предложения. Усиливающий знак — точка с запятой; в/ на границе обособленного или уточняющего члена предложения. Используется "нулевой знак": ___, по-видимому ~~~, ___; г/ на границе главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения: [___ ___], (очевидно чтобы ___).

К употреблению тире или запятой и тире в качестве усилительного знака следует подходить осторожно. Тире, как и двоеточие, — это семантизированный пунктуационный знак[1]; как правило он несет дополнительную смысловую нагрузку. Поэтому тире в позиции пунктуационного усиления можно использовать избирательно, в определенных типах синтаксических структур. Например, для выделения уточняюще-пояснительного однородного ряда, члены которого и препозитивное определяемое слово представляют собой идентичные словоформы: Над волнистыми полями — озимями, пашнями, жнивьями и коричневыми перелесками — темнело. /И. Бунин/ Как прием пунктуационного усиления при дифференциации смысловых связей сравнительного оборота уместна постановка запятой и тире на месте одной из выделительных запятых:

Восток белел. Ладья катилась, Ветрило весело звучало, —
Как опрокинутое небо, под нами море трепетало... /Ф.Тютчев/

Исследованный нами материал показывает, что в современной практической русской пунктуации наблюдается, с одной стороны, применение разнообразных, нередко не оправданных усилительных знаков, с другой — отсутствие их в тех случаях, когда необходимо устранить структурно-смысловую двузначность предложения.

Усилительные знаки прежде всего относятся к "контекстуально и функционально обусловленной пунктуации" [2], поэтому можно говорить о контекстуально-ситуативных пунктуационных нормах, которые опираются на понимание сущности системы пунктуации и "выявляют высокую культуру письменной речи"[3].

1. Е.С.Шварцкопф. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. М., 1988. С. 34-36.

2. И.С.Валгина. Современный русский язык: Пунктуация. М., 1988. С. 16.

3. Там же.

В. Н. Немченко

АКЦЕНТНЫЕ НОРМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В УСТНОЙ РЕЧИ

Культура речи, как известно, определяется нормами литературного языка, в том числе и нормами акцентными. В современном русском языке акцентные нормы весьма неустойчивы, что подтверждается, в частности, результатами сравнения материалов разных словарей и наблюдениями над устной речью говорящих. В имеющихся толковых и специальных словарях для многих слов указываются разные акцентные варианты или же они по-разному характеризуются с точки зрения стилистической окраски, употребительности и т.д. Ср. описание в разных словарях таких слов, как, например: аналог, вахтер, индустрия, металлургия, мышление, обеспечение, обнаружение, упрочение, феномен, фольга, атомный, поисковый, украинский, удить, иначе, одновременно, между и др.

Характеристика акцентных вариантов перечисленных и многих других слов, содержащаяся в толковых и специальных словарях, не находит адекватного отражения в живой речи говорящих. Те из акцентных вариантов, которым в словарях отдается предпочтение по стилистическим или иным соображениям, в устной речи далеко не всегда преобладают над другими вариантами. В ряде случаев в речи довольно широко используются (а иногда и преобладают) варианты, которые в словарях сопровождаются ограничительными или запретительными пометами или же рассматриваются как стилистически сниженные, устарелые, устаревающие и т.п. Несоответствие словарной характеристики акцентных вариантов слов и их использования в устной речи можно показать на примере одного слова – наречия одновременно, которое в словарях обычно приводится в двух акцентных вариантах и в обоих вариантах довольно часто употребляется в устной речи.

В разных словарях дается разная акцентная характеристика слова одновременно. В одних словарях указываются два акцентных варианта этого слова (одновре́менно и одновреме́нно) как равноправные (см., например, четырехтомный академический "Словарь русского языка"). В других словарях предпочтение отдается одному из этих вариантов (одновреме́нно), а другой (одновре́менно) сопровождается ограничительными пометами (см.: семнадцатитомный "Словарь современного русского литературного языка", а также

словари-справочники "Русское литературное ударение и произношение" и "Русское литературное произношение и ударение" под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова). Есть и такие словари, в которых указывается лишь один из названных выше вариантов (одновременно). (См.: учебный словарь "Лексическая основа русского языка" под ред. В. В. Морковкина").

В современной устной речи оба акцентных варианта наречия одновременно используются приблизительно в одинаковой мере. По нашим наблюдениям, из 2384 случаев употребления данного слова на долю варианта одновре́менно приходится 1132 случая, что составляет 47,48%, на долю варианта одновреме́нно – 1252 случая, или 52,52%. При этом употребительность (частотность) разных вариантов очень заметно различается у говорящих разных категорий. В речи артистов театров и кино, которая ориентируется, по-видимому, на художественный стиль речи, частотность обоих вариантов близка к общей их частотности (для варианта одновре́менно она равна 97 словоупотреблениям из 209, или 46,41%, для варианта одновреме́нно – 112 словоупотреблениям, или 53,59%). Вариант одновре́менно явно преобладает в речи журналистов, отражающей публицистический стиль (484 словоупотребления из 598, или 80,94%), и, особенно, в речи дикторов радио и телевидения, в наибольшей мере использующих кодифицированную речь (432 словоупотребления из 436, или 99,08%. Вариант одновреме́нно преобладает в речи научных работников (включая преподавателей вузов), которая, очевидно, отражает научный стиль (663 словоупотребления из 695, или 95,40%), и в речи говорящих, отнесенных нами к категории прочих, т.е. не вошедших ни в одну из названных выше категорий и в значительной мере отражающих в своей речи разговорный стиль (359 словоупотреблений из 446, или 80,49%).

Наши наблюдения над устной речью и анализ наблюдаемых явлений убедительно подтверждают мысль о том, что при установлении акцентных норм современного русского языка необходимо учитывать особенности использования акцентных вариантов в речевой практике. Это должно найти отражение и при акцентной характеристике варьирующихся слов в словарях. Что касается рассмотренных выше вариантов слова одновременно, следует признать неправомерным выделение одного из них (одновреме́нно) как основного, доминирующего; результаты анализа устной речи дают основание считать оба варианта равноправными.

Никитина А.Х.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ АНТИЦИПАЦИЯ КАК РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ.

1. Последние десятилетия нашего века справедливо называют Риторическим Ренессансом. Актуальность риторических исследований, которые с различных позиций ведутся во многих странах, связана со стремлением овладеть механизмом целенаправленного речевого поведения. Информационная насыщенность достигла такого уровня, который можно назвать "информационной радиацией". Всепроникающий характер информации, распространяемой по многим каналам, предопределяет необходимость овладения риторическими средствами, наиболее адекватными целям и намерениям ритора.

2. Риторический арсенал, сложившийся в результате многовековой исследовательской традиции, в каждую историческую эпоху претерпевает определенные изменения. Совокупность языковых средств не может быть заданной раз и навсегда. Что-то отмирает за ненадобностью, что-то рождается или переоценивается современниками. Синтаксическая антиципация является одним из наиболее активных риторических средств современной речевой практики, однако она не нашла достаточного отражения в лингвистических исследованиях. Основное назначение этой фигуры – материализация "эффекта предвосхищения".

3. Синтаксическая антиципация представляет собой отчетливо интонированное синтаксическое единство с выдвинутым в препозицию дейктическим компонентом, предвосхищающим содержание своего бинарно противопоставленного коррелята. / Пр.: Сейчас их много, экологических движений и групп./"Собеседник", № 44, 1988//. Исследование конкретных речевых реализаций показывает, что синтаксическая антиципация принимает разнообразные формы выражения. Эта риторическая фигура реализуется в предложениях различных типов, сверхфразовых единствах и текстах, что подтверждает убедительность вывода о необязательности критерия "обозримого размера", выдвигаемого традиционной риторикой как релевантного признака фигуры. Отмечены и многие специфичные манифестации, например, дубль-антиципация параллельного и перекрестного типа, радиальная антиципация, раритетные формы выражения.

Л.А.Новиков

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОЦЕНКЕ НОРМЫ

Язык как важнейшее средство общения, самовыражения и воздействия должен обладать как ортологическими (нормативными), так и эстетическими свойствами своих единиц, реализуемых и взаимодействующих в речи.

Фактор эстетической оценки присутствует в норме, в ее выборе из числа наличных возможностей. Именно поэтому литературная речь – не только правильная, но и эстетически маркированная по отношению к отступлениям от нормы.

Возросший интерес к прагматическому аспекту языка (семиотическое отношение "знак – человек"), к аксиологическому рассмотрению его единиц и форм выдвигает в качестве актуальной проблему эстетического в норме.

Эстетическая оценка в языке опирается на философское понимание прекрасного (Платон, Кант, Шопенгауэр, Гегель, Кроче, Вл.С.Соловьев, Г.Г.Шпет, П.А.Флоренский, А.Ф.Лосев). Весьма плодотворной для интерпретации нормы в этом аспекте представляется концепция эстетики как эмпирической науки (П.А.Флоренский).

В докладе на материале различных уровней языка (фонетика, словообразование, лексика, грамматика) дается лингвистическая конкретизация понятия "эстетически предпочтительное" и намечаются критерии эстетической оценки нормы, исходя из системы и национальной специфики языка.

Эстетика нормы – не только продукт коллективной деятельности народа; в ней находят отражение индивидуальное творчество, стиль писателя, авторитет личности. Норма первоначально творится в индивидуальных стилях, как бы отливаясь в "средние итоги" и одновременно предпочитаясь другим благодаря авторитетности своего происхождения (ср. у К.Фосслера: "сначала стилистика, а потом синтаксис... Каждое средство выражения, прежде чем стать общепринятым и синтаксическим, первоначально и многократно было индивидуальным и стилистическим".

В докладе рассматривается вопрос о бессознательном в норме (оценка и выбор норм в фоносемантике).

Н.В. Новикова

К ПРОБЛЕМЕ НОРМАТИВНОЙ ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВЫХ НОВАЦИЙ

В условиях возросшей политической активности общества социальная лексика русского языка пополняется и обновляется со стремительной быстротой. Динамичность и своеобразие языковых изменений привели к актуализации ряда тенденций, реализующихся в парах таких, например, противодействующих друг другу процессов, как национализация и интернационализация, центризация и периферизация, эллитизация и "гиперхарактеристика" и др. И хотя члены этой корреляции противопоставлены друг другу, их полярность в конечном счете нейтрализуется в соответствующем акте коммуникации (Л.Горалик, 1989). Это приводит к необходимости пересмотра целого ряда "статичных" рекомендаций в области культуры речи и к выдвижению на первый план коммуникативного аспекта, учитывающего специфику использования средств той или иной функциональной разновидности языка. Лингвистические оценки новаций в нормативно-стилистическом плане становятся более гибкими, учитывающими не только и не столько соответствие/несоответствие новой единицы "отстоявшимся" литературным образцам, сколько тип текстовой организации, направленность высказывания, индивидуальное владение стилем и ряд других параметров оценки языковых фактов.

Такой переход от жесткого монополизма выбора лишь одного образования из ряда потенциально возможных вариантов – к плюрализму средств выражения, входящих в систему регистров определенного функционального стиля, открывает возможность выработки и распространения таких норм, которые с максимальной полнотой отразят все лексическое богатство современного русского языка и помогут повысить речевую культуру коллектива.

Говоря об оценках новых языковых фактов, необходимо выработать функциональный подход и к такому весьма сложному явлению, как заимствование. Очевидно, принцип коммуникативной целесообразности нормы должен и в этом случае стать основополагающим.

Н.В.Новинская

НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ СЛОЖНЫХ ТЕРМИНОВ-ЭПОНИМОВ.

Термины-эпонимы занимают обособленное место в системе языка науки из-за особенностей семантики входящих в них имен собственных. В частности, сложные термины-эпонимы, в которых антропоним находится в препозиции к определяемому слову, имеют своеобразное орфографическое оформление. В подобных терминах имя собственное пишется через дефис и со строчной буквы: бозе-частица (по фам. Бозе), оже-спектроскопия (по фам. Оже), фибоначчи-компьютеры (по имени, а точнее прозвищу выдающегося итальянского математика XIII в. Леонардо Пизанского).

Л.П.Калакуцкая и Б.З.Букчина относят первые компоненты таких терминов "к обширной группе несклоняемых аналитических прилагательных"[1] типа брутто, нетто, хаки и др.

Указанные прилагательные могут находиться как в постпозиции, так и в препозиции к определяемому слову, в зависимости от этого варьируется их орфография : в положении после определяемого слова они пишутся раздельно (вес брутто, вес нетто, цвет хаки и т.п.), в положении перед ним – через дефис (брутто-вес, нетто-вес и т.п.).

Как отмечают авторы, "такое орфографическое разграничение соответствует грамматической сущности явления : постпозиция для рассматриваемого типа является нормальным, "прямым" порядком слов, ср.: пальто ученика, публика амфитеатра и пальто беж, язык хинди. Этот нормальный порядок слов для несогласованных несклоняемых определений орфографически оформляется раздельным написанием. Когда же такое несклоняемое определение находится перед определяемым словом, то этот инвертивный для него порядок слов оформляется дефисным написанием[2]".

Сформулированный орфографический принцип распространяется на достаточно широкий круг языковых явлений. Во-первых, он определяет написание группы слов с компонентами мини-, миди-, макси- и др., вопрос о принадлежности которых к аналитическим

прилагательным до сего времени остается дискуссионным.

Во-вторых, этот принцип в основном соблюдается в терминологической практике, для которой важно не то, как называть образования подобного типа – аналитическими прилагательными, несогласованными определениями и т.д., а правильное орфографическое оформление терминов.

Термины-эпонимы ферми-уровень, фурье-синтез, карно-цикл и др., в которых имя собственное подверглось апеллятивации и утратило онимическое написание, имеют обычно дублетные формы в виде терминов-словосочетаний : уровень Ферми, синтез Фурье, цикл Карно и др. В приведенных примерах Ферми, Фурье, Карно – несклоняемые имена собственные.

К рассмотренной группе относятся также словосочетания, в которых в качестве определения используются склоняемые имена собственные, но в данных словосочетаниях употребляющиеся в несклоняемой форме. В этом случае отсутствие склонения орфографически выражается дефисом : джонсон-эффект, комптон-эффект, роза-диаграмма, адамар-спектрометры и т.п.

Поскольку для данных образований отсутствуют четко сформулированные орфографические правила, в научной литературе встречаются колебания, проявляющиеся в дефисном, слитном или раздельном написании терминов-эпонимов, а также в написании начальной буквы : Фурье-ряд, фурье ряд и фурье-ряд; Комптон-эффект, комптон-эффект и т.д.

Однако, несмотря на колебания, четко прослеживается общая тенденция – если несклоняемое имя собственное или имя собственное в несклоняемой форме находится в препозиции к определяемому слову, оно пишется со строчной буквы и через дефис. Подтверждение этому находим в анализируемом материале, особенно в текстах научного, научно-популярного и научно-публицистического характера.

[1]Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Орфография и грамматика (на материале терминологической лексики)//Терминология и культура речи.- М.: Наука, 1981.- С.141.

[2]Там же, с. 138.

Онипенко Н.К.

Русский синтаксис и проблема синтаксической нормы

1. Семантический бум 60-70-х гг. и прагматический бум 80-х повернул лингвистику к синтаксису: синтаксис стал пониматься не как совокупность ничего не значащих структурных схем, а как область тесного взаимодействия Формы, Значения и Функции.

2. До недавнего времени в описаниях русского синтаксиса преобладала морфология, т.е. основой синтаксической классификации являлась морфологическая форма. Именно на этом этапе развития русистики возникла проблема выбора конкретной словоформы, что выразилось в необходимости выявления условий употребления конкретных морфологических форм слова и формулирования соответствующих правил. Совокупность этих правил выводилась за рамки грамматики и оказывалась в компетенции теории культуры речи.

3. Анализ синтаксических конструкций в аспекте культуры речи, с одной стороны, и в аспекте лингвистической прагматики, с другой, показал, что принадлежность слова к определенному категориальному классу (внутри части речи) определяет не только его морфологическую парадигму, но и его синтаксическое функционирование. Решение проблемы выбора конкретных словоформ привели исследователей к пересмотру критериев идентификации синтаксических единиц; проблема выбора формы слова переросла в проблему минимальной синтаксической единицы.

4. Нормативный аспект русского синтаксиса – это направленность его на непосредственного пользователя. В синтаксисе как науке нет объекта нормализационной деятельности, но есть проблема познания законов взаимодействия Формы и Значения. Знание этих законов позволяет говорящему порождать синтаксически правильную речь, незнание – приводит к высказываниям типа *По приезду на родину он был брошен в тюрьму; *Мама купила мазь для комаров; *А я ответственный за пожар.

5. Теория культуры речи оказалась следствием неудовлетворенности исследователей формальной грамматикой русского языка. Внимание к употреблению конкретных морфологических форм слова позволило обнаружить новое в русской синтаксической системе. Так,

внимание к условиям употребления деепричастия позволило увидеть разницу между законами осложнения по линии модуса и по линии диктума. В.А.Ицкович (а позже Т.В.Шмелева) обнаружил "возможность" нарушения требования односубъектности, а именно - выявил условия функционирования деепричастных оборотов как средства выражения модуса.

6. Проблема синтаксической нормы - это проблема морфологической техники, морфологической вариантности: это не синонимия двух синтаксем, а вариантность двух (или более) морфологических форм слова. Случаи вариантности фиксируют момент возникновения новых синтаксем.

7. Нормативный аспект синтаксиса - это отражение грамматики говорящего о правилах, предназначенных для говорящего. В основе этих правил - закономерности, обнаруженные теорией речевых актов (изучающей диалогическую речь) и синтаксисом текста (изучающим монологическую речь).

8. Необходимость однозначного понимания текста прямо связана с закономерностями взаимодействия Формы и Значения на всех уровнях синтаксической системы. Теория синтаксической нормы обнаруживает и фиксирует случаи двоякого понимания конкретных синтаксических построений, формулирует правила, позволяющие говорящему избежать двусмысленности фразы. Эти правила оказываются тесно связанными с проблематикой теории референции: правила употребления местоимений третьего лица определяются, прежде всего, отношением кореферентности (которое изучается в рамках лингвистической прагматики).

9. Для современной русистики оказывается актуальным более тесное взаимодействие различных областей науки. Результатом этого взаимодействия может стать более адекватное описание русского синтаксиса, как в аспекте синхронии, так и в аспекте диахронии. Теория культуры речи позволит выявить наиболее трудно осваиваемые участки русской синтаксической системы и отразить их в соответствующих справочниках и пособиях.

М.В. Орешкина

О ПРОБЛЕМЕ ВАРИАНТНОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Среди проблем, связанных с культурой речи, на передний план по своей актуальности и остроте выдвигается проблема культуры русской речи в условиях национально-русского двуязычия. Исследование как теоретических, так и практических аспектов культуры речи в условиях билингвизма имеет свою специфику, т.к. "иноязычное влияние и отклонение от литературных норм может иметь иной характер, чем в русскоязычной среде" [I].

Особенно важной здесь является проблема вариантности, связанной с процессами заимствования и освоения иноязычной лексики на всех уровнях системы русского языка: фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексико-семантическом и стилистическом. Процесс освоения иноязычных слов на каждом ярусе языка характеризуется определенными специфическими чертами и обладает различными потенциальными возможностями в отношении полной адаптации заимствуемых слов в языке-приемнике.

Вопросы нормализации заимствованных слов и связанное с этим явление вариативности нами рассматривается на материале лексики языков народов СССР в аспекте ее формального освоения средствами русского языка.

Вариантность заимствований широко наблюдается в области графемно-фонетического освоения слов (дастан – дестан "поэма", хамса – камса "мелкая морская рыба"), орфографического (тулпар – Тулпар "сказочный крылатый конь", махаля – махалля "городской квартал"), морфологического (колебания родовой отнесенности: дутар – дутара "музыкальный инструмент", эджиб – эджиби "высший чиновник"), словообразовательного (рубобист – рубобщик – рубобчи "музыкант", чайханщик – чайхоночи "содержатель чайханы").

Формальное варьирование слов, пришедших в русскую речь из различных языков нашей страны, обусловлено многочисленными и разнохарактерными причинами, связанными как с особенностями системы принимающего, т.е. русского языка, так и с условиями билингвизма, с особенностями передающих языков, с различными социально-культурными, психологическими и другими особенностями.

Одним из основных факторов, обусловливающих сильное коле-

бание формы иноязычных слов на русской почве, выступает параллельное заимствование одного и того же слова (понятия) из разных близкородственных, например тюркских, языков. Такой вариантный ряд может состоять из двух-трех и более "географических" вариантов заимствования: из узб. шорпа "суп" – из кирг. сорпо; из узб. аул – из кирг. аил – из тувин. аал; из узб. коса "большая чашка в форме пиалы" – из кирг. кисе – из казах. киса – из туркм. каса.

Явление варьирования средств выражения в принципе свойственно системе языка, однако в процессе своего развития оно эволюционирует в сторону преодоления, сглаживания различий, т.е. в сторону унификации вариантов. В настоящее время о необходимости кодификации написания заимствований из языков народов СССР пишут многие исследователи, подчеркивая, что увеличивать количество "местных вариантов" иноязычных слов нецелесообразно [2].

Перед лингвистами, разрабатывающими проблемы формального варьирования языковых средств, конкретно, графемно-фонетического, орфографического и грамматического варьирования заимствований из национальных языков в русском языке, стоит несколько частных задач: а) разграничение вариантов по признаку освоенности – неосвоенности в системе русского языка, нормативности – ненормативности с точки зрения норм современного русского языка; б) выделение инвариантов во всех конкретных случаях и на всех названных уровнях языка, насколько это возможно. Более общими задачами являются определение ортологического отношения и подхода к инвариантности как решению проблемы нормализации заимствованных средств, а также проблема кодификации и унификации вариантных написаний заимствованных слов, что сопряжено со многими сложностями: необходима единая общественная оценка указанных фактов, последующая целенаправленная нормализаторская деятельность специалистов по русскому языку и по соответствующим национальным языкам, которые смогли бы разработать конкретные рекомендации по унификации заимствованных слов из языков народов СССР.

[1] Русский язык как средство межнационального общения народов СССР. Основные направления в разработке проблемы. М., 1982. С. 41.

[2] См.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977. С. 80.

А.Б.Пеньковский

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ РУССКИХ НАРЕЧИЙ

1.0. Русская грамматика, следуя традиции, освященной авторитетом Л.В.Щербы, рассматривает наречия как "формальную, малосодержательную категорию" и, видя в основной их массе лишь результат транспозиции прилагательного, отказывает им и в собственной семантике, и в собственной грамматике. Если первая выводится из семантики мотивирующих прилагательных, то вторая сводится к обстоятельственной семантике их лексических разрядов.

2.0. Естественно поэтому, что русская лексикография, отражая рисуемую грамматикой картину адвербиального мира, либо вообще отказывает большинству русских наречий в лексикографической обработке, либо сводит ее к некоторому минимуму, пределом которого оказывается или чистая фиксация наречного слова – без помет, толкования и иллюстраций /так в БАС и МАС/, или голый пример его употребления /обычно в виде краткого речения/ – без помет и толкования /так в Уш. и Ох./.

3.0. Исходя из сказанного, можно утверждать, что ни грамматики, ни словари не содержат необходимой и достаточной кодификационной информации о русских наречиях, – и особенно той, поиск которой диктуется культурно-речевыми запросами. Имеется в виду та информация, которая необходима для того, чтобы всякий, у кого возникнет сомнение в правильности –неправильности /нормативности–ненормативности/ данного наречного словоупотребления, мог, обратившись к словарю, найти в нем искомый – в идеале достаточно полный – содержательный ответ на свой вопрос. Вот несколько наречных контекстов, которые могли бы вызвать движение рефлектирующего языкового сознания: Он проворно моргал глазами и губами подергивал... /Тургенев/; Я исчислял уже в уме все приятности и веселился в духе предварительно... /А.Болотов/; – И послужить-то не дали, а ух укорили, – обидно ответил заседатель /Н.Наумов/; Думая о прозе Т.Толстой, я навязчиво вспоминаю булгаковскую фразу... /Лит. Обозр./; Я самопроизвольно не поехал дежурить по выставке... /А.В.Дружинин/; Старший унтер-офицер подошел и отчетливо взял под козырек /А.Н.Толстой/; Молодые люди охотно разговорились... /М.В. Сабашников. Воспоминания/; При гибели одной неизбежно гибнет

и другая, только одна насильственно и сразу, а другая - естественно и не сразу /Наука и религия/... Какая норма стоит за каждым таким фактом? Что именно делает для нас неприемлемым или по крайней мере не вполне оправданным каждое данное наречие в каждом данном контексте? Ответить на такого рода вопросы - на своем специфическом языке - должен словарь.

4.0. Для этого необходимо, чтобы лексикография преодолела традиционное отношение к наречию как к классу слов "второго эшелона" и распространила на них общие принципы лексикографического описания.

5.0. В качестве исходного здесь должен быть принят принцип презумпции семантической самостоятельности наречий, и потому - каждое наречие должно быть подвергнуто индивидуальному семантическому анализу; каждому наречию должна быть посвящена монографическая словарная статья; каждое значение должно получить развернутое описательное толкование, не подменяемое, как это часто делается, образующими круг отсылками к ближайшим членам соответствующего синонимического ряда.

6.0. В этих целях могут и должны быть:

6.1. Выработаны и последовательно проведены приемы формульного толкования типовых наречных значений. Такова, например, формула "так, что / чтобы..." // "так, что / чтобы не..." /Пеньковский, 1987/.

6.2. Расширены и углублены представления об уже известных типах наречных значений. Таково, например, значение причины, которое - вопреки общепринятому мнению - отнюдь не замкнуто в узком кругу наречий типа спьяну и потому, но обнаруживается - на принципе регулярной многозначности - в нескольких наречных группах иной семантики /Пеньковский, 1988, 1990/.

6.3. Выявлены и описаны не известные ранее типы наречных значений. Таково, например, близкое к причинному значение соответствия-основания, имеющее в качестве не выделявшегося до сих пор противочлена значение уступки, способное в определенных контекстах трансформироваться в значение условия.

6.4. Выявлены и описаны специальные наречные суппрепозиции и амальгамированные оценочные, прагматические и т.п. компоненты наречных значений /Пеньковский, 1987/.

7.0. Должен быть развеян миф об аграмматичности наречий. Необходимо признать, что наречия обладают своей собственной,

но только скрытой грамматикой и что именно словарь может сделать эту скрытую грамматику явной.

7.1. Находясь на службе у глагола, наречия так или иначе подключаются ко всем основным грамматическим категориям глагола - переходности, залога, вида, наклонения и времени.

7.2. На этой же основе наречия включаются в субъектно-объектные отношения, получают "субъектно-объектную ориентацию" /Пеньковский, 1987/. С этим связана важнейшая категориальная грамматическая функция наречий - функция "векторного" слова, выполняя которую, наречия могут характеризовать различные типы субъектов и объектов /отсюда и способность наречий "управлять"/, приобщаясь тем самым к системе средств выражения таких "длинных семантических компонент", как "одушевленность - неодушевленность", "единичность - множественность" и др. Есть все основания считать подобные значения категориальными семантическими признаками грамматики наречий.

8.0. Как и другие элементы целостной адвербиальной семантической структуры, каждый такой признак выявляет себя через определенные сочетаемостные, позиционные, конструктивные и др. ограничения, которые накладываются на употребление наречного слова. Именно эти ограничения и составляют сущность действующих норм наречного словоупотребления, которые требуют кодификации и должны быть отражены словарем. Есть два пути решения этой задачи:

8.1. Экспликация скрытых элементов значения наречия прямо в составе его развернутого толкования /ср.: бережно - так, чтобы не причинить вреда объекту действия'/ или через специальные грамматическ. э пометы /ср.самопроизвольно - неодушевл., субъектн./, что предполагает установление списка таких элементов и описывающих их помет.

8.2. Описание ограничений на употребление наречного слова, что предполагает разработку специальных - ограничительных - помет.

9.0. Поскольку действующие узуал ные нормы наречного словоупотребления в своем подавляющем большинстве это нормы позднего сложения, только что завершившие или завершающие формирование, словарь должен содержать указания на нормы предшествующего периода /XIX- нач. XXвв./.

Е.Т.Прохоренко

ЖАНРЫ МАССОВЫХ МАЛЫХ ФОРМ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

С возрастанием роли деловой сферы в условиях научно-технической революции, расширением связи науки и производства появляется много жанров, совмещающих в себе черты научного и делового функциональных стилей.

Наряду с традиционными видами документов /законы, приказы, акты и т.п./, которые являются предметом исследования для документоведов, терминологов и лингвистов, существуют так называемые "массовые жанры" или "жанры массовых малых форм":

инструкции, руководства, указания по эксплуатации бытовых приборов, описания их работы;

паспорта и технические инструкции к детской игрушке, описания правил игры и т.п.

Эти письменные разновидности деловой речи* до настоящего времени не подвергались лингвистическому анализу в существующих исследованиях функциональных стилей.

Понятие жанра массовых малых форм является по своей природе "родовым", содержащим меньшие по объёму видовые образования. Видовая дифференциация текстов ставится в зависимость от целей и задач документов. Мы выделяем 9 основных, наиболее контрастных разновидностей массово-инструктивных текстов:

руководство, инструкция, описание, наставление, паспорт, этикетка, аннотация, памятка, формуляр.

Отдельную группу представляют тексты без названия, состоящие из различных вариантов комбинаций вышеназванных групп.

В свою очередь специфика обращения перечисленных документов к широкому кругу потребителей обуславливает активное функционирование рекламных отрезков текста в его общей структуре. Это даёт основание к разделению всех видов массовых жанров на две большие группы, учитывая наличие или отсутствие в тексте языка рекламы.

Многочисленные критические замечания в адрес языка инструкций и описаний, структурно-композиционной пестроты текстов документов подтверждают необходимость серьезного анализа проблем нормативно-стилистической оценки массовых жанров.

*Примечание: данные жанры мы считаем особыми периферийно-пограничными разновидностями научно-делового подстиля деловой речи.

О.Г.Гевзина

СТИЛИСТИКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Различие между стилистикой и культурой речи лежит по линии природа – культура. Для стилистики язык, его стилистическая система, закономерности её функционирования – природный объект, формирующийся независимо от человека в процессе исторического развития для удовлетворения коммуникативных нужд языкового социума. Для культуры речи язык и формы его использования – культурный, обработанный объект, в котором велика сознательная деятельность человека. Культура речи прозревает в языковой системе его лучшую, исторически оптимальную форму и насаждает её как прошедший огранку драгоценный предмет. Культура речи вносит мотив сознательного отношения во все составляющие акта коммуникации. В субъекте речи она видит сознающую себя языковую личность, которой ведома причастность к историческому существованию языка, доступны типы и структуры языкового поведения, известно понятие о культуре языкового мышления и формах его реализации. Культура речи не может и не должна ограничивать себя нынешним традиционно сложившимся комплексом подлежащих её ведению проблем. Будучи единственной из лингвистических дисциплин, в которой аксиологические ценности и деонтологическая направленность составляют едва ли не ядро, культура речи естественно инкорпорирует всё пространство культурного языкового существования как свой неотъемлемый материал. Культура в целом определяется как "ненаслед-

ственная память коллектива"/Ю.М.Лотман/, и близка к ней культура речи. В корпусе гуманитарного знания её место – не на периферии и не в некоем необязательном статусе, а в центре как форме герменевтического познания языка.

Культура речи распространяет своё действие не только на сферу массовидных форм человеческой коммуникации, но и на словесно-художественную деятельность, на сферу эстетических оценок. "Идеальные возможности собственного языка"/выражение Г.О.Винокура/ выявляются и обосновываются в культуре речи как эстетически и, что существенно, как этически ценные. Для Г.О.Винокура пуризм – это "культура языка", и данное определение проникнуто глубоким смыслом. Именно на этом пути вскрывается самообман ложных посылок хаотической языковой свободы, ведущей к примитивизму, упрощенчеству и сниженности нравственно-языковых норм обыденно-стереотипного, общественного и художественного мышления. Лингвистическая культура современной языковой жизни общества несет черты утраты ценностных языковых ориентиров, что должно стать предметом пристального внимания и воздействия со стороны специалистов по культуре речи.

В решении этой задачи важно выявить наметившуюся смену языковых авторитетов. Среди писателей лишь единицы могут претендовать на эту роль, меж тем как личностную и языковую притягательность имели некоторое время экономические и общественно-политические, ныне же религиозно-философские тексты.

Н.Н.Розанова

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

В настоящее время существует обширная литература, посвященная изучению современных произносительных норм. Большинство этих исследований ограничивается описанием произношения изолированных слов, употребляемых вне контекста. (Лишь в отдельных случаях авторы отмечают особенности произношения сочетаний слов: знаменательных с энклитиками или проклитиками либо двух знаменательных). Наиболее полное и последовательное описание русского литературного произношения было проведено Р.И.Аванесовым в его книге "Русское литературное произношение". Этот же подход отражен в "Орфоэпическом словаре русского языка". Большинство работ по орфоэпии содержит набор правил и рекомендаций по современному русскому литературному произношению. Однако нередко пользование этими правилами в конкретных речевых ситуациях (даже в наиболее "строгих" коммуникативных сферах) затруднено, т.к. слова, включенные в конкретный речевой контекст, подчиняются иным закономерностям, нежели слова, произносимые изолированно. Описание этих закономерностей пока не получило отражения в литературе по орфоэпии.

Этапу выведения общих правил и закономерностей должен предшествовать этап наблюдения и исследования реальной речевой ситуации. Предлагается выделить несколько уровней* описания произносительных норм современного русского литературного языка: 1) уровень слова, 2) уровень словосочетания, 3) фразовый (или текстовый) уровень.

На каждом из уровней выделяются свои произносительные закономерности, а одни и те же факты могут оцениваться по-разному с точки зрениях их нормативности. Так, например, при изоли-

---

* Слово "уровень" не имеет в данном случае терминологического значения.

рованном произношении в окончаниях прилагательных на -ая, -ое желательно сохранение звука [j], но при включении таких слов в речевой контекст [j] обычно утрачивается.

Описание особенностей литературного произношения на фразовом уровне невозможно без изучения воздействия различных просодических средств на сегментный (звуковой) состав слова. В современных исследованиях по орфоэпии просодия учтена минимально: рассматривается лишь словесное ударение с точки зрения его воздействия на качество ударных и безударных гласных. При включении слова в речевой контекст оно подвергается активному воздействию таких просодических средств, как фразовый акцент, мелодика, темп, фонации и т.п. Целесообразно, с нашей точки зрения, выделение различных фразовых позиций, в которых сегментный состав слова может изменяться.

Проблема разграничения уровней описания литературных норм особенно остро встает при рассмотрении вопросов стилистической дифференциации литературного произношения. Так, например, в работах по фонетике РР разговорные произносительные особенности обычно сопоставляются с уже известными описаниями фонетики КЛЯ. Однако такое сопоставление не всегда корректно, т.к. в основу этих исследований положены разные принципы анализа материала. Разговорные произносительные нормы, выявленные на фразовом уровне, сопоставляются с нормами КЛЯ, в основу описания которых положено произношение изолированных слов. В частности, явление "нулевой" редукции безударных гласных считается специфически разговорной особенностью, не свойственной кодифицированному литературному произношению. В то же время исследования фонетики некоторых разновидностей устного КЛЯ показали, что данная произносительная черта при определенных фразовых условиях вполне нормативна и для кодифицированной речи.

Т.А.РОЧКО

Норма и произносительные варианты

I. Для выработки норм литературного произношения немаловажное значение имеет выявление орфоэпической ситуации в сценической речи, поскольку она, по мнению многих лингвистов, служит образцом литературной речи, воспитателем и хранителем орфоэпии. При изучении вопросов нормативности сценической речи актуально решение таких задач: I/ выявление орфоэпических вариантов, которые участвуют в создании нейтрального произносительного фона; 2/ исследование вариантов, которые могут получать стилистическую нагрузку.

2. Нейтральный фон не всегда эксплицирован в драматургических постановках, в таких случаях его неявная выраженность художественно оправдана. В спектаклях о деревенской жизни характеристики всех персонажей строятся на особенностях речевого поведения носителей диалектов, но оценка художественного мастерства создателей спектакля происходит в соответствии с известными и актёрам, и зрителям нормами русского литературного произношения.

3. Литературно допустимые варианты, не вошедшие в свод норм нейтрального фона, имеют тенденцию приобретать стилистическую нагрузку. Так, ́иканье и эканье, сосуществуя в современной сценической речи, имеют различные функциональные задачи. И́канье, как правило, является элементом нейтрального фона, но иногда способно нести эстетическую нагрузку. Э́канье, наоборот, эстетически значимо: оно способствует решению различных художественных задач, в том числе, созданию художественного образа. Однако конкретное эстетическое значение произносительных вариантов зависит от содержательно-художественного наполнения произведения и от сочетания с другими вариантами в данном звучащем тексте.

4. Выработка норм произношения осложняется противоречием, которое лежит в основе сценической речи: с одной стороны, она призвана быть хранителем орфоэпических традиций, с другой стороны, театр должен говорить со зрителями живым современным языком. Имея в распоряжении общелитературные и традиционные нормы, талантливые актёры используют это богатство для совершенствования сценической речи. Задача лингвистов - изучать их произношение.

Л.Г.Самотик

МАССОВОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

В г.Красноярске создана инициативная группа для массового лингвистического просвещения.В группу вошли преподаватели университета,пединститута,работники Дома политического просвещения, Красноярского филиала ВООПиК, священник прихода г.Уяр. Группа работает под руководством проф.А.П.Сковородникова. Работу ведут и специалисты,не входящие в группу.

Работа осуществляется по общему перспективному плану,выделены аспекты языка для массовой пропаганды в соответствии с возможностями членов группы и интересами населения,определены методы и приемы работы.В данном сообщении представлены основные виды практической пропаганды:

I.Лекции для населения.2. Работа со средствами массовой информации. В краевой газете ведется постоянная рубрика,ориентированная на "язык города", по местному радио - рубрика в передаче "Сельское утро",ориентированная на "деревенскую речь".С одной стороны,в публикациях и передачах сообщаются общие сведения о языке,с другой, в них используется материал местного характера (диалектные записи XIX века и современные, данные диалектных словарей,сведения о региональном варианте литературного языка,микротопонимах г.Красноярска и т.д. Упоминаются имена жителей края,прослушиваются записи их речи),ведется работа с письмами. 3. Работа с УМЛ.На всех факультетах университета марксизма-ленинизма читается курс культуры речи.В Доме политпросвещения работает кабинет культуры речи. С 1990-91 г.г. планируется открытие факультета русской культуры с отделением традиционной русской сибирской культуры для всех желающих. В учебном плане факультета предполагается значительное число лингвистических дисциплин.Готовится к изданию терминологический словарь по культуре речи,стилистике и риторике для пропагандистов.4.Работа в Обществе по охране памятников.Открыта филологическая секция при Красноярском отделении ВООПиК. Проводятся комплексные гуманитарные экспедиции на север края, в состав которых включаются желающие (в основном,это студенты разных факультетов вузов и училища искусств города). Основная группа участников экспедиции

выступает с отчетно-концертной программой в университете,пединституте, школах и библиотеках города. По результатам экспедиционной работы в крае выделены две охранные зоны традиционной русской сибирской культуры,ставится вопрос о включении их в Свод памятников. 5. Работа в театрах. Делаются сообщения о нормах литературного языка и сценической речи. Записывается речь отдельных актеров,анализируется.Выделяются элементы регионального варианта литературного языка,даются рекомендации для стилизации с учетом общего фона. В перспективе планируются консультации по стилизации народно-разговорной речи в новых спектаклях. 6. Работа в школе. В 2-х школах города организованы старшие классы с гуманитарным уклоном (русский язык,литература,история), в этих классах проводятся занятия по культуре речи по авторским программам.Подготовлена комплексная программа по культуре речи: уроки общения в начальных классах - речевой этикет, в средних - ролевые игры в определенных языковых ситуациях (театр,почта,магазин;деловое общение и т.п.), в старших - курс стилистики с акцентом на стилистических (риторических) фигурах. Разработан план пособия для старших классов,куда включен теоретический материал и практические упражнения как предваряющие теорию и рассчитанные на наблюдение текста,так и заключающие ее и рассчитанные на анализ текста, частичное продуцирование текста,продуцирование микротекста по опорному материалу.

Работа по массовому лингвистическому просвещению,очевидно, включает в себя курсы по культуре речи в вузах и на факультетах с нефилологическим профилем, которые читаются сверх учебных планов. Такие лекции и практические занятия проводятся на юридическом факультете университета, в Институте цветных металлов почти на всех факультетах, в Строительном институте на архитектурном факультете. Просветительная работа заключается и в подготовке к изданию буклетов в системе ВООПиК, методических рекомендаций для пропагандистов,для студентов нефилологических факультетов.

Работа по пропаганде лингвистических знаний входит как составной элемент в общее движение за культуру Сибири и развивается не автономно, а в тесной связи с работой по охране памятников культуры,по распространению знаний о крае и русских.

О.И.Северская

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: К ПРОБЛЕМЕ УСПЕШНОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ

I. Сложившееся в современной прагматике представление о поэтическом тексте как коммуникативном событии, специфическом речевом акте – "приглашении" адресата принять особое видение мира (proposal, по И.Левенберг; ср. также работы Р. де Богранда и В.Дресслера, Т. ван Дейка, Р.Омана), в свою очередь подразумевает особую интерпретацию условий успешности поэтической коммуникации. Впервые эта проблема была поставлена Л.Пратт, применившей к анализу литературных текстов коммуникативные постулаты Г.Грайса. Подобный подход, на наш взгляд, сосредоточивает внимание на иллокутивном и перлокутивном значении, оставляя в тени специфические особенности локуции, в том числе механизмы, обеспечивающие "усвоение" поэтического высказывания. Между тем именно принцип "обеспечения усвоения" (Дж.Остин), интерпретируемый как "присвоение", основанное на возможности открыть мир, который задается референциальными и прагматическими характеристиками текста (П.Рикер), представляется одним из наиболее существенных условий успеха поэтической коммуникации.

2. Необходимым условием "присвоения" становится успешность референции. По Дж.Р.Серлю, осуществляя пропозициональный акт референции, говорящий выделяет некоторый конкретный объект, который и является основным предметом сообщения. Референция, при которой достигается однозначная идентификация объекта слушающим, считается завершенной, успешной же признается референция, которая может стать идентифицирующей при уточнении говорящим некоторых характеристик объекта. В коммуникативной ситуации поэтического текста, в котором "последовательности высказываний со сложными отношениями, предполагающими вербально невыраженные смыслы", становятся возможными вследствие совмещения и функционального преобразования параметров внутренней и внешней речи, а "неназывание предмета речи ... компенсируется ... его развернутой характеризацией" (И.И.Ковтунова), успех референции во многом определяется точностью предикации. В этой связи уместно вспомнить введенное Дж.Р.Серлем понятие "эффективного референтного выражения" – определенной дескрипции, указывающей на отли-

чительные свойства объекта, которые актуальны для говорящего и слушающего в контексте их коммуникации. Применительно к поэтическому тексту, где "контекст$_1$ как условия коммуникативной актуализации единицы оказывается зависимым от контекста$_2$ – языкового окружения в тексте" (С.Т.Золян), эффективными могут быть названы выражения, смысловые структуры которых становятся своеобразной инструкцией к поиску референта.

3. С этой точки зрения, выражения, представляющие собой сочетание метафорической дескрипции и имени определяемого ею референта, оказываются "сверхэффективными", поскольку обеспечивают автору и адресату прямой доступ к знанию о мире друг друга, ср.: Дерева невыполнимый жест – вихрь. ... Дерева срывающийся жест – лист (И.Жданов). Обращение к общему фонду знаний, подразумевающееся "указательной презентацией объекта", нередко оказывается единственным способом ввести "фильтр", проясняющий семантику предицируемого признака: Потомок гидравлической Арахны, персидской дратвой он сшивает стены, бросает шахматную доску на пол. [Зевает кот – расходится кругами ...] (И.Жданов). В этом случае субъективное представление о референте преломляется в образе стереотипной ситуации ("персидский кот, оставляя узоры царапин, точит когти о стену"), что делает возможным указание на предмет речи без передачи данных непосредственного восприятия (ср. тезис А.Вежбицкой). В роли "фильтра" могут выступать не только смысловые структуры объективных знаний о мире, но и структуры, определяющие денотативное пространство интерпретации. Так, в следующем примере: Море, что зажато в клювах птиц, – дождь (И.Жданов), – "объективное" представление о референте "дождь" позволяет первоначально определить смысл метафорической дескрипции как "летящие капли", который впоследствии уточняется при обращении к смысловому пространству мифа (море – "небесный океан", птицы – "души", дождь –"связующая нить между небом и землей"). Смысловые структуры, формирующие "качественное пространство" (термин У.Куайна), позволяют осуществлять референцию "по аналогии", ср.: стрелочник в горящих рукавах за волосы подвешен к пустоте и небо, разрывающее нас, – крест; душами разорванный квадрат – крест (И.Жданов).

4. В каждом из приведенных случаев успешность одновременного осуществления "разделенной референции" (У.Куайн) зависит от наличия устойчивых структур смыслов – по определению С.Т.Золяна, предельных значений, идентифицирующих инвариантные и вариативные референтные представления.

О.Б.Сиротинина

ВАРИАТИВНОСТЬ НОРМ УСТНОЙ РЕЧИ

I. Вариативность норм литературного языка (функционально-стилевые нормы) общепринята, но еще мало изучена. Вариативность норм устной речи оспаривается (О.А.Лаптева). Даже по отношению к письменной речи функционально-стилевое варьирование в справочниках и грамматиках отражено очень ограниченно, хотя иногда оно весьма существенно (например, причисление в "Русской грамматике" существительного болезнь только к существительным singularia tantum явно не соответствует практике медицинских текстов (ср. также в разговорной речи Меня замучили болезни).

По отношению к устной речи лучше всего изучена разговорная речь (хотя и не в нормативном аспекте), начато изучение научной и публицистической речи. Эти виды устной речи прежде всего различаются характером нормы.

2. Для разговорной речи не характерны нормы запрещающего типа, в научной и публицистической речи они широко представлены. В качестве нормы разговорной речи можно выделить типичное для нее, допустимое и нежелательное, однако все их объединяет факультативность (в разговорной речи нет ничего предписанного, обязательного, кроме соблюдения общих норм национального языка). В научной и публицистической речи сохраняются почти все запретительные нормы письменной формы, но к ним добавляется нежелательное и допустимое (в значительно меньших объемах, чем в разговорной речи).

Типичны для разговорной речи усиленная редукция, усеченные звательные формы, полные прилагательные в сказуемом, неполные предложения, бессоюзные конструкции и т.д.).

Допустимы в разговорной речи местоимения, употребленные без опоры на контекст, ненормативное для письменной речи употребление именительного падежа, заполнители пауз, если они разнообразны, добавления, связи свободного соединения и т.д.

Нежелательны длинные предложения, цепочки родительных падежей, развернутые словосочетания, деепричастные и причастные обороты , однообразные заполнители пауз, засорение речи нелитературными словечками (диалектизмы, жаргонизмы, окказионализмы) без их специального обыгрывания.

Недопустимы в разговорной речи нарушения норм национального языка (отсутствие родового согласования, склонения) и норм литературного языка без их обыгрывания (неправильные ударения, твердые согласные перед е в обрусевших словах). Однако разговорная речь наименее строга из всех видов устной речи даже к такого рода нарушениям:завоевание терпимого отношения к звóнит, прúговор, дóговор, фактическое вытеснение глагола надеть при употреблении вместо него одеть и т.д. Из разговорной речи возможно распространение в качестве новой нормы и на другие виды устной речи и даже на письменную речь.

3. В официальной устной речи (научной и публицистической) сильны запрещающие нормы: запрет неполного стиля произношения за исключением редуцированных имен и отчеств (явно распространяется полное произношение и в этих случаях), местоимений без опоры на контекст, нелитературных элементов.

Значительно слабее, чем в разговорной речи, проявления допустимого: допустимы добавления, разнообразные заполнители пауз хезитации, перестройки фраз на ходу, неполновалентные словосочетания.

Среди нежелательного есть общее с разговорными нормами (нежелательность причастных и деепричастных оборотов, трудных в условиях ограниченного объема оперативной памяти как для говорящего, так и для слушающего, чрезмерно длинных очень осложненных предложений, многокомпонентных цепочек родительного падежа), но есть и свои нежелательные явления (неполнота предложений, ненормативный именительный падеж, конструкции с дополнительной фразовой границей, со связями свободного соединения).

При этом в сфе е нежелательного существенны различия норм научной и публицистической речи. В научной речи нежелательна замена терминов менее точными словами, в публицистической речи нежелательно употребление терминов без их объяснения (и вообще большое их количество), но только допустимы, но даже желательны элементы образности. Публицистическая речь строже относится к использованию в ней длинных и осложненных предложений - они в ней нежелательны.

4. В любой монологической речи нормой является текстовая организация речи с эксплицитно логическим развертыванием мыслей.

Л.И.Скворцов.

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ИЗМЕНЕНИЕ НОРМ.

Условия демократизации и гласности в нашей стране, эпоха научно-технического прогресса создают целый ряд новых, ранее неизвестных общественных стимулов и факторов, которые оказывают существенное воздействие на функционирование и развитие современного русского литературного языка, на характер изменения и объективного варьирования его норм.

В ходе научно-технического развития происходит активное влияние научной речи на другие функциональные стили. Результатом такого влияния оказывается не столько прямое заимствование элементов научного или научно-популярного стиля в иностилевых образованиях, сколько возбуждение в последних их внутренних возможностей.

Взаимодействие на уровне синтаксиса таких стилей, как научный, разговорный и художественно-публицистический, способствует сближению книжной и разговорной речи, активизируя тем самым процессы дальнейшей демократизации литературного языка.

Развитие средств массовой информации в условиях демократизации культуры приводит к распространению новых норм и нормативных вариантов, повышению их авторитетности, и одновременно - к дальнейшему упрочению всей системы литературных норм как изменяющегося во времени культурно-исторического явления.

Среди следствий научно-технического прогресса в собственно языковом аспекте выделяются прежде всего следующие: 1/ изменение источника обогащения литературного языка; 2/ значительный рост иноязычных заимствований; 3/ перегруженность письменной речи техницизмами; 4/ общая "стандартизация" выражения под влиянием средств массовой коммуникации и информации, в первую очередь - радио, кино, телевидения, печати. В докладе предполагается дать краткую характеристику каждому из указанных следствий.

Ориентация на быстроту передачи и восприятия передаваемой информации неизбежно приводит к появлению и культивированию готовых конструкций, клишированных оборотов и даже целых словесных "блоков", которые становятся привычными, толкают к порче лингвистического вкуса говорящих и пишущих, к обеднению стилевого и лексико-фразеологического многообразия литературной речи.

Подобная "нивелировка" - прямое следствие урбанизации, широкого внедрения в нашу жизнь средств массовой коммуникации, а значит, и всеобщей экспансии книжных и газетных стилей и жанров в обиходно-разговорную речь - в силу их общественной авторитетности и своеобразной усредненной "правильности".

В современных условиях охрана языка от порчи и искажения или от ненужного внестилевого "усреднения" перерастает в подлинно экологическую проблему, в повседневную заботу о создании и поддержании здоровой, нормально развивающейся "языковой среды обитания". Воспитание любви к родному языку, обостренного чувства ответственности за его прошлое, настоящее и будущее и составляет существо экологического аспекта культуры речи.

В современном литературном языке происходит интенсивное сближение традиционных нормативных средств с разговорной стихией, городским просторечием, обиходно-разговорной речью, социальными и профессиональными диалектами. Известное раскрепощение литературных норм не должно, конечно, приводить к их расшатыванию или механическому "снижению". Напротив, оно должно создавать условия для богатства и разнообразия вариантных средств выражения, совершенствования речевой культуры.

Демократизация культуры и всей духовной жизни социалистического общества, развитие массового обмена информацией и знаниями на базе общелитературного языка приводят, а в дальнейшем все в большей мере будут приводить к усилению в сознании говорящих и пишущих роли и авторитета литературных норм, речевой культуры в целом. Перестройка экономической, политической и духовной жизни советского общества требует нового осмысления некоторых старых заветов в области национальной культуры, постановки их на службу современному социалистическому духовному возрождению, воспитанию и просвещению.

Г.Н.СКОВОРОДКИН

Толковый словарь как инструмент кодификации литературного языка

Обычный толковый словарь – противополагаемый тезаурусу – содержит сведения о слове, выполняющие те или иные кодифицирующие функции. Наиболее активным и теоретически обоснованным инструментом кодификации является словарь, отражающий тонкий хронологический срез, что дает возможность демонстрировать совмещение разных типов высказываний в одном узусе и тем самым фиксировать динамическое равновесие литературного языка. Необходимым методологическим условием построения такого словаря является разграничение понятий нормы и кодификации: норма объективно присуща языку, а кодификация привносится извне.

Выдвигая задачу адекватного отражения объекта, словарь решает ее в зависимости от того, насколько его авторам удается осознать и отразить языковую ситуацию описываемого хронологического отрезка. Применительно к современному русскому литературному языку языковая ситуация характеризуется "онаучиванием" языка, с одной стороны, и его дальнейшей демократизацией, с другой. Взаимодействие этих разнонаправленных процессов формирует все типы коннотаций, в функционально-стилистической квалификации которых и заключается кодифицирующая задача словаря: словарь утверждает в качестве общепринятых и социально узаконенных те или иные правила словоупотребления.

Доклад ставит своей целью описать с данных позиций функционально-стилистическую дифференциацию лексики, представленную в Новом академическом словаре.

А.П.Сковородников, З.И.Палиева

К ПОНЯТИЮ РИТОРИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

I. В работах советских и зарубежных авторов наметился чрезвычайно актуальный подход к исследованию риторико-коммуникативных проблем – этический. Одним из фундаментальных понятий современной риторики следует признать понятие риторической этики.

2. Риторическая этика, непосредственно связанная с проблемой соотношения (взаимодействия) языка и морали, определяется некоторыми исследователями в рамках определенной социально-политической системы, например, как "правила речевого поведения, целью которого является реализация коммунистической этики" (Рождественский Ю.В. Актуальные проблемы социалистической советской риторики// Риторика и стиль. М.: изд-во МГУ, 1984, с.12).

3. В этой связи следует заметить, во-первых, что коммунистическая этика реализуется не только в речевом поведении, но и во всем многообразии форм человеческой жизнедеятельности и, во-вторых, что лишь в конечном счете, опосредованно, через идеалы и общечеловеческие ценности она определяет поведение (в том числе речевое) совокупного субъекта – социума. Что же касается индивидов, групп, партий, классов, то основанием их речевого поведения могут быть самые разные моральные системы – от религиозных и полуфеодальных до ультрареволюционных, нигилистических.

4. Соответственно в содержание риторической этики должны включаться не только "правила речевого этикета, отработанные в фольклоре, правила исполнения и пользования документов, отработанные при становлении этого вида словесности, правила ведения речи на суде, правила научных и художественных печатных публикаций и др. подобное" (там же), но и любые правила речевого поведения, имеющие этическую основу, например, так называемые постулаты, или максимы, Грайса. В центре внимания этой отрасли знания на стыке наук должны стоять такие фундаментальные проблемы, как проблема морального выбора, нравственной целостности субъекта речи, его свободы и ответственности.

5. Принципы и правила риторической этики, которые еще предстоит сформулировать с достаточной полнотой, осуществляются или, наоборот, нарушаются на всех основных этапах риторической разработки и реализации текста: на этапах изобретения, расположения и выражения. Изучение и обобщение результатов этих процессов будет способствовать совершенствованию речевой культуры общества.

В.Скуиня

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ

В союзных республиках русский язык имеет две основные функции: 1) это один из национальных языков – родной язык русских, 2) это второй язык нерусского населения, который изучается как средство межнационального общения в СССР.

Как родной язык русских в государстве, где между народами и языками доминирующим является принцип равноправия, русский язык должен в республике употребляться как один из национальных языков в такой же мере, как и другие национальные языки представителей других национальностей, проживающих в республике – белорусов, украинцев, литовцев, эстонцев, поляков, евреев и др. В функции родного языка русских русский язык в республике не имеет соперников.

В функции языка межнационального общения различается республиканский и всесоюзный уровень. В пределах республики средством межнационального общения наряду с русским языком употребляется также язык коренной нации республики, а в отдельных ситуациях более узкого круга участников общения – также и другие языки. Во всесоюзном масштабе в функции средства межнационального общения (на всесоюзных конференциях, совещаниях, в переписке с всесоюзными органами) русский язык также соперников не имеет (в этой функции, на наш взгляд, более точным для русского языка является термин "язык федеративных отношений СССР").

Это реальные функции национальных языков в республиканской практике, и это свидетельствует о том, что самые обширные функции в языковой среде республики имеет русский язык, превалируя даже над языком коренного населения республики – латышским. Распространению русского языка и русской терминологии в большой мере способствует и многотысячный поток делопроизводственной и технической документации и специальной литературы из центральных всесоюзных ведомств.

Широкое распространение русского языка в Латвийской ССР усиляет интерферентные явления в других языках республики, в том числе – в латышском. Если сравнить уровень культуры русской и латышской речи в республике, преимущество будет на стороне русского языка, хотя в теоретическом плане нормы латышского литературного языка не являются менее разработанными. В русском языке наблюдаются отдельные интерферентные явления (например, в качестве синонима к слову светофор употребляется заимствование из латышского языка лукофор), однако широкое распространение русского языка в республике, особенно в его письменной форме (доминирующее его положение в делопроизводстве и в деятельности государственных органов, а также учреждений и предприятий всесоюзного подчинения и тесные связи с центральными общесоюзными ведомствами) обеспечило стабилизацию литературных форм в употреблении.

Тесные контакты русского и латышского языка в нашей республике предопределяет общность целого ряда актуальных проблем по культуре речи, от более общих, как критерии нормативности, отношение к литературному языку и др., до конкретных вопросов языковой практики, например, семантически неопределенное употребление где-то для указания на приблизительное время, неточную меру и т.п. Много общего в оценке целесообразности заимствования англизмов дизайн, дизайнер, компьютер и др. Имеются сходные словообразовательные проблемы: дудоност или дудоност, самбокет или самбист. Не всегда вопрос решается одинаково, так как каждый из языков – и русский, и латышский – представляет самобытную языковую систему, например, различия имеются в употреблении дефисных сочетаний.

В работе по повышению языковой культуры каждого из языков формально нивелирующий подход неприемлем. Основные критерии оценки отконтактных явлений, а также решения проблематических вопросов определяет система конкретного языка.

Ю.Б.Смирнов

О НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В УПОТРЕБЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В современном русском языке широко распространилось употребление слов где-то и где-нибудь не с обычным для них неопределенно-пространственным значением, а для указания на приблизительность того момента времени, к которому относится сообщаемое (в случаях типа "где-то на прошлой неделе", "где-нибудь часа в два" и т.п.). Вероятно, такое употребление этих слов (либо не отмеченное основными словарями, либо квалифицируемое как нелитературное[1]) уже не следует считать ненормативным. В пользу этого утверждения свидетельствуют даже не столько факты широкого распространения данного явления в художественной прозе и в речи лиц, владеющих нормами литературного языка[2], сколько лингвистические основания: оно выглядит закономерным на фоне употребления других слов. Как известно, многие слова с первоначальным значением места могут употребляться и как слова с временным значением[3]. Ср., например, соответствующее использование наречия тут: "/Солдаты/ строились тут же на улице"(Шолохов. Тихий Дон); "/Девочка/ вместе с братцем прибежала домой. А тут и отец с матерью пришли"(А.Н.Толстой. Гуси-лебеди). Точно так же и слова где-то и где-нибудь оказываются способными выступать не только в пространственном, но и во временном значении, что, вероятно, и должно быть отражено в толковых словарях.

Сложнее квалифицировать появление слова где-то в качестве средства выражения субъективной модальности со значением неопределенности, неуверенности при характеристике самых различных аспектов ситуации, например: "... кержаки ... доверчивы и где-то наивны" (С.Алексеев. Слово); "... фильм получился серьезным и где-то даже драматическим"(Сов. культура. 1983); "Где-то по-человечески мне его жаль" и под. По-видимому, такие случаи объясняются свойствами формы где, которая может появляться в качестве союзного слова в сложноподчиненных предложениях не только с пространственной, но и с временной, условной и сопоставительной семантикой[4]. Вследствие этого у слова где-то, наследующего свойства исходной формы где, значение места как бы размывается и на первый план выходит другой компонент значения - указание на неизвестность, неопределенность времени, меры, признака, свойства и т.д. Учитывая неизменяемость анализируемого слова, можно заключить, что оно приобретает функции особой частицы со значением неопределенности.

Употребление слова где-то в рассмотренных значениях можно признать допустимым в разговорной речи. Однако надо помнить о том, в какой ситуации используется это словечко, так как его присутствие может придавать высказыванию ироничный тон, что метко подмечено сатириками: "... каждая посмертельная премия в несколько раз больше Нобелевской. Но хотелось бы еще более помасштабней, где-то в чем-то еще более поглобальней" (Лит. газета. 1989).

---

[1] См.: Трудности русского языка. Справочник журналиста / Под редакцией Л.И.Рахмановой. М., 1981. - С. 81 - 82.

[2] См.: Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка. Лексика. / Под редакцией О.Б. Сиротининой. Саратов. 1983. - С. 175.

[3] См.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. - М., 1986. - С. 311.

[4] См.: Андрамонова Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань. 1977. - С. 58.

Л.Г.Смирнова

ЯЗЫКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕГО ВОСПРИЯТИЯ

Демократизация, резкое повышение общественной активности усилили значимость и влияние публичной речи, стимулировали потребность в обучении риторике. За короткий период времени накоплен большой текстовый материал в жанре устного публичного выступления, уникальный тем, что можно проследить его непосредственное воздействие на аудиторию.

Эффективность воздействия публичного выступления, его успех определяется прежде всего по возникающему в момент произнесения чувству сопереживания, "осмыслия" слушателей. Причем интенсивность отклика слушателей зависит как от характера мыслей, идей, содержащихся в выступлении, "исполнительских способностей" оратора, так и от собственно лингвистической организации текста.

Значимость текста создает его семантическая структура. Ассоциативные связи с несколькими культурно-историческими пластами, возникающие при помощи ввода цитат, аллюзий, раздвигают пространственно-временные границы текста, придают большую масштабность идеям выступления, выявляют их исторические соответствия: "...сегодня Россия больна...Как бы не пришлось создавать, как во времена Французской революции, "Комитет общественного спасения" республики...Николай Бердяев...назвал русских людей самой терпеливой нацией на планете...Гомер был прав, заявив: "боги посылают людям испытания, чтобы их могли воспеть грядущие поколения". (Д.А.Волкогонов)[1].

Лингвистическая организация устного публичного выступления должна быть подчинена его восприятию на слух. Структурно-композиционное оформление текста должно учитывать необходимость

привлечения внимания слушателей началом и концом выступления, построение основного содержания как цепи логических вопросов и ответов с четким выделением микротемы каждого сверхфразового единства.

Языковое оформление информации в эффективно воспринимаемом публичном выступлении отличается точностью формулировок, экономичностью (за счет опускания общеизвестных положений), предпочтением конкретной иллюстрации абстрактному определению.

Грамматическое построение текстов, рассчитанных на устное произнесение, должно характеризоваться отсутствием длинных периодов, громоздких сложных предложений с обилием вводных конструкций и придаточных предложений, длинных цепочек именных конструкций, нагромождения существительных с абстрактным значением. При составлении текстов публичных выступлений следует ориентироваться на использование предложений неосложненной структуры с простыми субъектно-предикатными отношениями. Допустимы текстовые и лексические повторы, уточнения, ассоциативные вставки.

Эффективность воздействия текста на слушателей в очень большой степени зависит от его стилистического оформления. Речевые штампы как стилистического, так и идеологического характера, автоматически воспроизводясь, столь же автоматически и воспринимаются, не фиксируя внимания аудитории. Наоборот, обостряют внимание слушателей, актуализируя содержание мыслей, различные средства словесной образности: метафоры, метафорические сравнения, риторические вопросы, ирония, антитезы, гиперболы, инверсия, повторение одинаковых синтаксических структур с градацией содержания. Все описанные черты лингвистической организации текста в той или иной степени присущи лучшим публичным выступлениям, прозвучавшим, в частности, на I съезде Советов.

1. Цитируется выступление Д.А.Волкогонова на II сессии Верховного Совета РСФСР.

В.В.Соколова

АВТОРСКИЕ КОММЕНТАРИИ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ И КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ

Общение героев литературных произведений опосредованно отражает реально-исторический опыт речевой практики носителей языка, поэтому правомерно рассматривать авторские комментарии речи /АКР/ как источник освоения культуры общения и культуры речи – основу их теоретического изучения и практического овладения.

Предпринятый анализ произведений М.Горького и А.Гайдара показывает плодотворность изучения АКР во взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического подходов. Фрагменты текста, содержащие АКР, несут информацию о свойствах речи, о невербальных средствах общения, об индивидуальных особенностях говорящих, представляя эту информацию как целостную, системно связанную.

АКР позволяют увидеть наличие концептуально-последовательного подхода писателей к проблемам общения. Есть основания думать, что характеристика речевой практики опирается на представление о том, что речевая культура предполагает развитые коммуникативные умения, представляющие собой такое практическое владение языковыми средствами, которое позволяет организовать речевое высказывание, оптимально решающее задачи общения. Исходя из предметного анализа АКР можно также считать, что осознание говорящим ситуации общения, предвидение им речевого воздействия высказывания – важнейшие элементы культуры общения.

В автобиографической трилогии М.Горького весьма распространены АКР, содержащие развернутое оценочное отношение героев как к звуковой стороне речи, так и к выбору слов, их объединению в высказывания. В произведениях А.Гайдара выявлены малословные АКР, характеризующие состояние героя, обнаруживающееся в особенностях невербальных средств общения, адекватных вербальным.

В свете сказанного получает подтверждение мысль о том, что писатели, комментируя речевую практику героев своих произведений, дают реальную возможность для целенаправленного воздействия на культуру общения, культуру речи социума: АКР, включенные в содержание обучения, способны служить формированию языкового сознания; наличие "банка данных" в виде АКР может значительно расширить научное представление о культуре общения и культуре речи.

Г.Я.Солганик

О ВИДАХ НОРМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I. При современном уровне лингвистических знаний нецелесообразно говорить о норме вообще. Необходимо исследование видов норм применительно к языку и речи, к функциональным стилям и общелитературному языку, к жанрам, к уровням языка и т.д. В каждом случае норма меняет свое качество и требует изучения.

2. Понятие норма в обобщенном виде складывается из трех компонентов: 1) анализ и оценка; 2) выбор; 3) предписание. В зависимости от вида нормы на первый план выступает тот или иной ее компонент или все они действуют совместно. Норма – не сами языковые средства, как иногда утверждается, а именно указание, правило, рекомендация по поводу использования языковых средств.

3. Норма всегда выступает как регулятор использования языковых средств. Однако характер ее действия меняется в зависимости от сферы распространения нормы, ее назначения. С этой точки зрения можно выделить:

1) Языковые нормы, относящиеся к уровням языка и регулирующие соотношение нормы и системы (в понимании Э.Косериу) Из составляющих нормы главное здесь – предписание.

2) Функционально-стилевые нормы (в том числе общелитературные), определяющие направление и характер развития функциональных стилей и литературного языка в целом. Из составляющих нормы преобладают анализ и оценка, выбор.

3) Речевые нормы, определяющие тенденции развития жанров в рамках функциональных стилей. Из составляющих нормы на первый план выступают анализ и оценка, выбор.

4. Языковые нормы относятся к кодифицированным, они служат целям унификации употребления языковых средств (орфология). Функционально-стилевые и речевые нормы относятся к некодифицированным и служат целям наиболее эффективного общения). Они формируют и эстетический идеал литературного языка, функциональных стилей и речевых жанров.

5. Дифференцированное изучение норм будет способствовать более глубокому их пониманию, а также уточнению предмета и границ культуры речи.

Г.И.СТРЕПЕТОВА

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО АКТЕРА

Наблюдения над современной артистической речью (т.е. звучащей художественной речью, представленной как в традиционных, так и в новых технических искусствах) свидетельствуют о не всегда уместном и не всегда умелом, эстетически недостаточно мотивированном употреблении актерами средств речевой выразительности. Причины этого искусствоведы и лингвисты видят в общем падении речевой культуры театра в 60-е гг. XX в., в отсутствии кропотливой работы актеров над отделкой речевой партитуры роли. Кроме того, иногда еще высказывается мнение о том, что привнесение в артистическую речь элементов, например, нелитературного произношения в принципе нежелательно, т.к. оно будет "антивоспитательно" действовать на зрителей, которые таким образом усвоят ненормативные варианты. Однако данная точка зрения не соответствует современному состоянию развития русского литературного языка: вкусы зрителей изменились, требования к актерскому мастерству стали выше, восприятию современной аудитории системы массовой коммуникации потенциально доступны самые тонкие художественные мотивировки. По нашему мнению, причины недостаточной культуры использования средств речевой характерологии могут быть найдены и в особенностях профессиональной подготовки режиссерских и актерских кадров.

Анализ отдельных рекомендаций по работе над произносительной характеристикой роли, которые даются в современных пособиях по сценической речи (учебники по другим видам артистической речи еще не выпущены), показывает, что авторы ограничиваются чаще всего призывами к будущим актерам шлифовать свой вкус, наблюдательность, языковое чутье, индивидуальное мастерство и так далее. Отсутствие объективных критериев объясняется неразработанностью общей теории артистической речи, традиционным разделением искусствоведческого и лингвистического подходов к изучению звучащей художественной речи. Это сказывается, например, в том, что использование диалектного произношения как характерологического средства не соответствует уровню разработанности этих вопросов в современном языкознании. Употребление

лингвистических терминов в искусствоведческих работах зачастую говорит о недостаточном владении авторами этих работ терминологией и, следовательно, понятийным аппаратом науки о языке.

Анализ систем обучения актеров произносительной характерологии, представленных в современной учебно-методической литературе, позволяет прийти к следующим выводам.

В советских учебных заведениях искусств целью преподавания артистической речи, проходящего, по словам К.С.Станиславского, под знаком "тренинга и муштры", является выработка у актера автоматизма речевых навыков образцового нормированного литературного произношения, ориентированного в основном на старомосковскую или современную "старшую" норму. Однако такой путь обучения не представляется сейчас целесообразным. Использование применяемых в мировой педагогической практике методик обучения могло бы значительно повысить научный уровень преподавания речевых дисциплин. Для современного актера реалистического театра, видимо, более важно умение свободно владеть всеми (это, конечно, идеальный вариант) разновидностями современного произношения (историческими, социальными, территориальными), чем прочно выработанный автоматизм профессиональных произносительных навыков, основанных на какой-либо одной системе норм. При этом владение литературными нормами, как новыми, так и старыми, должно быть безупречным. Профессиональное мастерство актера должно базироваться и на языковедческих знаниях. Это поможет в какой-то мере противостоять сложившимся негативным традициям (например, штампам создания речевой характеристики "человека из народа"), ориентировать художественный образ речи на реальный языковой прототип. Приемами обучения актеров речевым дисциплинам могут быть использование фонетической транскрипции, описание артикуляций, лингвистический анализ текста. Это поможет сформировать своеобразную актерскую полиглоссию, которая позволит поднять уровень актерского мастерства, сделает работу над словесной партитурой всякой роли более сознательной и даст значительный художественный результат.

С.И.Трескова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ

I. Создание типологии коммуникативных ситуаций на основе социолингвистических принципов восходит к основам методологии социологического, психолингвистического, социолингвистического и лингвистического аспектов. Анализ социологических, психо-социальных, лингвистических концепций и моделей речевого поведения и процесса коммуникации позволяет выработать критерии для характеристики наиболее актуальных для изучения неродного языка коммуникативных ситуаций.

2. Разработка принципов социолингвистической типологии коммуникативных ситуации имеет как научный, так и прикладной интерес, в частности в связи с функционированием языка в сфере массовой коммуникации (типы текстов различных по типологии видов массовой коммуникации, тематики, ориентации на аудиторию, степени диалогичности и характеру сообщения), а также в практике преподавания языков. Вопрос о выборе нормы в качестве базисной основы конкретного учебного пособия и о специфике представления стилистической дифференциации письменной и устной речи в условиях изучения родного и неродных языков - остается весьма актуальным в социальной лингвистике.

3. Обсуждаются вопросы создания коммуникативной грамматики неродного языка с учетом возрастной, профессиональной и социальной дифференциации говоря их и проявления последней в речевом поведении носителей языка. Принципы отбора и особенности отражения стилистических и коммуникативных характеристик неродного языка предполагают как лингвистическую, так и коммуникативную, культурологическую оценку речевого поведения.

Т.А.Тулина

К ПОЗИЦИИ ЛИНГВИСТА В БОРЬБЕ ЗА ПОВЫШЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

В настоящее время для повышения речевой культуры нашего общества делается многое; в частности, публикуются материалы в подборке "Недели" под рубрикой "Язык мой - друг мой", в которых фиксируется внимание на распространенных речевых ошибках и даются соответствующие образцы и рекомендации. Действительно, не может и не должно быть "другой альтернативы"; не следует пересаливать при обозначении признаков, и без того характеризующихся предельной концентрацией свойства (очень уникальное оборудование, прекрасные шедевры, крайне критическая экологическая ситуация, наиболее оптимальные решения и многое другое, почти ежедневно звучащее в радиопередачах).

Казалось бы, задача лингвиста проста и особых размышлений не требует: надо лишь выявлять неправильности и бороться с ними. Однако ошибка ошибке рознь, и если следует объявить непримиримую войну всяким более подробнее и более лучше, то большое количество сочетаний, в которых не нарушается грамматическая правильность, а только дублируется часть смысла главного компонента, переходит в настораживающее качество и заставляет предположить сложную речевую ситуацию единоборства двух разнонаправленных начал у говорящего (и даже пишущего), при котором логическое приносится в жертву экспрессивному: "В самой критической, в самой экстремальной ситуации..." - говорит депутат Кирилл Лавров на II съезде народных депутатов. Крупные лингвисты, которых также никто не заподозрит в плохом знании норм русского литературного языка, пишут: "Наиболее оптимальной в смысле обязательности..." (В.В.Богданов), "...какой из признаков является более фундаментальным и способным конституировать..." (Б.М.Гаспаров).

Школьные учителя, твердо знающие нормы литературного языка, обладают излишне жесткой системой запретов и беспощадно пресекают малейшие попытки учащихся выйти за строго очерченные рамки. Поэтому, воспитывая широкую публику, лингвист должен, не теряя из виду учителей, прививать ей не только грамматические и стилистические знания, но и идеи высшей целесообразности в использовании единиц языка.

Тумина Л.Е.

СЛУШАНИЕ И КУЛЬТУРА РЕЧИ УЧИТЕЛЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

I. Для учителя важно умение слушать, т.е. понимать звучащее слово, разнообразнейшие произведения звучащей речи, занимать рефлективную позицию в коммуникативной деятельности. Неслучайно говорят о культуре слушания и культуре говорения в педагогическом общении.

2. Слушание - активный мыслительный процесс, направленный на восприятие, узнавание и понимание речевых сообщений, предполагающий творческое комбинирование навыков к активное их применение соответственно изменяющейся ситуации.

3. Умение слушать - профессионально значимое для учителя умение. Во-первых, учитель сам должен уметь слушать: ответы учеников, быстро реагировать на ответы, перестраивать - в случае необходимости - формулировку вопроса; уметь управлять диалогом, внимательно слушать своих коллег, родителей и т.п. Во-вторых, учитель должен учить детей умению слушать.

4. Виды слушания могут определяться в зависимости: а/ от типа установки на смысловое восприятие текста; б/ от источника /теле-, радиопередачи, магнитофонные записи и т.п./; в/ от того, видим ли мы говорящего или нет и т.д.

5. В зависимости от типа установки на смысловое восприятие звучащего текста выделяются: глобальное слушание /когда, например, ставится задача: определить тему; сказать, о чём шла речь/; детальное /когда, например, требуется воспроизвести услышанное подробно, в деталях/; критическое /когда, например, нужно дать оценку, критически проанализировать услышанное/.

6. Всем этим видам слушания, как и приёмам обучения слушанию, надо учить будущих учителей.

Трубина О.Б.

Некоторые вопросы изучения жаргона.

I. Жаргон - явление не новое в истории развития языка. Упоминание о нем встречается в литературе со II-ой половины XIX века.

2. Жаргон связан с общелитературным языком и является частью этой системы, частью, которая развивается по общим для всей системы законам. Но у жаргона есть свои особенности, следовательно, это может быть подсистемой с присущими ей чертами: а) активное использование одних единиц языка, игнорирование других; б) включение в подсистему таких единиц, которые не используются в других подсистемах.

3. Говоря о причинах появления жаргона, необходимо выделить: а) экстралингвистические причины (социальная обособленность некоторых групп людей, стремление к непринужденному общению и др.); б) собственно лингвистические причины (сложная структура языкового знака, компонентный характер значения слова, различная степень доминированияденотативного и сигнификативно обусловленных признаков слов разных групп и др.).

4. Жаргон не является закрытой системой, он тесно связан с арго, диалектами и др.

5. Пути образования жаргона: I) метафоризация; 2) аффиксальный способ; 3) условные сокращения; 4) фонетическая мимикрия; 5) заимствования; 6) смешанный способ словообразования (См. Дубровина К.Н. - Филологические науки, № I, I980).

6. В идеографическом словаре жаргона можно выделить I2-I3 групп: I) пейоративные действия (20%); 2) лица (около 24%); 3) мелиоративные действия и нейтральные действия (около I5%); 4) предметы обихода; 5) еда, выпивка; 6) эмоциональная оценка предметов,действий, отношений; 7) деньги; 8) субстантивные свойства, действия; 9) учеба и связанные с ней реалии; I0) команды.

В предметно-понятийном содержании преобладают означающие (большое количество синонимов). Но можно отметить означаемые, которые присущи только жаргону.

И.С.Улуханов

О ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ НОРМУ В ГРАММАТИКЕ

I. Одним из возможных путей прогресса в синхронном и историческом изучении языка является последовательное применение принципа объяснительного описания языка и отказ от констатирующего принципа, господствующего как в описательных, так и в исторических грамматиках.

2. Объяснительный принцип описания дает возможность: представить систему языка как организованную совокупность нормативно реализованных и потенциально возможных явлений; исчислить все возможные единицы; выявить причины возможности или невозможности единиц; разграничить объяснимые и необъяснимые явления.

3. Одним из результатов такого изучения языка может быть выявление факторов, определяющих степень нормативности явления языка, а также систематизация этих факторов и описание процессов их взаимодействия.

4. Степень нормативности многих из явлений языка определяется не одним фактором, а совокупностью факторов, относящихся к разным уровням языка и действующих с разной степенью обязательности.

5. Из фонематических факторов с высокой обязательностью действуют закономерности сочетаемости фонем, поскольку это связано с артикуляционными возможностями. Это исключает образование слов и форм с несочетающимися фонемами на стыках морфем (например, согласного с основами, начинающимися на ту же согласную + любая согласная; ср. употребление морфа о в случаях типа вовлечь, созвониться и т.п.). В письменной речи, однако, иногда встречаются непроизносимые сочетания: отказался от старостства (Б.Пильняк). Фонетически возможные сочетания нескольких согласных также ограничивают сочетание морфов, но с меньшей регулярностью. Это же относится к сочетаниям гласных, к количеству слогов (ср. возможные, но нежелательные названия типа Шарикоподшипниковская) и акцентологическим характеристикам.

6. Семантические факторы, как правило, не являются жест-

кими ограничителями. Они преодолеваются в окказиональных словах и формах, степень нормативности которых нередко является предметом дискуссии. В докладе рассматриваются ограничения образования слов и форм, обусловленные грамматическими значениями (например, часть речи, вид, род), словообразовательными (например, собирательность, уменьшительность) и лексическими значениями, и ставится вопрос о степени нормативности различных слов и форм, созданных посредством преодоления семантических ограничений. Например, следует, видимо, более гибко оценить иногда встречающиеся причастия с суф. -ущ-/-ащ- от глаголов сов. вида, чем это сделано в "Русской грамматике" (М., 1980, т. I, стр. 667), где они охарактеризованы как "отступления от литературной нормы"(примеры из Гоголя, Паустовского, Нагибина; ср. также: Не понимающих, что случилось, никогда не поймущих того, что случилось сейчас в мире (Ю.Бондарев).В системе языка закономерно может существовать клетка, заполняемая этими формами (ср. значение будущего времени у соответствующих личных форм).

Семантические ограничения делятся на объяснимые и необъяснимые. К числу последних относятся, например, ограничение сочетаемости суффикса -нин- только с терминами родства (братнин), суффиксов -ач(ий), -ин(ый) - только с названиями животных.

7. Степень нормативности слов и словоформ может определяться также лексико-системными, стилистическими и др. факторами.

8. Характеризуя явления языка с нормативной точки зрения, необходимо выделять не только нормативные и ненормативные явления, но и промежуточную зону явлений, находящихся на разном расстоянии от этих полюсов. В этой зоне находится, например, окказионализм А.Вознесенского: В душе - тюрьмым-тюрьма. Это расстояние определяется совокупностью многообразных взаимодействующих или противоборствующих факторов, характеристика которых и является показателем степени нормативности явления языка.

Н.И. Формановская

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ

1. Речевой этикет – социально заданные и национально специфичные правила речевого поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений /стереотипных высказываний/, применяемых в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта с собеседником, в системе ты-/вы-форм общения, в выборе социостилистической тональности общения при ориентации на адресата и ситуацию общения в целом.

2. Р.э. – существенный элемент речевой и поведенческой культуры народа, он связан с понятием социальной нормы речевого поведения и вежливости. Следует различать в Р.э. языковую норму, связанную с постоянными социальными пресуппозициями и стилистическими коннотациями стереотипных высказываний, изолированных от контекста /ср. Позвольте откланяться и Пока; Приветствую вас и Здорово и др./, и речевую ситуативно-ролевую норму для данной среды, данных партнеров /ср., например, Здорово как достаточно типичное приветствие в молодежной и др. среде; в этой же среде Приветствую вас со стороны равного может получать иронический оттенок/.

3. Этическое и социально-культурное понятие вежливости как уважительного отношения к партнеру по общению связано с Р.э. двояко. С одной стороны, всякое нарушение норм коммуникативного поведения является демонстрацией невежливости. Это нарушение обусловлено: а/неисполнением ритуала Р.Э. в соответствующей ситуации, б/ выбором несоответствующего

ситуации и ролевым признакам партнеров выражения. С другой стороны, не всякое проявления Р.э. с помощью социостилистически сниженных единиц отвечает понятию вежливости.

4. Р.э. несет в себе коммуникативно значимые смыслы: а/социальный, включающий информацию о говорящем, его адресате, их ролевых и личностных отношениях, официальности/неофициальности обстановки общения; б/интенциональный смысл /и значение/, выражающий коммуникативное намерение /речевую интенцию/ говорящего; в/эмоционально-оценочный смысл /и значение/, выражающий оценку ситуации и партнера, его качеств, действий и т.д.

5. Каждая ситуация вступления в контакт, поддержания и размыкания контакта обслуживается коммуникативно-семантической /КСГ/ группой стереотипных высказываний. /Ср. в ситуации благодарности: Благодарю /вас/, Спасибо /вам/, Я вам /так/ благодарен /-рна/, Я вам /так/ признателен /-льна/, Я хочу поблагодарить вас, Я хотел /-а/ бы поблагодарить вас, Не могу не поблагодарить вас, Позвольте /разрешите/ поблагодарить вас и т.д./. Выбор того или иного стереотипа диктуется: а/ ориентацией на статус и роли адресата в соответствии с собственными признаками говорящего и б/ на важность того, за что благодарят/ за что извиняются, о чем просят и т.д./

6. Р.э связан с понятием речевого акта. Прагматические координаты "я-ты-здесь-сейчас" организуют семантико-грамматические показатели высказывания-действия Р.э.: эксплицитное или имплицитное выражение говорящего, адресата, момента речи, пространственной точки встречи коммуникантов.

Социальная заданность Р.э., осуществляющего "социальные поглаживания"с помощью речи, равной действию, при открытых в структуре высказываний "я" и "ты" – делает эту систему единиц языка и речи важным элементом культуры общения.

Э.И.Ханпира

ТИПОЛОГИЯ ТЕРМИНОВ-СИНОНИМОВ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

I. Оговорю свое понимание термина термин, т.к. оно не могло не сказаться на предлагаемых соображениях. Под термином разумею слово или устойчивое словосочетание, за которым в сознании носителей терминологии устойчиво закреплено научное или специальное понятие. Термин - двусторонняя единица, состоящая из знаковой и понятийной сторон.

2. Термины-синонимы - термины, имеющие разные по составу или по протяженности знаковые стороны и обозначающие один и тот же объект мысли (предмет, денотат), выражая одно и то же понятие либо тождественные понятия. Напомню: тождественные понятия отражают разные признаки одного и того же объекта мысли.

3. Все множество терминов-синонимов можно разделить на два типа: термины-дублеты (триплеты и т.д.) и термины-денотативные синонимы. Первые отличаются друг от друга лишь знаковой стороной (ее составом или протяженностью). Вторые - и понятийной стороной: они позволяют один и тот же предмет мыслить по-разному (Ю.Д.Апресян, 1974): центр тяжести треугольника и точка пересечения медиан. Основанием деления служит отношение между понятиями, заключенными в терминах, - совпадение или тождество.

4. Термины-дублеты разделяются на два подтипа: термины-синонимы, знаковые стороны которых не связаны отношениями мотивации, и термины-синонимы, знаковые стороны которых связаны отношениями мотивации. К первому подтипу относятся, например, триплеты лингвистика - языкознание - языковедение. Примером второго подтипа могут служить: поисковый образ документа - ПОД, сейсмическая разведка - сейсморазведка, архивный фонд - фонд, купчая крепость - купчая.

Термины-синонимы второго подтипа состоят из синонимов с мотивирующей знаковой стороной и синонимов с мотивированной знаковой стороной. При этом протяженность мотивирующих знаковых сторон больше протяженности мотивированных знаковых сторон. Этот подтип состоит из полных терминов-синонимов и кратких терминов-синонимов.

5. Абсолютные и относительные термины-синонимы. Это деление всего множества терминов-синонимов по другому основанию. Оно возможно (логично) лишь при признании факта полисемии терминов.

Два и более термина, синонимичные друг другу в одном из своих значений, - относительные синонимы. Моносемичные термины, синонимичные друг другу, - абсолютные термин-синонимы. Если есть термины-полисемы, синонимичные друг другу во всех значениях, они тоже абсолютные синонимы. Таким образом, основание деления: синонимичность во всех значениях или только в одном из них. Примеры терминов (или терминоэлементов) - относительных синонимов: терминология - терминоведение, архив - архивохранилище, пользование /архивными документами/ - использование /архивных документов/, документальная /информация/ - документная /информация/. В одном из своих значений они выступают как термины-дублеты (терминоэлементы-дублеты) первого подтипа.

6. Нормализация терминологии и разные классы терминов. Нормализация терминологии как целеполагающая деятельность по обнаружению, описанию и установлению терминологической нормы в интересах оптимизации условий общения, коммуникации.

Целесообразность избавления от терминов-дублетов первого подтипа (во избежании ложного объекта мысли) и существования терминов-дублетов второго подтипа (для ускорения передачи информации). Сохранение терминов-денотативных синонимов как интеллектуально оправданных.

Термины-относительные синонимы, имеющие однокорневые знаковые стороны, целесообразно "разводить", лишать статуса синонимов, рассматривая их синонимию как не отвечающую интересам коммуникации, избыточную. Ср. разведение терминов-синонимов крепь и крепление. При этом часть из таких терминов (или терминоэлементов) превращается в термины-паронимы (терминоэлементы-паронимы): пользование - использование, документальный - документный.

7. Термины-синонимы в нормативной терминографии (включая терминологические стандарты). Соответствующие норме термины-синонимы должны быть показаны в толковых терминологических словарях. Нынешняя практика показа в терминологических ГОСТах терминов-синонимов (дублетов второго подтипа) под стыдливым именем "кратких вариантов" или "кратких форм" при декларировании запрета на синонимы в стандартах - непоследовательность, на которую было обращено внимание еще в 1977 г. (В.П.Даниленко).

В.Т.Чаирова

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БЫТИЯ И ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

При сопоставлении бытийных и характеризующих предложений было установлено, что в некоторых случаях анализируемые примеры обладают особенностями обоих логико-семантических типов предложений, ср.: На дородном, порозовевшем лице матери мальчик подмечает удовлетворение /Л.Бак/. Это выражение содержит два сообщения: I/ На лице матери удовлетворение, соответствующее бытийному предложению; 2/Мальчик подмечает..., соответствующее характеризующему предложению. Фактически в рамках простого по синтаксической структуре предложения заключены две пропозиции. Формально предложение можно считать характеризующим, но, если предложение употреблено в контексте, где дается описание матери, а не мальчика, больший вес приобретает бытийная часть информации. Выражение мальчик подмечает являются заместителем бытийного глагола в бытийном предложении. В чистом бытийном предложении нет структурной части, которая давала бы информацию об источнике сведений о мире. В нем содержится информация только о существовании бытующего предмета без опоры на наблюдателя, положение дел в действительности представлено в самом общем, нерасчлененном виде. В цитированном предложении дано развитие семантики, добавлена информация о наблюдателе происходящих явлений /в частном случае им может быть и автор текста/. Возможно, этот факт отражает путь познания человека: он сначала осознает существование мира вокруг себя, а уже затем самого себя в качестве мыслящего субъекта.

Возможность возникновения таких предложений довольно широка. Чаще всего это предложения о внешности человека, о его внутреннем мире, ср.: В ее глазах он замечает слезы; В его словах следователь улавливает страх и растерянность. Во всех случаях локализатор и наблюдатель имеют конкретную референцию, т.е. речь идет о конкретных и определенных предметах. Это могут быть предложения, описывающие не только человека, но и окружающий его мир, ср.: В лесу он нашел дерево необыкновенной красоты.

В рассматриваемых примерах происходит контаминация двух структур – бытийной и характеризующей. Возможность возникновения такого предложения зависит от валентности глагола, от его способности сочетаться с тремя актантами /где, кто, что/. Глагол содержит в своей семантике указание на наблюдателя. Это глаголы с общим значением 'выявление субъектом каким-либо образом объекта или его признаков', напр.: замечать, подмечать, видеть, улавливать, находить и др. В соответствующем чистом бытийном предложении глагол содержит семантику 'проявление, выявление самого себя каким-либо образом', могут быть употреблены и глаголы собственно существования.

Такие предложения встречаются в болгарском языке, ср.: На лицето ѝ е изписано удовлетворение – На лицето ѝ момчето забелязва удовлетворение; В гората има ягоди – В гората тя намери ягоди. Возможность данного преобразования существует в обоих славянских языках и, вероятно, является универсальным способом расширения информации в бытийном предложении.

Интересно проследить функционирование этих предложений в разных стилях речи. Заранее можно предположить, что в научной речи предложения, содержащие информацию о наблюдателе, не будут встречаться. Это связано с тем, что, излагая свои взгляды и выводы, ученый стремится показать их всеобщность и независимость от мыслящего субъекта. Чаще употребляются интересующие нас предложения в публицистике, напр.: Даже если допустить, что текст беседы с А.П.Романовым Сергей Павлович подписал, не читая /во что поверить невозможно, зная Королева/, или, что в этом тексте он проглядел упоминания о "встрече" /что также очень мало вероятно/, существуют ведь еще три документа, где он сам, своей рукой, пишет, что встреча была! /к."Огонек"/. Больше всего примеров из художественной литературы: р.яз.– Черное окно вдруг вспыхнуло ярким зеленым светом, и Корнилов увидел в нем сияющую призму фонаря и черно-синие чуткие острые листья тополей /Ю.Домбровский/; б.яз. – Точно сразу нас видях голямо масивно бюро /П.Вежинов/. Такие семантически емкие предложения характерны прежде всего для разговорной речи, их употребление в языке художественной литературы является отражением особенностей разговорной речи.

Л.К.Чельцова
/Москва/

МАТЕРИАЛЫ СПРАВОЧНОЙ СЛУЖБЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР И ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИИ

1.Существующая с 1955 года при Секторе культуры русской речи телефонная справочная служба, а также многочисленные письма, поступающие в сектор и в недавно созданную Орфографическую группу, свидетельствуют о том, что около половины задаваемых вопросов и поднимаемых проблем касаются орфографии.

2.Возможна различная классификация вопросов и предложений. Считаем целесообразным предложить анализ 3-х групп, выделенных на основании тех причин, которые приводят к сомнениям:

а/Вопросы, свидетельствующие о низком уровне грамотности корреспондентов, о недостатках школьного обучения, о неумении пользоваться наиболее известными словарями /написание безударных гласных, падежные и глагольные окончания, ь в повелительном наклонении множественного числа и т.п./;

б/Вопросы, вызванные тем, что сложны и противоречивы "Правила русской орфографии и пунктуации" /1956 г./, что отсутствует единство рекомендаций в различных словарях и справочниках /слитное, дефисное и раздельное написание, написание заимствованных слов и т.п./;

в/Вопросы, связанные с отсутствием правил или со сложностью соотнесения написания и правила, с неразработанностью орфографических рекомендаций /орфографические варианты, прописная буква, двойные согласные и т.п./.

3.Отдельную проблему представляют содержащиеся в письмах предложения, связанные с усовершенствованием или реформированием графики и орфографии /ввести ё, изменить обозначение мягкости согласных и т.п./.

4.Материал справочной службы, несомненно, ценен для создания представления об орфографической культуре нашего общества, о тех "болевых" точках, которые существуют и в теории, и в практике русского письма. Он чрезвычайно полезен для усовершенствования действующих правил, для работы над Орфографическим словарем как наиболее массовым изданием, для подготовки различных словарей и пособий по орфографии.

Г.А.Черкасова,

КОМПЬЮТЕРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

В Институте русского языка АН СССР осуществляется компьютеризация лексикографических работ, выполняемых в связи с созданием, исследованием и изданием Орфографического словаря русского языка.

От орфографического словаря требуется приведение в известность написательного аспекта лексемы. Жесткие ограничения структуры словарной статьи словаря делают его удобным для автоматизации. Целесообразно максимально использовать текст автоматизированного орфографического словаря в качестве источника словарных и несловарных работ.

В Отделе Машинного фонда и Орфографической группе Института русского языка АН СССР разработана и функционирует информационная технология, предназначенная для создания, ведения, исследования, а также издания словарей с помощью компьютеров. Её основные операции следующие: создание базы словаря в памяти ЭВМ, синтаксический и семантический контроль полноты и правильности словарных статей, оперативное пополнение словаря новой лексикой, внесение изменений и уточнений орфографических параметров, формирование тестовых выборок по заданному набору значений орфографических и других параметров, получение статистических характеристик, документирование результатов исследований, получение листингов, выдача текстов словаря на магнитных носителях для типографского издания.

Для поддержки информационной технологии создан комплекс программных средств, реализующий указанные операции в среде персональных, мини- и больших ЭВМ.

Текст словаря рассматривается как группы однородных языковых фактов. Одна из целей пользовательского обращения к словарю - автоматизированный поиск и отбор по корпусу словаря унифицированных по формальным критериям лексем. Создание иных классификаций при перегруппировке корпуса словаря является трансформацией стихийной словарной базы в систему языковых сведений.

В докладе приводятся ценные, полученные при исследовании базы Орфографического словаря русского языка, и результаты использования данной технологии при подготовке его очередного переработанного и дополненного издания.

И.Ю.Чистякова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ

Лингвистический анализ художественного текста является одной из важнейших форм подготовки будущих преподавателей русского языка и литературы. Имея своей основной задачей "показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений" (Л.В.Щерба), такой анализ может рассматриваться в своем прикладном значении как одно из действенных средств развития и повышения речевой культуры учащихся.

Изучение лучших образцов классической и современной русской литературы способствует прочному и наглядному усвоению основных языковых норм, общему развитию речевой культуры.

При анализе текста необходимо проводить разграничение фактов нормативных, отражающих узус, и индивидуально-авторских, осознаваемых как стилистически маркированные на фоне общей нормы. Первые из них должны быть в центре внимания в аспекте изучения языка как средства общения.

Важное значение имеет также разграничение фактов синхронии и диахронии (устаревшие конструкции, формы, слова, значения). Изучение литературных текстов прошлого века дает возможность получить представление о динамике языковых норм в их проекции на современное словоупотребление.

Исходя из современной лингвистической и лингводидактической теории основой формирования культуры речи должны быть не отдельные правила нормативного употребления, а языковая личность (Ю.Н.Караулов). Понятие личности ученика как объекта воздействия учителя в процессе преподавания языка было выдвинуто в русской науке еще Ф.И.Буслаевым. В этом смысле целостный анализ лучших образцов художественного текста неизбежно (как сознательно, так и бессознательно) ведет к формированию собственного индивидуального стиля учащихся, с одной стороны, опирающегося на усваиваемые нормы, а с другой – поддерживающего их на основе знания образцового текста.

Б.С.Шварцкопф

О ДВУХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИОННОЙ НОРМЫ

I. Содержание пунктуационных норм проявляется в осуществлении закономерностей функционирования письменного языка в плане его графической организации и членения текста, в ограничении возможностей при реализации пунктуационной системы. С этих позиций и должны быть рассмотрены два основных аспекта функции пунктуационной нормы.

2. Первый аспект функции пунктуационной нормы связан с планом собственно употребления пунктуационного знака в тексте: с механизмами членения текста: (I) отграничением одной синтаксической структуры от другой, (2) выделением синтаксической структуры в тексте (выявлением ее левой и правой границ), (3) объединением нескольких синтаксических структур в мегаструктуру; с объектом и результатом членения текста; с пунктуационным обеспечением предложения; с грамматической и смысловой нагрузкой знака препинания. Соотношение "структурно-системные свойства знака препинания – конкретная пунктуационная ситуация" допускает три возможности:

(а) норма допускает постановку знака препинания в определенной пунктуационной ситуации, в определенной синтаксической конструкции и/или структуре текста – и напротив, не допускает постановки знака в других пунктуационных ситуациях;

(б) пунктуационная система неодномерна – и потому норма может допускать постановку знака не в одной, а в двух или нескольких определенных пунктуационных ситуациях, но не допускает постановки знака в других ситуациях;

(в) из-за неодномерности системы норма может допускать также постановку в одной пунктуационной ситуации двух или нескольких знаков препинания – с тем, что каждый из них может вносить в текст какой-либо оттенок значения или экспрессии.

3. Второй аспект функции пунктуационной нормы связан с планом контекстного корректива к изложенным в п.2 основным законо-

мерностям реализации пунктуационной системы. Этот корректив представляет собой системные поправки двух типов:

(1) поправки на позицию употребления знака препинания; это относится к двойным запятым и тире, для которых характерна сильная позиция – в середине текста предложения и слабая – в позиции начала и конца предложения. Эти парные знаки в тексте представлены в сильной позиции обоими своими элементами, левым и правым, а в слабой (как конструкт) – лишь одним из своих элементов, правым или левым. Отсюда существенность процедуры анализа для разграничения в тексте предложения одиночного и парного знаков запятых и тире;

(2) поправки на взаимодействие знака препинания с другим знаком в одном пробеле; это относится прежде всего к соотношению одиночных и парных запятых и тире (непосредственные контакты "правый элемент парного знака + одиночный знак", "одиночный знак + левый элемент парного знака", "правый элемент парного знака + левый элемент другого парного знака").

Возможные результаты взаимодействия знаков в одном пробеле:

(а) сочетаемость (обычно двух) знаков препинания;

(б) поглощение одним знаком препинания другого (чаще всего поглощаемый знак – запятая, одиночный знак или элемент парного знака, представляющая низший уровень иерархии в классах разделительных и выделительных знаков середины предложения);

(в) сочетаемость знаков препинания может сопровождаться их перестановкой (при первом взаимодействующем – тире).

Все возможные трансформации знаков препинания в тексте обусловлены системным статусом знаков, а совокупность закономерностей этих трансформаций – необходимая составляющая общей суммы закономерностей функционирования знаков препинания, т.е. часть пунктуационных норм русского письменного языка.

4. Две эти группы пунктуационных норм противопоставлены друг другу еще в одном – практическом – плане: первая кодифицирована в справочниках, описана в учебниках, является предметом обучения в средней и высшей школе – и обычно характеризуется сознательностью в выборе знака пишущим; вторая фактически не кодифицирована и не описана, не выступает как предмет обучения – и владение ею пишущими носит характер неосознанности.

О ПОНЯТИИ "КОЛЕБАНИЕ" ("КОЛЕБАНИЕ НОРМЫ")

Термин "колебание" ("колебание нормы"), будучи широко употребительным лингвистической литературе, неоднозначен.

Обычно этот термин обозначает наличие вариантности, конкуренцию вариантов. Такое понимание идет от Е.С.Истриной (1943). Р.И.Аванесов и С.И.Ожегов в орфоэпическом словаре (1959) разграничивают два типа колебаний нормы: (1) сосуществование нормативных вариантов – (а) равноправных и (б) неравноправных и (2) сосуществование нормативного и ненормативного варианта. На основе понимания варианта как момента динамики нормы (А.Едличка 1964) эта схема может быть представлена как вытеснение одним вариантом другого (В.А.Ицкович 1964), а типы колебаний нормы могут быть интерпретированы как: (1а) нормативная вариантность языковой единицы (А.А.Леонтьев 1965); (1б) собственно колебание нормы (расшатывание ее "изнутри"); (2) колебание употребления языковой единицы (расшатывание нормы "снаружи" (Б.С.Шварцкопф 1970).

Оказывается очевидной необходимость в разграничении колебания и отклонения от норм (В.Г.Костомаров 1965), хотя в принципе трактовка колебания как отступления от нормы и заложена в понимании второго типа колебаний (нормативный – ненормативный варианты). Необходимы два уточнения, касающиеся соотношения "вариантность – отклонение от нормы".

Во-первых, уточнение этого соотношения в плане его механизма: во фразеологии, например, вариантность и отклонение от нормы представляют собой градацию общего механизма снятия ограничений на традиционную реализацию системы фразеологических единиц (В.А.Ицкович, Б.С.Шварцкопф 1983).

Во-вторых, само развитие вариантности может стимулировать и порождать отклонения от нормы и переплетаться с ними (так, развитие вариантности самоё//саму//самою служит базой для грамматической многозначности самоё, а это отклонение от нормы, в

свою очередь, создает в задействованных процессом клетках парадигмы вариантность типа самоё//само, самоё себя//само себя и др.под.).

Понятие колебания нормы органически связано с асимметрией языкового знака. Следствие последней – противоположность друг другу многозначности и избыточности, а результат избыточности – то, что "в языке всегда создается двойная (точнее, больше чем одна) система выражения..." (Т.Я.Елизаренкова 1982). Можно обобщенно определить колебание как такое проявление избыточности в ходе реализации языковой системы, которое выявляется в тексте в виде нестабильности плана выражения отдельных языковых единиц (Б.С.Шварцкопф 1988). При этом изофункциональность плана выражения, как известно, может быть представлена и как внутриединичная (вариантность), и как межъединичная (синонимия). И если считаться с тем, что в некоторых сферах языка, например в пунктуации, вариантность фактически отсутствует, а срабатывает выбор в синонимической паре (или ряду) знаков препинания, то следует признать, что колебание нормы может осуществляться и как (главным образом) вариантность, и как синонимия.

Колебание – такая форма функционирования языковой системы и ее норм, в процессе которой совершается нормально не осознаваемая деятельность массы говорящих и пишущих в русле незаметных стихийных изменений, по своей сути являющаяся спонтанным поиском в плане разрешения внутрисистемных противоречий (а по механизму своему – выходом за пределы фиксированного правилом, т.е. кодификации).

Понятия колебания и развития языка необходимо взаимосвязаны (С.И.Ожегов 1955). "Языковая структура никогда не бывает полностью сбалансированной, в ней всегда можно наблюдать слабые точки, внутреннее напряжение, конфликтные ситуации..." (Г.В. Степанов 1979). Поэтому, правомерно рассматривая колебание нормы как сущностное понятие культуры речи – наряду с понятиями нормы и отклонения от нее, – можно видеть в колебании нормы "естественное состояние языка как конкретно-исторического явления" (К.С.Горбачевич 1978).

А.В.Швец

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

I. Несмотря на признание важности изучения теоретических и практических проблем культуры речи они все еще находятся на периферии языковедческих исследований. Неразработанной остается и научно обоснованная система внедрения результатов лингвистических и социолингвистических исследований в речевую практику.

2. Особое внимание должно быть уделено изучению проблем, связанных с умелым и целесообразным использованием разнообразных речевых средств в различных ситуациях и сферах общения.

Идея о функциональном подходе к проблемам культуры речи, высказанная в трудах Г.О.Винокура и В.В.Виноградова, получила дальнейшее развитие в работах советских языковедов. Изучение и обобщение закономерностей функционирования и тенденций развития русского языка на основе исследования всех его функционально-стилистических разновидностей как фундамента повышения речевой культуры остается актуальным и в наши дни. Таким образом, исследование вопросов культуры речи теснейшим образом связано со стилистикой, с исследованием функциональных стилей прежде всего.

3. Бурное развитие государственных, политических и экономических отношений между странами, характеризующее наше динамичное время, расширение деловых встреч и профессиональных контактов специалистов, резкое увеличение деловой переписки в связи с созданием совместных фирм и предприятий, проведением совместных научно-исследовательских работ, дальнейшее совер-

шенствование законодательной системы в нашей стране, развитие деловых отношений между членами общества и государством намного повышает роль деловой речи в жизни общества и приводит к необходимости ее дальнейшего всестороннего изучения. Специального рассмотрения требуют проблемы речевой культуры в деловом общении (многим знакомы трудности, связанные с отбором языковых средств при составлении деловых документов, с необходимостью соблюдения сложившихся этикетных требований их оформления и др.).

4. Основным организующим началом деловой речи является ее синтаксический строй. По специально разработанной программе было проведено многоаспектное исследование состава и особенностей функционирования различных синтаксических единиц, используемых в разных подстилях официально-делового стиля и их жанровых разновидностях. В докладе будут приведены их качественно-количественные характеристики, проиллюстрирована четкая соотнесенность элементов смысловой структуры каждой композиционной части документов с речевыми формами их реализации.

5. Выявленные особенности синтаксического оформления текстов документов и их структурно-композиционных частей, привлечение результатов, полученных другими исследователями деловой речи, позволили наметить оптимальные пути создания целостной системы обучения общению в официально-деловой сфере. Эта система учитывает различные коммуникативные потребности обучаемых. Внедрение такой системы в практику обучения явится базой повышения речевой культуры в деловом общении.

Е.Н.Ширяев

КУЛЬТУРА ВЛАДЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ РАЗНОВИДНОСТЯМИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Долгое время ведущим направлением в области культуры речи было нормализаторское. Его суть – выбор из ряда возможных образований одного /или нескольких, если признается вариативность нормы/, которому придается кодификационный статус правильного.

2. Культура владения функциональными разновидностями языка, или коммуникативный аспект культуры речи, активно разрабатывался в теоретическом плане в чехословацкой лингвистике, а в советском языкознании обосновывался Б.Н.Головиным, сформулировавшем 8 качеств хорошей речи: правильность, чистота, точность, логичность, выразительность, образность, доступность и уместность. Исследования последних лет показали, что осуществить полное и последовательное описание культуры владения всеми функциональными разновидностями языка и разработать практические рекомендации на этот счет на основе этих качеств затруднительно.

3. Предлагаю при исследовании коммуникативного аспекта культуры речи исходить из следующего. По-видимому, в каждом достаточно развитом тексте есть языковые средства трех видов: языковые средства, которые нейтральны для данной функциональной разновидности и не могут быть замещены специфическими для нее средствами; языковые средства, которые задают специфику данной языковой сферы; нейтральные языковые средства, которые могут быть замещены специфическими для данной сферы средствами. Должна быть поставлена задача: определить и систематизировать набор всех специфических для данной функциональной разновидности средств и всех средств, способных заместиться специфическими. Определение специфического для данной функциональной разновидности набора языковых средств – это та задача, которая решается в русле функциональной лингвистики, составной частью которой, вероятно, должна быть признана стилистика. Это, следовательно, не собственная задача культуры речи. Собственной же задачей исследования культуры владения функциональными разновидностями языка является следующая: определить ту пропорцию между взаимозаменяемыми

нейтральными и специфическими средствами, а также пропорцию между разными специфическими средствами, которая соответствует представлениям о хорошем стиле. Ставя в центр исследования коммуникативного аспекта культуры речи эти пропорции, исхожу из чисто эмпирических наблюдений: большинство текстов разной функциональной направленности оставляют впечатление несовершенства, если они перенасыщены специфическими для них средствами, и оставляют впечатление функционально-стилистической неопределенности, если этих средств недостаточно.

4. Вероятно, только большинство жанров официально-делового стиля не терпят индивидуальности. Все другие функциональные разновидности допускают множество индивидуальных проявлений, каждое из которых может считаться хорошим владением стиля. Индивидуальность во владении стилем во многом объясняется также особенностями выбора специфических средств и их соотношения с неспецифическими. При разработке практических рекомендаций важно предусмотреть место для индивидуальности, для языкового творчества.

5. Функциональные разновидности языка характеризуются не только специфическими средствами, но и спецификой их организации, что находит выражение в специфической для каждой функциональной разновидности структуре текста, на которую большое влияние оказывает прагматический фактор, также специфичный для каждой из функциональных разновидностей. Организация текста в большинстве функциональных разновидностей оставляет место для проявления авторской индивидуальности.

6. Каждая функциональная разновидность языка предназначена для решения своих особых задач. Каждая задача имеет свое языковое обеспечение. Поэтому для выявления специфических языковых средств и особенностей их организации в текст, необходимо выявить все внеязыковые характеристики /или регистры/ определенной сферы общения. При этом такие функциональные стили, как официально-деловой, научный и публицистический, а также разговорная речь требуют своей внутренней типологии, то есть выделения в каждом стиле и в разговорной речи определенных жанров, каждый из которых имеет свои специфические регистры и свою языковую специфику.

Е.Н.Ширяев

ОБЪЕКТИВНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

1. Исследование культуры речи, как в нормативном, так и в коммуникативном плане, требует такой методики, которая гарантировала бы объективность полученных результатов. В области культуры речи объективным исследование может считаться, по-видимому, тогда, когда оно позволяет представить такие рекомендации по культуре речи, которые имеют высокие шансы на внедрение в практику языковой деятельности. Объективность в исследованиях по культуре речи и практика в овладении культурой речи - две стороны одной медали.

2. Объективные рекомендации в области культуры речи не могут не опираться на мнение носителей языка. Учет и анализ их оценок - один из основных способов достижения объективности и целесообразности практических рекомендаций. Однако должно быть априори ясно, что простое большинство при оценке того или иного факта в этой области ничего не решает. Исследователь не может выступать простым счетчиком. Именно исследователь должен определить круг "оценщиков". Следует разработать принципы, по которым можно будет сформулировать понятие высококультурного носителя языка. Только такие носители должны входить в круг оценщиков. С другой стороны, в этом кругу должны быть представлены в определенных пропорциях самые разные оценщики: языковые консерваторы и демократы, филологи-языковеды и филологи-неязыковеды, гуманитарии и негуманитарии, носители, для которых владение языком профессия и не профессия и т.п. Вполне возможно, что должен быть разработан своеобразный рейтинг, который позволит учитывать мнение одних групп носителей языка в большей степени, чем других.

3. Для исследования нормативных и коммуникативных оценок культуры речи нужны соответственно разные методы. Для оценки орфоэпических, лексических, синтаксических явлений оцениваться может единичный факт. Коммуникативные оценки предполагают оценку текстов разных функциональных стилей и разговорной речи. Вероятно, единственное, что можно требовать от оценщика в этом случае - это оценить текст по шкале плохо - хорошо. Большую роль в этом плане, должны, как кажется, сыграть экспериментально сконструированные тексты с одинаковым содержанием, но разной структурой. Устные тексты должны предъявляться для оценки в устном виде, чтобы нейтрализовать при оценке влияние письменных норм.

Л.А.Шкатова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ УСТНОЙ РЕЧИ И МЕТОДЫ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ

I.I. Изучение регионального варьирования литературного языка в условиях уральского города ведётся членами кафедры русского языка Челябинского государственного университета с 1976 года. Первый семинар "Язык города" был проведён в университете с участием сотрудников Института русского языка АН СССР и русистов из Москвы, Куйбышева, Саратова, Свердловска, Перми и других городов в 1979 году.

I.2. Комплексная программа "Духовная культура Урала" включает изучение "языка города" как любого проявления неподготовленного неофициального речевого контакта горожан и пропаганду культуры речи в различных сферах общения. При Челябинском университете и областной организации общества "Знание" с 1978 года работает Межвузовская лаборатория устной речи, разрабатывающая проблемы нормирования устной речи и методов её исследования.

2.I. Представление о рамках предмета исследования связано с понятием "город" и осознанием речи горожан-уральцев как социального явления, имеющего нормативный аспект.

2.2. Региональные нормы устной речи мы связываем с исторически сложившимися и социально закреплёнными языковыми средствами, обеспечивающими незатруднённое общение в пределах Урала.

2.3. Основным способом познания региональных особенностей "языка города" и норм устной речи горожан избран метод полевого исследования, дополненный анкетированием.

М.В.Шульга

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ

Новые явления в языке и отклонения от установившихся норм должны оцениваться, согласно В.В.Виноградову, "в плане научной теории о закономерностях развития системы того или иного живого языка" /ВЯ, 1964, №3/. Это трудоемкое направление исследования языкового материала, зачастую требующее специальных разысканий по истории языка, находится в зачаточном состоянии. Задача настоящего доклада – показать некоторые возможности ретроспективного подхода к современным фактам.

I. Лингвистическую несостоятельность распределения вариантов обоих и обеих по грамматическому роду /Адодуров 1731/ обнаруживает их место в системе языка и отношение к закономерностям развития морфологической системы. По происхождению обоих и обеих – это не родовые формы, а конкурирующие синонимичные формы, каждая из которых обслуживала все три рода. Формы Р.,Д., Т.и П.мн., дифференцированные в соответствии с родом,– это совершенно уникальное явление в системе славянского адъективного склонения. Формирование родовых форм на базе взаимозаменяемых форм противоречит динамике русского имени, важной особенностью которой является именно устранение родовых различий во мн. числе.

2. В системе современного склонения нормативная форма Р.ед. у нее занимает изолированное положение. Регулярным, образованным "по правилу" в ряду адъективных форм является не признанный нормой вариант у ней. Вариантность форм у нее – у ней отражает двойственную природу местоимения третьего лица. По значению и синтаксическим функциям – это существительное;системой же формальных признаков /родоизменяемость/ местоимение третьего лица исконно включено в систему прилагательных. Дань первому – сохранение первичных падежных противопоставлений со специфической формой Р. падежа: у нее, но к ней, о ней. А инерция формы вовлекает это слово в регулярные для его словоизменительного класса преобразования: у ней, к ней, о ней, как у моей, к моей, о моей.

Это не дает оснований для решительных прогнозов в пользу того или другого варианта, предполагает практически равные

возможности для их функционирования.

3. Грамматика-52, словари русского языка квалифицируют форму Р.мн. плечей как устаревающую по отношению к плеч. Для этого нет оснований. Р.мн. плеч - это исконная регулярная форма для слов ср. рода. Форма плечей, по нашим сведениям, не старше XVII века. Ее возникновение связано с унификацией форм названий парных частей тела и с некоторыми актуальными процессами в акцентуации существительного. Устойчивость формы плеч в системе литературного языка связана с влиянием слов, употребляемых преимущественно во мн.числе. Таким образом, вариантность форм плеч - плечей в современном языке предопределена разнонаправленным действием довольно сильных языковых тенденций. Оба варианта, если отвлечься от всех экстралингвистических обстоятельств и взвешивать только возможности, предоставляемые системой языка и тенденциями ее развития, достаточно перспективны.

4. Падежно-числовые формы существительного колено, как и существительного плечо, склонялись под влиянием названий парных частей тела. Однако полного параллелизма в склонении слов колено и плечо нет: современная речевая практика и норма неодинаково оценивают однотипные формы коленей и плечей. Попытки выявить причину этих различий обнаруживают в грамматической истории слова колено участие специфических лексико-семантических факторов: здесь прослеживается омонимическое отталкивание, подобление по форме слов колено в значении "сустав" /коленей/, в значении "изгиб" или "род" /колен/ и в значении "сочлененье" /коленьев/. Оно обнаруживает себя на протяжении всей письменной истории языка в разнообразных фактах: в наборе числовых форм, во флексиях отдельных форм дв. и мн. числа, в соотношении числовых основ, в различии словообразовательных потенций.

Предложенный подход восполняет недостаточность общих представлений о месте каждого из вариантов в системе языка. В осознании тенденций языкового развития, предполагающем понимание причин эволюции, знание механизма языкового преобразования, можно найти опору для конкретных нормативных рекомендаций и объективные критерии для проверки некоторых теоретических установок, в частности, популярного в современной ортологии тезиса об экономии языковых средств.

А.А.Шунейко.

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ И ЯЗЫКОВАЯ КРИТИКА (ЯК).

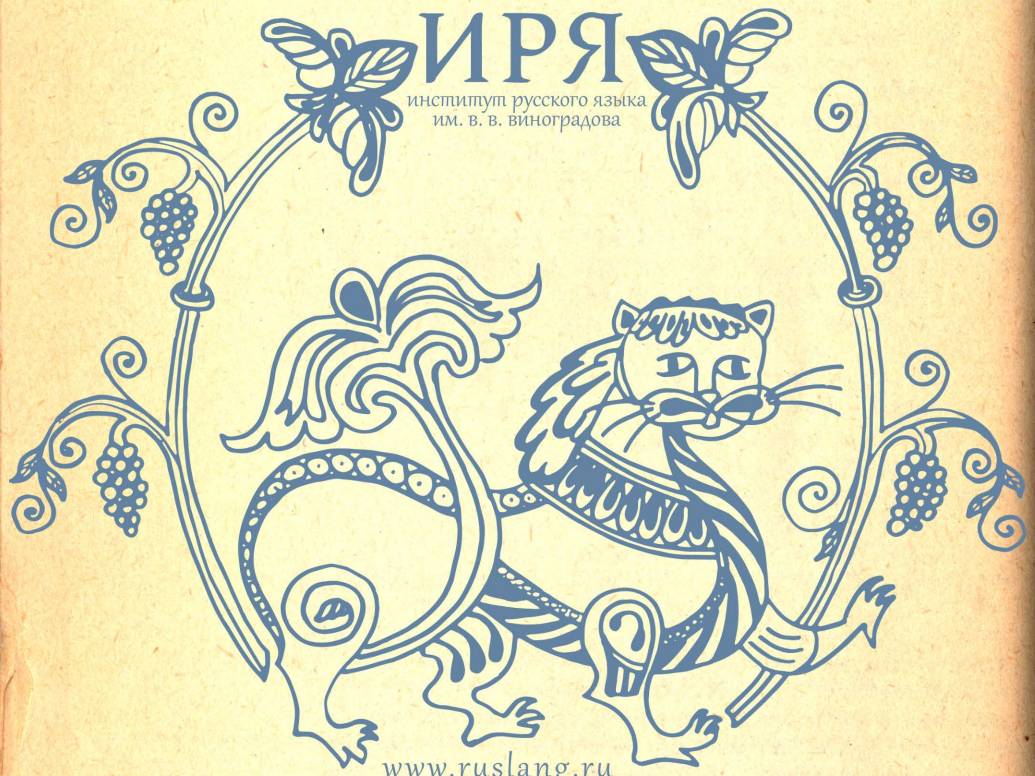
Создание и адекватная интерпретация общей картины культуры русской речи, среди прочего, предполагает учет (I) разнообразных оценок речи - ОР (Б.С.Шварцкопф 1971), (2) оценок, направленных на художественную речь - ЯК (В.П.Григорьев 1979). Т.к. проявления национального языка с установкой на творчество - его (языка) существенная часть, без учета ЯК картина будет неполной. Между тем ЯК с этой т.з. не рассматривалась. Еще одно соображение заставляет обратиться к ЯК в этой связи: тесная связь ЯК и ОР, предполагающая, что описание первого и второго должно основываться на их рассмотрении (I) в едином ряду; (2) в контексте механизмов контроля и регулирования говорящими/пишущими функционирования языковых единиц. Основания для такого рассмотрения, базой которых является то, что ОР и ЯК - проявления металингвистической функции языка, есть: I. "Вкусовые оценки", которые в равной мере принадлежат ОР и ЯК. 2. Сходные объекты и способы оценки там, где ЯК и ОР разграничены. 3. Случаи, когда ЯК и ОР подтверждают и иллюстрируют друг друга в концепции одного критика. 4. Преимущественно эксплицитный характер ОР и ЯК.

Тесная связь ЯК и ОР не отменяет существенных различий между ними, учет которых необходим для верного восприятия места и роли ЯК в создании общей картины. К различиям, выявление которых базируется на характеристиках ОР, которые отметил Б.С. Шварцкопф, можно отнести: I. Направленность ЯК на художественную речь. 2. ОР вызваны несовпадением языковых представлений говорящего и слушающего, в ЯК, в первую очередь,- стремлением к постижению особенностей языка художественного текста. 3. Непроизвольность ОР. 4. Преимущественная реализация ОР и ЯК в различных типах речевых ситуаций. 5. Различный характер связи с теорией. 6. Для ЯК ориентация на стилистику (в рамках лингвистической поэтики) - основная сфера приложения. 7. Наличие в рамках ЯК, которая как и ОР имеет сопутствующий характер, феноменов, обладающих самостоятельной эстетической значимостью. 8. Различная мера интуитивности ОР и ЯК.

ЯК помогает осмыслить части культуры русской речи, которые не входят в область действия ОР.

А-08442
УПА.МГУ. ЗАК.163 Т.120

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru